

Серия «Научно-популярная литература»

А. А. Формозов

Древнейшие этапы истории Европейской России

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Серия «Научно-популярная литература»

Основана в 1932 году

А. А. Формозов

Древнейшие этапы истории Европейской России

Москва Наука 2003

2011

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Ф79

Ответственный редактор

доктор исторических наук *Н.Я. МЕРПЕРТ*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.С. КАМЕНЕЦКИЙ*,
кандидат исторических наук *Ю.А. СМИРНОВ*

Формозов А.А.

Древнейшие этапы истории Европейской России /
А.А. Формозов; Отв. ред. Н.Я. Мерперт; Ин-т археологии. – М.:
Наука, 2003. – 154 с.: ил. – (Сер. “Науч.-попул. лит.”). –
ISBN 5-02-009839-6

В книге в доступной форме рассказывается о первоначальном заселении Европейской России первобытными людьми и о дальнейшем развитии их культуры вплоть до I тысячелетия до н.э. – начала железного века. Рассмотрены история хозяйства, быта, искусства первобытного общества, формирование существующих и сейчас языковых групп. Автор анализирует влияние материальной и духовной культуры на дальнейший ход исторического развития России.

Для всех интересующихся прошлым нашей страны.

Без объявления

ISBN 5-02-009839-6

© Российская академия наук и
издательство “Наука”, серия
“Научно-популярная литерату-
ра” (разработка, оформление),
1932 (год основания), 2003

ВВЕДЕНИЕ

Уже древнерусские летописцы – первые наши историки – понимали, что их знания о прошлом своего народа ограничены сравнительно коротким отрезком времени, и искали источники, позволявшие заглянуть поглубже в даль веков. Сначала опирались на сведения о древности, вошедшие в Библию. Позднее, когда в русское общество проникли византийская ученость, веяния эпохи Ренессанса, в наших книгах появились рассказы о Троянской войне, скифах, Александре Македонском.

В XVIII в. ученые из Петербургской академии наук стали широко привлекать известия о народах Восточной Европы, содержащиеся в сочинениях древнегреческих и римских авторов, в западноевропейских средневековых хрониках. Изредка вспоминали и о вещественных памятниках, но анализировать их ученые тогда еще не умели и выводы делали произвольные.

Осознав это, главные наши историки XIX в. Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский – почти никогда не прибегали к помощи археологии. И только с конца этого столетия материалы, добытые при раскопках, постепенно начали вводить в общие обзоры русской истории. Хотя некоторые из авторов таких работ – П.Н. Милюков, Ю.В. Готье – сами принимали участие в раскопках и хорошо знали специальную литературу, сопоставить очень разнохарактерные данные письменных и вещественных источников даже им удавалось редко.

Действительно, летописи повествуют о внешнем ходе событий. Законодательные акты дают представление о правовых нормах. Дипломатические документы освещают международные отношения. А археологические раскопки приносят нам обломки глиняных сосудов, отдель-

ные орудия труда, оружие, украшения, т.е. обрисовывают бытовую обстановку минувших эпох, материальную сторону жизни. Как свести воедино столь неоднородную информацию и прийти на основании ее к более или менее надежным выводам?

В 1930–1980-х годах писать полагалось не курсы истории России, а курсы “истории СССР”, искусственно объединяя сведения о прошлом весьма отдаленных друг от друга районов, имевших каждый свою судьбу и сравнительно поздно вошедших в состав единого государства. Неувязки увеличивались. В таких сводках, как и в книгах по истории союзных республик – Украины, Казахстана, Грузии – главы о древности писали обычно специалисты-археологи. Разнотильность частей внутри единой работы бросалась в глаза.

Преодолеть до конца эту трудность, очевидно, вообще невозможно. Дописьменный и письменный периоды истории всегда будут освещаться неодинаково. Но и дописьменный период в жизни человечества – это этап истории, притом огромный по протяженности во времени. Даже для Египта и Передней Азии, где письменность возникла раньше всего, восстановить с ее помощью исторический процесс мы в лучшем случае можем лишь за последние пять тысяч лет. А история человечества в целом охватывает как минимум два миллиона лет.

Письменные свидетельства на русском языке появились около тысячи лет назад, а иноязычные упоминания о народах, обитавших в пределах нынешней России, – две с половиной – максимум – три с половиной тысячи лет назад.

Таким образом, если мы хотим узнать о жизни людей, заселявших территорию нашей страны, с первого их проникновения до появления большого числа письменных известий, нам придется опираться почти исключительно на археологические материалы. Дополнением к ним иногда могут служить этнографические параллели, анализ фольклора, языковых и антропологических данных.

Чем же археологические коллекции в состоянии помочь пониманию истории России? Традиционно их привлекали для рассмотрения двух больших тем.

Прежде всего раскопки дают представление о поступательном ходе развития материальной культуры, о постепенном появлении важных достижений в развитии хозяйства, орудий труда, средств сообщения и т.д. Изучение этого круга тем первоначально велось как рассказ о “домашнем быте” наших предков, потом для обоснования владевшей умами ученых идеи прогресса. Теперь очень популярно экологическое толкование образа жизни древних людей – того, как они приспособлялись к окружающей природной обстановке.

В начале XX в. на первый план вышел иной круг тем, связанный с изучением ранних этапов формирования существующих ныне народов. Уже к началу этого столетия было выявлено много древних поселений и могильников, установлено не только, какие из них более ранние, а какие более поздние, но и то, чем они отличаются от археологических памятников сопредельных территорий. Возник соблазн видеть в этих остатках старины ступени развития древних народностей, сформировавшихся именно здесь и здесь же живущих и сейчас.

Так смотрел на свои находки В.В. Хвойка в книге “Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена” (Киев, 1913), Хвойка открыл палеолитическую стоянку на Кирилловской улице в Киеве, очень яркую культуру эпохи меди в Триполье, так называемые “поля погребений” – могильники начала I тысячелетия н.э., где на определенном расстоянии друг от друга зарыты урны с прахом покойных, вел раскопки древнерусских культурных слоев в самом Киеве. И вот во всех этих памятниках Хвойка усматривал свидетельства о жизни славян на разных этапах их развития.

Когда в 1930–1940-х годах в советской науке господствовали идеи Н.Я. Марра, отрицавшего переселения народов, настаивавшего на обязательном местном (автохтонном) развитии общества, последователи этих идей писали книги, во многом напоминавшие сочинения дилетанта Хвойки. Пример тому “Восточнославянские племена” П.Н. Третьякова (1-е изд. М., 1948).

Между тем многотысячелетнее развитие народа на одной территории – редчайший случай. На протяжении ве-

ков и тысячелетий население перемещалось. Охотники, истребив дичь в каком-нибудь районе, осваивали соседний, а то и шли за стадами животных на весьма далекие расстояния. Земледельцы, истощив поля, переселялись на другое место. Скот выбивал пастбища, и владельцы его были вынуждены откочевывать. В периоды же бескормицы – джута они могли продвинуться по степной полосе на сотни и тысячи километров.

Пришельцы и аборигены неминуемо смешивались. Иногда немногочисленное новое население растворялось в массе старого. Иногда пришельцы обладали более высокой культурой, закреплялись на новом месте, оттесняли и поглощали аборигенов. И то, и другое по материалам раскопок в какой-то мере проследить удастся, но уверенно сказать, чей язык стал при этом господствующим, мы почти никогда не можем. Разработка вопросов этногенеза – происхождения народов – дело крайне сложное. К сожалению, этого не понимают бесчисленные дилетанты, увлеченные такими проблемами. Они готовы искать в каменном и бронзовом веке прямых предков русских или чужащей, а это задача безнадежная.

Нельзя сказать, однако, что столь же бессмысленны попытки нащупать с помощью археологии истоки, глубокие корни отдельных явлений, вошедших в культуру нынеживущих народов. Элементы древних культур (особенности костюма, своеобразные обряды, мотивы фольклора и т.д.) в той или иной мере вплетались в многоцветную ткань культур позднейших, вне зависимости от того, на каких языках говорили люди, оставившие памятники археологии и живущие здесь сейчас.

Происходило это по-разному. Европейцы, заселившие Северную Америку и Австралию, безжалостно уничтожали аборигенов и почти ничего не восприняли из их наследия. Земледельческий народ – русские – освоивший в XVI–XVII вв. просторы Сибири, был столь многочислен по сравнению с разрозненными группами охотников в лесной полосе и скотоводов в южной части, что аборигены затерялись в русской массе. Кое-где они вымерли, ассимилировались, но кое-где все же сохранили свой традиционный быт.

Нужно знать историю Америки до ее широкого освоения европейцами в XVIII в., историю Сибири до прихода русских, – ведь это главы общечеловеческой истории. Но в обоих случаях органической связи того и другого этапов истории нет.

Разрыв велик, и все же отдельные элементы культуры были восприняты латиноамериканцами у местного индейского населения и русскими у коренного населения Сибири. А наиболее крупные народы: индейцы в Америке, буряты и якуты в Сибири не исчезли бесследно, сохранили свое лицо, развивают свою культуру в новых условиях.

Рассмотрим другой район – Египет. Ныне это арабская страна, хотя арабы пришли сюда лишь в 635–642 гг. н.э. Прямой связи с людьми, создавшими великую древнеегипетскую цивилизацию, у них нет. Но система хозяйства с использованием разливов Нила (лиманное орошение), с колодцами – шадуфами в пустыне и т.д. была воспринята арабами у потомков древних египтян. А кое-где в арабскую среду вкраплены и потомки последних – христиане – копты. По официальной статистике в составе населения АРЕ коптов 10% – 4 миллиона из 44; реально же их около 8 миллионов. Большинство коптов утратили свой язык, сохранившийся только в богослужениях и непонятный прихожанам, говорят по-арабски и усвоили специфические черты арабской культуры.

То же произошло со многими народами Восточной Европы, говорившими на языках финской группы. Упоминаемые в древнерусских летописях меряне исчезли, растворились в славянской среде. Другие финноязычные народы – удмурты, марийцы, мордва – уцелели, но далеко не все представители этих национальностей знают родной язык. В основном они говорят по-русски и в быту во всем схожи с русскими. И все же, если они чувствуют себя марийцами или удмуртами, это крайне важно. Признаками этноса служат не только язык, специфические костюмы, обычаи, но и национальное самосознание.

К сожалению, судить по материалам раскопок о национальном самосознании мы не можем. Отсюда все этнические определения археологов нельзя не признать весьма условными.

Наконец, помимо районов, где особенно заметны реликты древнего населения, знаем мы и районы, в которых можно проследить медленное развитие местной культуры с глубокой древности до наших дней, не прерываемое какими-либо инородными включениями. Таков Китай с начала бронзового века и по сей день. Это не означает, что кроме китайцев тут никогда не было никаких других народов. Письменные источники рассказывают о вторжениях в Поднебесную империю северных кочевников. Но они растворялись в местной земледельческой среде. На южный Китай сильно влияли океанические культуры, но и тут возобладали старые местные традиции.

Учитывая рассмотренные примеры, мы можем четче определить задачу данного очерка. Она не в том, чтобы отыскать прямых предков русских в каменном и бронзовом веке, а в том, чтобы выделить в культуре людей, обитавших в эти эпохи в Европейской России, явления, в той или иной мере небезразличные для судеб ее нынешнего населения.

Нам предстоит познакомиться с огромным и очень разнообразным материалом. Разобраться в нем не только дилетанту, но и профессиональному историку отнюдь не просто. Дилетантские сочинения о древнейшем прошлом России, увидевшие свет за последние годы, сводятся не к тому, чтобы уяснить сложный вопрос, а к декларациям, что такие-то (достаточно случайно выбранные) памятники древности оставлены нашими великими предками и свидетельствуют об их исконном величии. Понять, какие находки ранние, а какие более молодые, какие взаимосвязаны, а какие нет, какие надежные, а какие сомнительные, авторы таких сочинений не в состоянии. Им важно лишь найти что-нибудь подревнее и поярче и создать некую красивую схему, очередную легенду, очередной миф¹.

Что касается профессиональных историков, то они зачастую просто теряются перед колоссальным массивом археологических материалов. Помню, как академик А.М. Румянцев, готовивший монографию “Возникновение и развитие первобытного способа производства” (М., 1985), сетовал, что, накупив тома “Советской археологии”

и “Археологических открытий”, как-то не может извлечь из них что-либо для своей работы.

Дело в том, что наши специальные издания заполнены в основном отчетами о раскопках отдельных памятников прошлого или попытками классифицировать ту или иную группу находок, выделить типы древней глиняной посуды, каменных или бронзовых орудий и т.д.

Что же будет интересовать нас? Археологические памятники разнообразны, но главных их вида два: остатки древних поселений и древних кладбищ (кроме того существуют следы горных разработок и ирригационных сетей, оборонительные сооружения, клады, рисунки на скалах и т.д.). Там, где люди жили сколько-нибудь долго, образуется из органических остатков так называемый культурный слой. Раскопки поселений позволяют судить о хозяйстве их обитателей, поскольку здесь обычно находят кости съеденных ими животных – диких или домашних, о типах жилищ, о планировке поселков. Раскопки кладбищ приносят данные о погребальном обряде, далеко не одинаковом в разные эпохи и у разных племен, о наличии богатых и бедных могил. В могилах первобытной эпохи как правило находят орудия труда, ту или иную утварь, ибо в древности верили, что все это пригодится покойнику на том свете. Находки в одной могиле составляют археологический комплекс – совокупность бесспорно одновременных вещей.

Если какой-то район изучен хорошо, по серии стоянок и могил удастся составить представление о развитии культуры в данном месте, о том, наблюдаем мы эволюцию одного типа культуры или смену разных.

Историческая интерпретация находок не легка. Тут возникает много специфических трудностей. При анализе письменных свидетельств о прошлом основной метод – критика источников, сопоставление разных сведений с целью отделить достоверное от заведомой лжи, ошибок памяти, субъективных оценок, мифов и т.д.

Академик И.А. Орбели любил говорить, что в отличие от письменных свидетельств древние вещи никогда не врут. Это не совсем так. Порою ради престижа бедняки клали в могилы сородичей богатые дары или рисовали на

стенах гробниц якобы принадлежавшие умершим огромные стада скота.

Но дело не только в этом. Критика источников чрезвычайно важна для археологии по целому ряду других причин.

Большинство археологических памятников дошло до нас отнюдь не в первоизданном виде. Подавляющая часть культурных слоев, оставшихся от древних поселений, за долгие тысячелетия была переотложена, размыта, развеяна. Удобных для поселения мест не так уж много, и люди использовали их неоднократно. Более ранние слои при этом нарушали, перекапывали, древние вещи нередко попадали из нижних пластов в верхние. Разобраться в находках на поселениях с так или иначе нарушенным слоем очень трудно, и те, кто не отдает себе отчета в этих сложностях, впадают в большие ошибки.

Некоторые важные для реконструкции древних культур явления: одежда, деревянные изделия, ковры, циновки и т.д. сохраняются в земле в исключительных случаях, из-за чего наши знания о прошлом отрывочны и неполны.

Ряд предметов, дошедших до нас, обладает большим сходством не потому, что они созданы теми же самыми людьми и в одну эпоху, а потому что их форма предельно целесообразна и, будучи некогда найдена, многократно воспроизводилась потом разными народами и в разное время. Это касается прежде всего орудий труда. Им придавали особое значение наши археологи-марксисты в 1930-х годах, но вскоре стало ясно, что для истории эти находки дают меньше, чем другие. Здесь слишком много случайных совпадений. Распространяется это явление – конвергенция – и на такие категории материальной культуры как жилища, средства сообщения.

В силу всего этого при изучении первобытной эпохи на первое место выходят материалы, по тем или иным причинам часто встречающиеся при раскопках, но в реальной жизни людей игравшие, вероятно, не такую уж важную роль.

Так, археологи уделяют большое внимание древней глиняной посуде: и технике ее изготовления, и ее формам, и особенно орнаментации. Это материал массовый,

очень разнообразный, хорошо поддающийся классификации. Немало исторических выводов построено археологами почти исключительно на основе анализа древней посуды. Как бы серьезен ни был этот анализ, все же возникает известное сомнение – не уходим ли мы, идя таким путем, куда-то в сторону от понимания культуры наших предков в целом.

Ясно, что характеристику любой культуры надо давать по возможности на максимально полном учете фактов, на всем их комплексе, но в практике археологов это, увы, почти никогда не возможно. И для одних эпох на первый план выходит рассказ о каменных орудиях, для других – о глиняной посуде, для третьих – о металлических застежках-фибулах, о конской упряжи или украшениях поясов.

Несмотря на эти крайне важные ограничения, мы все же можем утверждать, что наблюдения, сделанные в ходе раскопок в Европейской России, и собранные при этом коллекции, в особенности полученные в XX в., весьма богаты и уже приведены в определенную систему. Благодаря этому каждой новой находке сразу отводится место и во времени, и в пространстве.

Для распределения памятников археологии во времени важны три момента. Первое – наблюдения за последовательностью слоев с разным составом находок на поселениях и над перекрыванием разнохарактерных могил на древних кладбищах. Это дает относительную хронологию. Второе – это абсолютные датировки, основанные на данных естественных дисциплин (например, определение возраста по радиоактивному углероду). Третье – сопоставления находок с материалами из тех районов, где уже существовали письменность, календари, хроники событий.

Для распределения находок в пространстве археологи выделяют варианты древней культуры, появившиеся в результате приспособления людей к специфическим природным условиям (адаптация) и сложения определенных культурных традиций у отдельных древних обществ. В связи с этим археологи выделяют особые “археологические культуры”, “культурные общности”, “памятники типа...” и т.д.

Для всех эпох уже составлены археологические карты не просто с обозначением относящихся к данному времени памятников, но и с какими-то, иногда относительно четко, а иногда расплывчато намеченными ареалами – областями распространения тех или иных типов древностей (особого рода погребальных сооружений или поселений с каким-то своеобразным типом жилищ, посуды и т.д.). Отсюда нередко делают вывод, что по таким картам можно судить о расселении разных народов – этносов древности. В ряде случаев это, вероятно, так и есть, но зачастую намечено нечто другое – распределение в пространстве определенных типов хозяйства. Так или иначе очерченные области отражают реальную картину, существовавшую в глубине веков. И поэтому нельзя не считаться с наблюдениями такого рода.

Из наших беглых предварительных замечаний читателю в какой-то мере должна стать ясна сложность работы с археологическими материалами в исторических целях. Заранее оговорюсь, что в дальнейшем изложении я вынужден опустить всю систему доказательств как приводимых дат, так и деления памятников древности по районам (границ культурных областей). Я опираюсь здесь на разработки специалистов. В значительной мере их выводы суммированы в многотомном издании “Археология СССР” (последние тома – просто “Археология”), выпускаемом издательством “Наука” с 1984 г. Там можно найти многочисленные рисунки, карты и библиографические справки. Отсылая к ним читателя, я буду ссылаться лишь на публикации, появившиеся позже, или на особенно важные монографии.

Текст неминуемо отражает и взгляды автора. С археологией я связан с 1944 г. Занимался я и собственно русской историей. Это, надеюсь, поможет мне донести свои представления о начальных этапах истории Восточной Европы до тех, кто от археологии далек, но историей Отечества интересуется².

Книга написана не для специалистов-археологов, а для историков, в особенности преподавателей. Я ставлю себе задачей отобрать для них наиболее важные и наиболее надежные факты, отсеивая второстепенные и плохо доку-

ментированные. В этой связи кое-где пришлось вступать в спор с авторами некоторых известных сводных работ, получивших признание читателей.

Свой рассказ я начну с появления человека в пределах Европейской России и доведу до начала I тысячелетия до н.э. От этого времени до нас дошли самые ранние письменные свидетельства о населении этой территории, требующие уже иного подхода к их интерпретации, чем коллекции из раскопок. В заключение я рискну высказать свое мнение о том, как отразилось на последующем развитии России то, что дошло до нас от первых обитателей территории, где суждено было сложиться русскому народу.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ

Территория Европейской России была освоена на начальных этапах развития человечества, но все же не на самой ранней стадии его развития.

Нет оснований включать Восточную Европу в область очеловечивания обезьяны, как это делалось в советской литературе 1940–1950-х годов. Авторы гипотезы о том, что люди возникли и в южных областях Советского Союза, ссылались на находку костей третичной обезьяны в Удабно в Грузии и на архаичные по облику каменные орудия из Армении. Но удабнопитек – не предковая форма по отношению к человеку, а боковая ветвь в эволюции гоминид. Орудия же из Армении, хотя и очень древние, связаны тем не менее не с самым началом палеолита. Ни один из видов животных не имеет такого огромного ареала, как намечавшаяся археологами область происхождения человека, включавшая якобы и Африку, и Азию, и Европу.

Современная наука пришла к выводу, что человек выделится из мира животных в Африке. Здесь выявлены наиболее древние костные остатки обезьяно-людей, наиболее архаичные изделия из камня, причем и те, и другие получили надежные и очень глубокие даты – порядка двух миллионов лет.

Из Африки обезьяно-люди расселились в Азию и Европу. Произошло это на той стадии развития их культуры, когда орудия сохраняли еще очень примитивный характер. По принятой сейчас классификации, в раннем палеолите выделяются олдувайский этап (по Олдуваю в Танзании) и ашельский (по Сент-Ашелю во Франции), Олдувайские орудия в пределах России и СНГ пока не обнаружены. Ашельские же известны на Кавказе, в Средней Азии

и на Русской равнине. Таким образом, с ашельской эпохи мы можем начинать обзор памятников культуры нашей страны.

На сегодняшний день наиболее ранние находки в СНГ сделаны в Дманиси в Грузии. Там камни, побывавшие в руках людей, залегали в одном слое с костями животных, характеризующих весьма древний фаунистический комплекс. По геологической периодизации это – нижний плейстоцен. В то время в Закавказье жили страус, саблезубый тигр, южный слон, этрусский носорог, стеннонова лошадь, сложнорогий олень. Все это теплолюбивые животные. Значит, условия для жизни древнейших людей были вполне благоприятны. Надо, однако, оговориться, что единичные обработанные камни из Дманиси не очень выразительны и заключены в слоях, в древности подвергавшихся переотложению.

Полноценные комплексы, полученные в результате раскопок, мы имеем уже для более поздних стоянок – ашельских, связанных со средним плейстоценом. К этому периоду относятся не только отдельные каменные орудия, найденные на поверхности или в переотложенных слоях, но и стоянки в пещерах с непо потревоженным культурным слоем. В Азербайджане изучена пещера Азых. Древние люди обитали в ней около 600 000 лет назад. В Южной Осетии расположена пещера Кударо I с остатками поселения близкого возраста. Наконец, уже в пределах России, в Прикубанье, выявлен недавно Треугольный грот (Карачаево-Черкесия, Междуречье рек Кува и Уруп). Даты образцов, взятых в этой пещере, около 400 000 лет, но есть здесь и более древние слои, так что не исключено, что заселили пещеру 600–700 тысяч лет назад¹.

Кости животных, собранные при раскопках в этих пещерах, принадлежат иным видам, чем те, что найдены в Дманиси. В Кударо найдены остатки макаки, дикобраза, мосбахского волка, средиземноморского медведя Денингера, пещерного льва. В Треугольном гроте есть кости бизона Шотензака, этрусского носорога, пещерного медведя, мосбахского волка².

Ашельская эпоха – межледниковая. Остался далеко позади миндельский этап оледенения, но не пришел еще

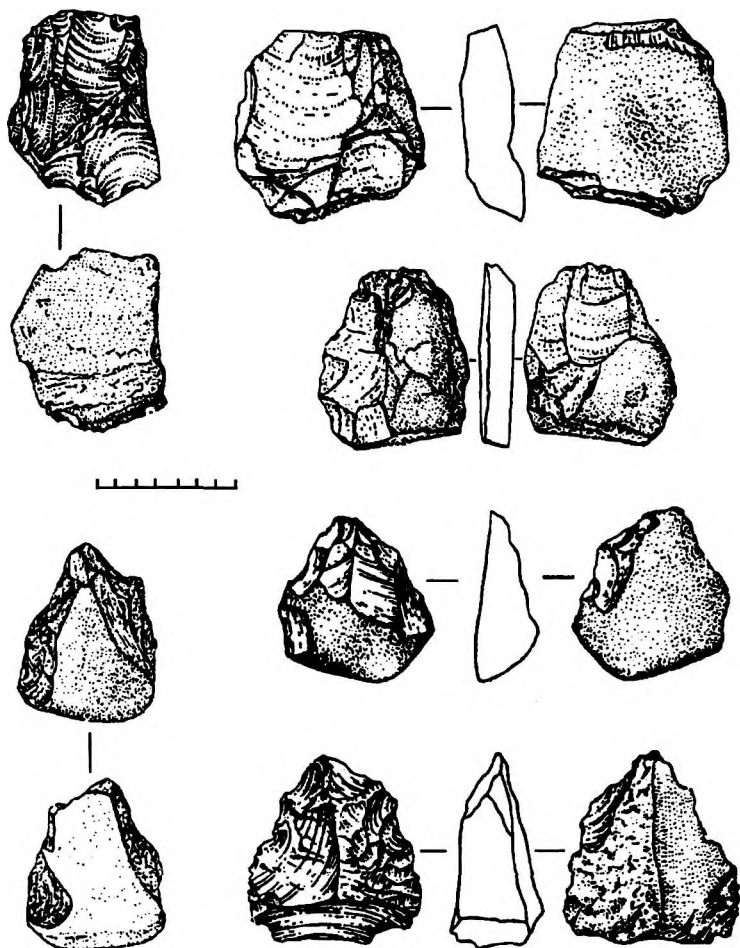

Рис. 1. Каменные орудия из Треугольной пещеры в Кабардино-Балкарии

час максимального рисского оледенения. В этот отрезок времени, 600–400 тысяч лет до наших дней, на Северном Кавказе было сухо и тепло. Ландшафт преобладал луго-степной. При этих благоприятных условиях и пришли сюда первые люди, по-видимому, с юга, продвинувшись из Африки через Левант и Восточную Анатолию³.

Долгое время археологи думали, что на начальных этапах обработки камня техника находилась на очень низком уровне, из-за чего во всех частях света древнейшие орудия совершенно одинаковы. Сейчас ясно, что это не так. Специфические виды обработки камня и самих орудий появились уже в начале палеолита. И вот, ранне-палеолитические орудия Кавказа, безусловно, больше похожи на находки в Африке, чем на те, что сделаны в Европе и Азии. Так намечается один из путей первоначального заселения территории нашей страны.

Встают два вопроса. Первый: а не будут ли и у нас обнаружены доашельские, олдувайские стоянки? Попытки выделить их делались. Так, утверждалось, что в Азыхе под слоем с ашельскими изделиями на дне пещеры залегают отложения с примитивными галечными орудиями, но эти предметы не имеют следов искусственной обработки. В Крыму на морских террасах также собраны архаические галечные орудия, однако возраст их неясен.

Все же исключить возможность открытия доашельских стоянок в России нельзя. В Западной Европе они есть. Таковы находки в гроте Валлоне во Франции. Возраст их 700 000 лет. Каменные орудия из Дманиси скорее галечные, олдувайские, чем ашельские.

Второй вопрос: был ли путь из Африки через Малую Азию и Кавказ единственным путем заселения Восточной Европы? Ведь очень ранние ашельские и даже олдувайские стоянки на западе Европы известны. Весьма давно люди типа питекантропа (700–550 тысяч лет) и синантропа (800 тысяч лет) освоили и юго-восток Азии.

Ближайший с запада к России ранний ашельский памятник изучен в Королеве в Закарпатской Украине. Возраст его порядка 900–800 тысяч лет. Предлагались очень глубокие даты (2,5–1,8 млн лет) для алтайского местонахождения Улалинка, но они недостаточно надежны, да и сами находки невыразительны.

Предварительно можно сказать, что азиатские ранние палеолитические изделия, хорошо известные нам по находкам в Казахстане и Средней Азии, заметно отличаются по облику и технике обработки от самых ранних орудий, выявленных на Кавказе. Проникновение азиатских

влияний на территорию Восточной Европы в раннем палеолите мало вероятно.

Иначе обстоит дело с просачиванием сюда населения из Западной Европы. Это вполне могло быть, но беда в том, что рисское оледенение стерло следы древних стоянок на Русской равнине. Найти их теперь очень нелегко. Пещер же здесь сейчас почти нет. С.Н. Замятнин призывал к поискам древнейших стоянок и разрушенных пещер на Русской равнине еще в 1949 г., но его призыв не был услышан археологами.

Таких надежных поселений с сохранившимся культурным слоем, с находками, образующими бесспорно одновременный комплекс, как Кударо, Азых, Треугольный грот, к северу от Кавказа пока не найдено. Все же тут обнаружены архаичного облика предметы в переотложенных слоях, иногда с костями животных, живших в раннем палеолите, иногда в условиях, позволяющих говорить о геологически достаточно древнем возрасте.

Такие находки есть не только на Северном Кавказе, в Прикубанье (местонахождения на р. Псекупс, Абадзехская в бассейне р. Белой и др.), но и севернее в Приазовье (карьер Цимбал), в низовьях Дона (Герасимовка, Хрящи, Хутор Михайловский), на средней Волге (Тунгуз в Ульяновской обл., Красная глина в Татарстане)⁴. Все это районы, не попавшие в зону максимального оледенения. Не исключено, что стоянки того же возраста были и в Центре Русской равнины, но плохо сохранились и еще не отысканы. Пока же, судя по волжским находкам, можно утверждать, что в ашельскую эпоху люди уже далеко продвинулись по Русской равнине в северном направлении. Возможно, еще тогда Волга стала одним из главных путей движения населения с юга на север.

В пределах России не найдены костные остатки древнейших людей. В Европе, Азии и Африке каменные орудия ашельского времени сочетаются с костями так называемых архантропов, типа питекантропа, синантропа, гейдельбергского человека, и ранних неандертальцев (ближайшие находки – Вертешселеш в Венгрии, Пржезлатце в Чехии). Эти существа сохраняли в своем строении много обезьяньих черт. Мозг у них был много меньше, чем у

современного человека, лоб убегающий назад, массивные надбровные валики, челюсть без подбородочного выступа. Такого типа челюсти найдены в Дманиси в Грузии и в пещере Азых в Азербайджане. В азыхской челюсти антропологи усматривают сочетание особенностей, свойственных человеку прямоходящему из Африки, питекантропу, синантропу и ранним неандертальцам Европы.

Полагают, что эти предки человека не обладали еще ни членораздельной речью, ни сколько-нибудь развитой духовной жизнью. В раннем палеолите мы не знаем ни захоронений людей – свидетельств осознания разницы между жизнью и смертью – ни произведений искусства.

В этой связи приходится отвергнуть идею нашего выдающегося филолога и историка культуры В.Н. Топорова об “основном мифе”, осколки которого встречаются у разных народов, отражая, сложившуюся у первых людей некую изначальную мифологию (своего рода откровение)⁵. Археологи могут твердо сказать, что древнейшие люди широко расселились по Старому свету и утратили то единство, что вполне могло у них быть на Африканской прародине, еще на доречевой стадии. Тогда они никак не могли создать единую мифологическую систему.

Из всего этого отнюдь не следует, что ашельские стоянки оставлены существами, мало чем отличавшимися от животных. Нет, ряд важнейших шагов в развитии культуры этими людьми был уже сделан.

Прежде всего, они изготовляли для себя разнообразные орудия. Большинство из них было, несомненно, из дерева. Они дошли до нас в исключительных случаях (рогатина из Клектон в Англии). Сохранились же в изобилии изделия из камня. Среди них четкая повторяющаяся форма ручного рубила: миндалевидного орудия с острым концом, двумя заостренными при помощи сколов рабочими краями и пяткой, удобной для захвата рукой. Такими орудиями можно было рубить, копать, расчленять туши убитых зверей. Но большинство орудий делали не путем отесывания исходной гальки с двух сторон, а из отщепов, отколотых от каменного ядрища – нуклеуса, получавшего в древнем палеолите после многократного скалывания дисковидную форму. Из отделенных от нуклеуса отщепов из-

готовляли, подправляя края мелкими сколами – ретушью, разные режущие, скобящие и скребущие орудия, с прямыми, выпуклыми, вогнутыми рабочими краями. Их называют остроконечники, скребла, скобели. Четкие очертания орудий – миндалевидные, треугольные – свидетельствуют о том, что в ашельское время у людей уже возникло чувство формы.

Второе важнейшее явление – ашельский человек обладал огнем. При раскопках пещер найдены кострища, а иногда и что-то вроде очагов – вокруг зольного пятна расположены обожженные камни (Азых). Когда они раскалялись, на них можно было жарить мясо. Вряд ли люди умели тогда добывать огонь в любую нужную им минуту. Скорее они научились сохранять тлеющие головни после лесных пожаров и на протяжении долгого времени поддерживали костры. А это требовало определенной организации внутри обитавшей на стоянке группы людей, чего-то вроде дежурства у негасимого огня.

В еще большей мере эти соображения касаются третьего кардинального момента. Ашельский человек был охотником. В свое время господствовала идея, что охоте у древнейших людей должна была непременно предшествовать стадия собирательства. Эту идею, развитую в “Возникновении народного хозяйства” Карла Бюхера (Дрезден, 1893), наш известный археолог П.П. Ефименко отстаивал даже в 1953 г. в своем итоговом труде “Первобытное общество”. Для него большая часть ашельской эпохи – период собирательства.

Конечно, люди собирали ягоды, грибы, птичьи яйца, моллюсков, съедобные корни, но новейшие археологические раскопки показали, что не только в ашеле, но и в предшествовавшем ему олдувайском периоде занимались они и охотой. Добычей их становились даже крупные звери – слон, носорог, гипопотам, бизон. Выше уже упоминалось о находках костей пещерного медведя и бизона в ашельском слое Треугольного грота.

А поскольку, такого охотничьего вооружения, как копье, лук и стрелы, у ашельского человека еще не было (могли быть лишь деревянные дубины и рогатины), успех охоты обеспечивался, очевидно, не качеством оружия, а

умелой ее организацией. Сложная система охоты загоном есть уже у хищных животных. Но гоминиды – не хищники. Переход к новым источникам добывания пищи потребовал от них перестройки образа жизни, создания своих приемов загона. Значит, и здесь мы отмечаем указание на определенную организацию, лежащую в основе жизни первых обитателей нашей страны. Это были не полузвери-полулюди, жившие на деревьях и собиравшие подножный корм, а умелые охотники, превратившие пещеры в свои жилища, с помощью огня вытеснившие оттуда такого страшного соперника, как пещерный медведь, заселившие огромные пространства Старого света, перевалившие через снежный Кавказский хребет и далеко продвинувшиеся по Русской равнине на север.

Были ли у этих людей какие-то зачатки, проблески духовной жизни, какие-то, пусть самые примитивные, обряды? Точного ответа на этот вопрос пока нет, но можно выделить некоторые намеки. У входа в пещеру Кударо I обнаружены как бы специально поставленные с двух сторон черепа пещерного медведя и оленя – тех животных, на которых в основном охотились обитатели пещеры. Это можно расценить как случайность, но то же сочетание черепов повторилось при раскопках соседней пещеры с более поздним поселением (мустьерской эпохи) Кударо III.

Вот, пожалуй, и все, что мы вправе уверенно сказать о древнейшем населении Европейской России. Какую роль сыграло оно в дальнейших судьбах этой области, определить трудно. Население, безусловно, было редким. Эпидемии, голодовки, стихийные бедствия, тяжелые условия жизни выкашивали его. Тем не менее вымирали не все. В отдельных группах вырастало потомство, поднимавшееся со временем на более высокую ступень в развитии культуры.

И последний вопрос. Констатация того, что люди появились в Европейской России гораздо позже, чем в некоторых других частях Старого света, ни в коей мере не свидетельствует об изначальной отсталости этой области. Человек возник в Африке, следовательно, развитие человеческого общества на этом материке было более долгим, чем где-либо. Но в культурном отношении Африка от-

нюдь не самый передовой район. Продолжая в нашей стране поиски наиболее ранних следов обитания, археологи должны трезво оценивать факты. Недопустимо устраивать псевдосенсации вроде тех, что вызвали недавно более чем сомнительные находки в Якутии. Ограничимся пока признанием того, что исторический процесс в Европейской России начался около 600 тысяч лет назад. Это глубокая древность и заняться всесторонним изучением культуры ваших самых далеких предков – задача важная и достойная.

Следующий за ашельским этап палеолита – мустьерский (от пещеры Мустье во Франции) – представлен в Европейской России гораздо более богатыми материалами.

Много мустьерских стоянок исследовано на Северо-Западе Кавказа. Это прежде всего пещерные поселения на Черноморском побережье в районе Сочи-Адлера; соответствующие слои в Ахштырской, Навалишенской, Кепшинской, Воронцовской, Ацинской, Хостинской I и II пещерах. Второе скопление пещер со стоянками мустьерского времени связано с Прикубаньем, где на северном склоне Кавказского хребта, прорезанном левобережными притоками Кубани, обнаружены Баракаевская пещера, Губский навес № 1 на р. Губс, Мезмай, Матузка на р. Белой и другие менее полно изученные поселения. Отдельные пещерные мустьерские стоянки известны и в центральной, и в восточной части Кавказа: Кисап в Карачаево-Черкесии, Мыштулакты-легат в Северной Осетии, Кумрала-када в Дагестане. Раскапывали и стоянки вне пещер под открытым небом. В Прикубанье это Ильская, в Приазовье – Рожок, на Нижней Волге – Сухая мечетка у Волгограда и Непряхино в Саратовском Заволжье, на верхней Десне – Хотылево I и Бетово у Брянска.

Мустьерские находки есть и на Урале, как на южном, так и на северном. Это стоянки Мысовая на юго-востоке Башкортостана и Крутая гора на Печоре, а также пещерный памятник грот Глухой на Чусовой⁶.

Помимо хорошо сохранившихся и исследованных путем раскопок стоянок существует и ряд хуже документированных, переотложенных мустьерских находок. Они зафиксированы и на Урале, и на Волге. Среди последних на-

зову Красную глинку в Татарстане, Барбашин овраг в Самаре, полуостров Тунгуз, Бектяжный остров, Ундорский остров в районе Ульяновска, Челюскинскую II и Заикино пепелище у Волгограда, Мысы в устье Камы.

Находки на Десне и на Урале говорят о продолжавшемся в мустьерское время продвижении человека на Русскую равнину с юга (а может быть и с запада) после того, как отступил на север рисский ледник, достигавший при максимуме оледенения широты Киева и Камышина и потеснивший, вероятно, к югу первоначальное население Русской равнины.

Мустьерская эпоха пришлась на период между двумя оледенениями – рисским и вюрмским – и датируется в пределах 100–35 тысяч лет до наших дней. По сравнению с теплым миндель-рисским временем природные условия ухудшились. Климат стал более суровым. Теплолюбивые виды животных исчезли. Вместо южного слона появился обросший шерстью мамонт.

Люди по-прежнему занимались охотой. При этом впервые можно отметить то, что называют охотничьей специализацией. Большинство костей, найденных на Ильской стоянке принадлежало бизону. Обитатели ее убили и съели не менее 2400 животных. В пещерах Черноморского побережья Кавказа картина иная. В Ахштырской пещере больше всего остатков пещерного медведя – 3760 из 4197 определимых костей. То же и в Воронцовской пещере, где медвежьих костей 92,4%, и на стоянке Матузка на р. Белой, уже на северном склоне хребта. Но другие пещерные стоянки Прикубанья, на р. Губс, по составу добычи сходны с Ильской: в них главным объектом охоты был бизон. В Сухой мечетке найдено 366 костей бизона, 51 – мамонта, 42 – лошади, 36 – сайги. Таким образом, в мустьерское время уже сложился тот тип хозяйства – охота на крупных стадных травоядных животных, – что характерен и для позднего палеолита.

Оружие мустьерского человека усовершенствовалось. В ряде мест у него уже были копья с тщательно обработанными с двух сторон каменными наконечниками. В целом же материальная культура эпохи мустье довольно близка к культуре ашельского времени: те же диско-

видные нуклеусы и сколотые с них треугольные отщепы, из которых делали остроконечники и скребла. Нет орудий типа резцов и сколько-нибудь выраженных изделий из кости, столь многочисленных на позднепалеолитических стоянках.

Поэтому я, как и многие археологи, считаю возможным объединять ашель и мустье в один этап – ранний палеолит. Есть и другая точка зрения; мустье надо выделять в самостоятельный этап – средний палеолит. Те, кто настаивает на таком делении, указывают на новые для мустье черты культуры. Древнейших людей типа питекантропа сменили тогда палеоантропы – неандертальцы. В строении их черепов все еще выражены животные черты. Кости массивны. Есть надбровные дуги, а подбородочно-го выступа на челюсти нет. Но объем мозга вырос и стал приближаться к объему мозга современных людей. Некоторые изменения в строении черепа у неандертальцев, в частности наличие подъязычной кости на черепе из Кебары в Палестине, позволяют думать, что появились предпосылки для развития членораздельной речи.

Существенно, однако, что у неандертальцев не были выражены лобные участки мозга, определяющие общественное поведение человека, тормозящие его животные влечения и инстинкты. Этот факт представляется мне очень важным и не дающим право на объединение неандертальцев и современного человека (*Homo Sapiens*) в один биологический вид, как предлагают сейчас некоторые авторы⁷.

Новая важная черта в культуре неандертальцев – появление преднамеренных захоронений людей на площади поселений. Это настоящие захоронения в вырытых в грунте ямах, иногда с соблюдением каких-то ритуалов. Покойники положены вытянуто на спине или в скорченной позе, с подогнутыми ногами. Реже отмечается расчленение тела⁸.

На территории России захоронение малолетнего неандертальца обнаружено в гроте Мезмай в верховьях притока Кубани р. Белой. Ребенку было около двух лет. Тело положили в могилу на правом боку. Дата этой могилы около 32 000 лет⁹. Находка столь хрупких косточек в пра-

ильном положении говорит о заботе неандертальцев даже о самых маленьких своих сородичах.

Разрозненные кости неандертальцев найдены и на других стоянках – Рожок (зуб), Баракаевская (челюсть), Матузка (зуб).

В могилах эпохи позднего палеолита нередко лежат специально зарытые вместе с покойником вещи. В мустьерское время этого, как будто, еще не делали, но то, что тогда появилась потребность в захоронении умерших, бесспорно. А это свидетельствует о том, что неандертальцы осознали различие между жизнью и смертью, заботились об умерших сородичах, тратили время и силы для их захоронения. Ведь вырыть яму в твердом полу пещеры примитивными орудиями было совсем не просто. Видимо, уже в эту эпоху возникли какие-то, пусть смутные, представления о мире мертвых. Этого не было ни в олдувае, ни в ашеле, нет у животных. Человек поднялся в своем развитии на новую ступень.

Другая важная черта, указывающая на проявления духовной жизни, – следы каких-то охотничьих обрядов. В Швейцарии в альпийских пещерах вместе с мустьерскими орудиями обнаружены скопления черепов пещерных медведей, иногда в специальных сооружениях из поставленных на ребро плит камня. Нечто аналогичное отмечено в пещерах Франции, Югославии и Грузии. Выше уже говорилось о черепах у входа в мустьерскую стоянку Кударо III в Южной Осетии.

Следы изобразительной деятельности, хотя бы отдаленно напоминающие росписи и гравировки с фигурами зверей, известные в позднем палеолите, на стоянках эпохи мустье не найдены. Предметы, объявленные произведениями мустьерских художников, описанные в некоторых книгах, представляют собой или игру природы или изделия более позднего времени. Факт немаловажный, сближающий мустье с ашелем.

В мустьерском слое стоянки Молодова I на Днестре выявлены остатки круглого жилища с каркасом из костей мамонта. Похожее жилище строили на Русской равнине люди позднего палеолита. В советской науке 1930–1950-х годов древнейшие жилища связывали с возникнове-

нием родового строя. И археолог, раскопавший фундамент жилища в Молодове, готов был приписать родовой строй уже неандертальцам. Для этого нет оснований. Сложные гнезда и логовища сооружают для себя и животные. Следы жилищ в Западной Европе открыты и в ашельских слоях, даже внутри пещер (Терра Амата), и в очень ранних стоянках Африки, где при теплом климате, казалось бы, можно безбедно жить на открытом воздухе.

Таким образом, появление жилищ не меняет коренным образом характеристику неандертальского человека. В пределах России не очень четкие остатки круглого жилища с каменной обкладкой отмечены в Ильской мустьерской стоянке.

Гораздо важнее другое: для мустьерской эпохи впервые можно наметить определенные группы стоянок с разного типа изделиями из камня. Более или менее убедительные попытки выделить варианты мустьерской культуры с небольшим территориальным охватом делались применительно к Крыму и Кавказу с учетом материалов Русской равнины. Но нас сейчас интересуют не эти микроподразделения (каждая стоянка в чем-то своеобразна), а две большие зоны, намечающиеся для мустьерских стоянок в пределах Европейской России.

Если на Кавказе характерные для ашельского времени ручные рубила в мустьерскую эпоху вышли из употребления, и все орудия изготавливали из отщепов, то на Русской равнине картина другая. Там достаточно часто встречаются мустьерские уже двустороннеобработанные орудия, похожие на рубила, но гораздо меньшего размера. Так называемые “миниатюрные ручные рубила” в большом количестве найдены в Ильской, Хотылеве I и Непряхине, а также в Житомирской стоянке и Антоновке на территории Украины. В ряде других пунктов, в частности на севере России – в Пещерном лого на Чусовой и в Крутой горе на Печоре – такие орудия тоже есть, хотя это хуже документированные отдельные изделия.

Та же особенность – обилие орудий, сделанных не из отщепов, а из галек с помощью обработки их с двух сторон – характерна для мустьерских стоянок Центральной Европы. Это – Окенник и Цемна в Польше, Клаузеннише,

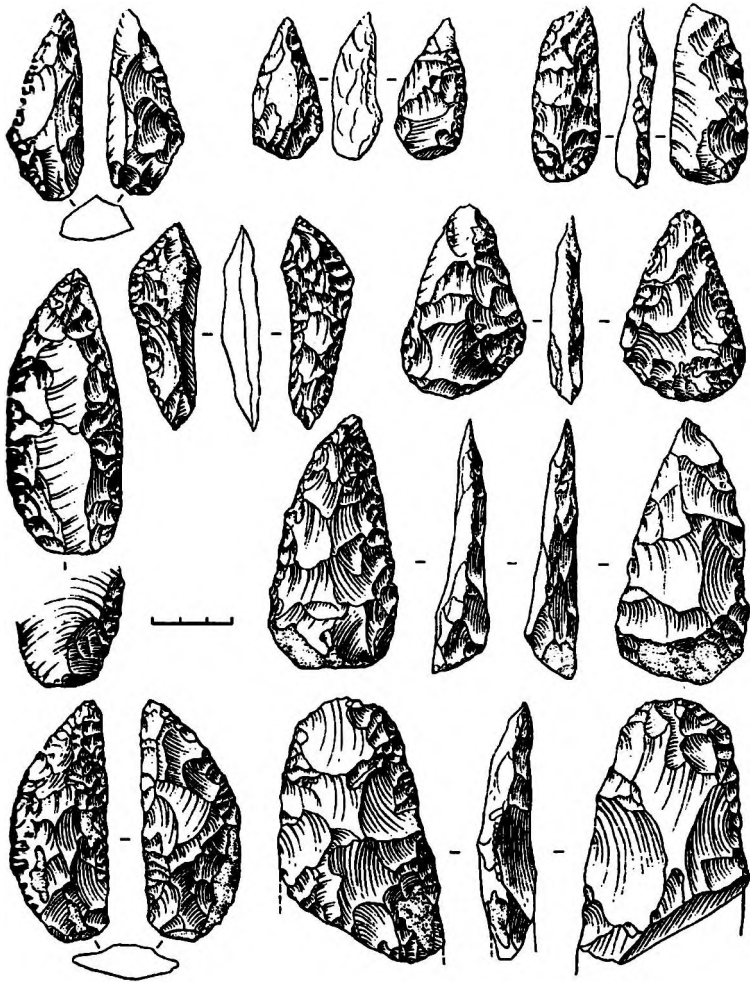

Рис. 2. Кремневые двустороннеобработанные орудия типа "миниатюрного ручного рубила" из стоянки Сухая мечетка под Волгоградом

Кестен и Эрингсдорф в Германии, Ла Извор в Румынии; Тата, Кисковели, Янкович в Венгрии; Гуден в Австрии. Намеченную область именовали некогда "мустье с ашельской традицией", а сейчас называют обычно "восточноевропейский микокм" (от стоянки Микок во Франции).

Указанные выше различия двух групп стоянок могут свидетельствовать о том, что на Русскую равнину часть населения пришла не с Юга, с Кавказа, а с запада, из Центральной Европы. Были ли неандертальцы, изготавливавшие двусторонне обработанные орудия, первым западным по происхождению населением Русской равнины или они были потомками людей, пришедших сюда с запада еще в ашеле, сказать мы пока не можем.

Так или иначе деление мустьерских стоянок Европейской России на две зоны имеет определенное соответствие в материалах эпохи позднего палеолита, мезолита, неолита и даже века металлов. А поскольку климат и ландшафт за этот огромный отрезок времени не раз менялся, менялись и основы хозяйства, это деление не может рассцениваться как отражение адаптации человека к южным и северным ландшафтам. Скорее оно имеет иное историческое объяснение.

Было бы неоправданной смелостью видеть в рассмотренных фактах основание для вывода о двух племенах или каких-то группах родственных племен, занимавших в мустьерскую эпоху Европейскую Россию. Общественная организация неандертальцев была, безусловно, очень примитивной. Население оставалось крайне редким, слабо связанным между собой. Допустимо говорить лишь о людях с разными традициями изготовления орудий из камня, принесших эти традиции извне на впервые осваиваемую ими территорию и сохранивших и развивавших старые традиции на протяжении многих тысячелетий.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Где-то около 35–30 тысяч лет назад начался новый период каменного века – поздний палеолит. Он был выделен археологами прежде всего на основании изменений в технике изготовления орудий из кремня.

В раннем палеолите, как мы помним, их делали из широких треугольных отщепов, отделявшихся грубыми сколами от ядрища, приобретающего по мере обработки дисковидную форму. В позднем палеолите заготовками орудий стали узкие длинные пластины, отжимавшиеся костяными или деревянными стержнями – отжимниками от нуклеуса, получавшего призматическую форму.

Эта новая техника обработки камня была огромным шагом вперед. Правильно ограненные пластины оказались очень удобным полуфабрикатом для множества инструментов – ножей, скребков, резцов, проколов, накопечников копий, вкладышей всевозможных типов. Треугольный отщеп этого не позволял. Он годился лишь для нескольких видов режущих предметов с одним прямым рабочим краем или с двумя сходящимися на угол краями и острым концом.

Насколько эффективна техника призматического нуклеуса и пластин, ясно хотя бы из того, что она пережила палеолит, и мезолит, и неолит. Даже в бронзовом веке кое-где продолжали употреблять в качестве ножей и серпов все те же кремневые пластинки.

Различия двух этапов палеолита видны и при изучении костей, собранных на стоянках. В позднем палеолите для разнообразных нужд приспособляли и бивни мамонта, и рога северного оленя, и кости других зверей. Обработка кости велась очень характерными для позднего палеолита кремневыми резцами. В раннем палеолите сколько-ни-

будь развитой работы с костью не было. Из кости изготавливали как разнообразные орудия, так и украшения. Среди первых – наконечники дротиков, иногда с пазами для вставки кремневых пластинок – вкладышей, долота, гарпуны, мотыги для копки земли, иглы с ушками, указывающие на появление шитой одежды (вероятно, с помощью сухожилий). Среди вторых – диадемы, браслеты, бусы, подвески со сверлинами.

Еще важнее свидетельства о художественном творчестве. В мустье отмечены лишь намеки на это – единичные кости с ритмическими нарезками и обструганные кусочки двуокиси марганца, использовавшиеся для раскраски. Поздний палеолит оставил выдающиеся памятники искусства, и сегодня как-то затрагивающие наши чувства – росписи и гравировки на стенах пещер, статуэтки из камня и бивня мамонта. Любой курс истории искусств начинается с рассказа о живописных панно в пещерах Альтамира, Ляско, Фон де Гом с их выразительными фигурами бизонов и лошадей. Значит на грани раннего и позднего палеолита произошли чрезвычайно существенные сдвиги не только в технике первобытных людей, но и в их духовной жизни.

И, наконец, сам человек, создавший палеолитическую культуру. Люди позднего палеолита – неантропы или кроманьонцы – по физическому типу относятся к тому же, что и мы, биологическому виду – *Homo Sapiens*. Строение черепа кроманьонцев не оставляет никаких сомнений в том, что он владел членораздельной речью. А с мустьерскими стоянками связаны находки костей неандертальцев, сохранивших в своем строении ряд обезьяньих черт и речью вполне еще не овладевших. Поэтому мы вправе расценить переход от раннего палеолита к позднему как рубеж всемирно-исторического значения, безусловно, большего, чем смена ашеля мустье или палеолита мезолитом.

Нужно оговориться, что резкое отличие позднего палеолита от мустье характернее всего для Европы и Средиземноморья, включая Северную Африку и Ближний Восток. В основной части Азии и в центральной и южной Африке наблюдалось длительное сохранение мустьерской техники обработки камня и более плавная эволюция ти-

от кремневых орудий от эпохи к эпохе. Здесь нет таких выматников искусства, как во Франции и Испании. Все же и тут физический облик человека в конце палеолита изменился и стал современным в видовом отношении.

Обратимся теперь к территории Европейской России. Позднепалеолитических стоянок здесь заметно больше, чем мустьерских.

На Кавказе в упоминавшихся выше пещерных стоянках на Черноморском побережье – Ахштырской, Навалиненской и других над мустьерскими культурными слоями лежат слои с позднепалеолитическими орудиями. Скопление позднепалеолитических стоянок выявлено и на северном склоне Кавказа, в Прикубанье, на р. Белой и притоке Лябы р. Губс.

Стоянки под открытым небом известны на Нижнем Дону и в Приазовье. Это Золотовка, Мураловка, Каменная балка I и II.

Особенно много позднепалеолитических поселений на Русской равнине. Не менее двух десятков их изучается уже свыше ста лет на Среднем Дону у сел Костенки и Боршево к югу от Воронежа. Существенно, что на части стоянок прослежено по-нескольку слоев, свидетельствующих о неоднократном заселении данного места людьми разного времени, обладавшими нередко отличавшимися друг от друга приемами изготовления кремневых орудий. Это позволяет если не решать, то по крайней мере ставить важные исторические вопросы. Выше по Дону расположена интереснейшая позднепалеолитическая стоянка Гагарино под Липецком.

Много стоянок того же возраста на Десне, как на нижнем ее отрезке, в пределах Украины (Мезин, Пушкаря, Чудатово), так и на верхнем – в России. Это Супонево, Тимоновка, Хотылево II около Брянска, Юдиново и Елисеевичи на притоке Десны Судости, Авдееве и Курск I и II на Сейме.

К выявленной более ста лет назад стоянке Карачарово под Муромом за последние десятилетия добавилось еще несколько стоянок в окском бассейне. Среди них очень интересные в Сунгире и Русанихе во Владимире и в Зарайске в Подмосковье.

Хуже знаем мы поздний палеолит Волги и Урала. На Чусовой известна стоянка Талицкого (Остров), на Печоре – Бызовая и Медвежья пещера, на Волге – Постников овраг в Самаре. О других находках на Урале – в гроте Столбовом на Усьве, гроте Близнецова на Косье, в Богдановке – мало что можно сказать.

Обилие материалов по позднему палеолиту Европейской России позволяет заметить и хронологические и территориальные отличия отдельных памятников и целых групп их.

Периодизация позднего палеолита Кавказа была разработана в 1930-х годах С.Н. Замятниным на основе коллекций, собранных при раскопках пещер в Западной Грузии. Эта периодизация получила подтверждение после исследований, проведенных в Прикубанье в 1960–1970-х годах.

Выделены три этапа в развитии позднего палеолита Кавказа. На раннем (нижний слой Каменноостской пещеры на р. Белой) среди изделий из кремня встречаются еще мустьерские типы орудий. На среднем (верхний слой Губского навеса № 1) таких орудий уже нет. Нет здесь и характерных для позднего этапа (Губский навес № 7) специфических орудий геометрических форм – в виде сегментов и трапеций¹.

Подобные изделия использовали как вкладыши, вставлявшиеся в пазы костяных и деревянных орудий. Затупившийся или сломавшийся вкладыш легко было вынуть и заменить другим, благодаря чему орудие могло служить гораздо дольше, чем изготовленное из одного куска кремня.

Вкладышевая техника и орудия геометрических форм были широко распространены в мезолите и неолите южных районов – в Средиземноморье, степной зоне от Днепра до Забайкалья. Впервые же появились геометрические орудия в конце палеолита в Передней Азии и Средиземноморье.

Для стоянок Русской равнины такие изделия совсем не характерны. С другой стороны, встречающиеся там при раскопках наконечники копий из кремня, с обработкой то сплошной, с двух сторон, то лишь с одной, по краю, не

■ найдены на Кавказе, но хорошо известны в Центральной
■ Восточной Европе.

Таким образом, намечается деление стоянок эпохи позднего палеолита в Европейской России на два больших региона, соответствующие в общих чертах тем двум областям, что рассмотрены нами выше для мустьерского времени. При этом стоянки Нижнего Дона, вроде Каменных балок I и II, тяготеют по типу кремневых орудий к кавказским, а не к центральноевропейским.

Периодизация стоянок Русской равнины, разработанная в 1920–1930-х годах П.П. Ефименко, подверглась пересмотру и значительным уточнениям А.Н. Рогачевым в 1950–1970-х годах после раскопок поселений с перекрывающимися друг друга культурными слоями в Костенках.

Наиболее ранние стоянки наряду с подзнепалеолитическими по типу изделиями содержат и некоторое число орудий мустьерского облика. Таковы стоянки Костенки 14 (Маркина гора, слой II), Костенки I (слой 5), Костенки VI (Стрелецкая), XI (слой 5) и XII (слой 3). Здесь найдены, в частности, обработанные с двух сторон наконечники копий треугольных очертаний, напоминающие аналогичные наконечники мустьерских стоянок Ильская и Бетово из группы восточного микока, и другие архаического облика орудия.

Стоянки этого типа иногда называют селетскими, составляя найденные там каменные орудия с находками в пещере Селета в Венгрии. Памятники селетского типа обнаружены и в прилегающих к Венгрии странах Центральной Европы.

К стоянкам типа Стрелецкой, как будто, примыкают по характеру каменных изделий Сунгирь, Бирючья балка на Северном Донце, Гарчи I на Каме, Бызовая и Медвежья пещера. Абсолютные датировки получены для Сунгиря – 21–27 тысяч лет, для Бызовой – 25 тысяч лет и для Костенок I – 27 тысяч лет.

Наиболее полно исследованы стоянки, относящиеся к середине позднего палеолита: Костенки I (слой 1), Авдеево, Гагарино, Хотылево II, Зарайск. Мустьерского типа орудий здесь нигде нет, а наконечники уже не единичны, а многочисленны. Они сделаны из ножевидных пластин, об-

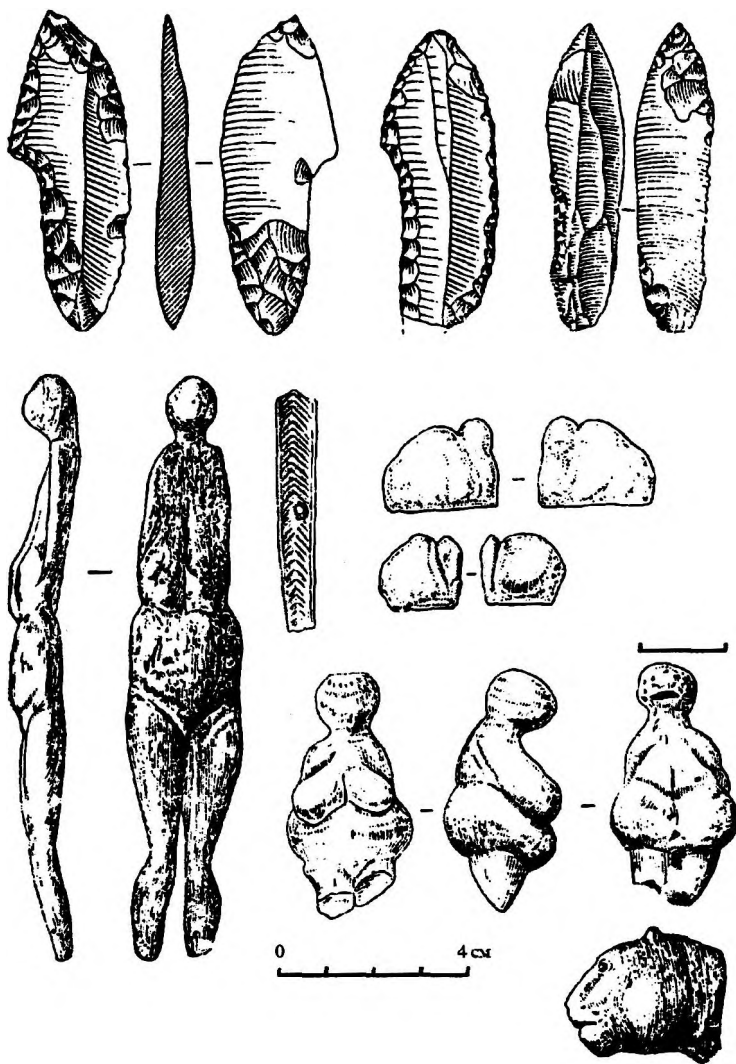

Рис. 3. Кремневые наконечники копий и произведения искусства из камня и кости мамонта из стоянок Авдеево на Сейме, Костенки I (верхний слой) и Гагарино на Среднем Дону

работаны лишь по краю, иногда листовидные по очертаниям, а иногда асимметричные с боковой выемкой. Очень похожие не только по составу кремневых изделий, но и по типу жилищ и поселений стоянки изучены в Центральной Европе. Это Виллендорф в Австрии, Павлов и Долни Вестоницы в Чехии, стоянка в Кракове и другие. Зарубежные археологи относят их к периоду от 28 до 10 тысяч лет до наших дней. Датировки аналогичных стоянок в России: Костенки I, верхний слой – 18–24 тысячи лет, Авдеево – 16–22 тысячи, Гагарино – 17–21 тысяча, Хотилево II – 23–24 тысячи, Зарайск – 15–22 тысячи лет. Многие археологи считают возможным говорить о единой Виллендорфско-костенковской группе стоянок, охватывающей территорию от Дуная до Дона, а некоторые – о продвижении населения с запада на восток. Именно с этой группой стоянок связано большинство произведений палеолитического искусства, известных в Европейской России, – небольшие статуэтки женщин и зверей из кости и камня, бивни мамонта и кости, покрытые гравированным орнаментом.

В наиболее поздних палеолитических поселениях Русской равнины наконечники из кремня встречаются уже редко, но геометрических орудий типа кавказских сегментов и трапеций и здесь нет совсем². Дата стоянок 12–16 тысяч лет.

Изучение последовательности культурных слоев на многослойных стоянках Костенок показывает, что на Русской равнине развитие культуры шло сложным путем. Помимо рассмотренной выше основной линии развития заметны следы проникновения в эти районы инородного населения с другими традициями изготовления каменных орудий. В ряде случаев можно полагать, что люди пришли сюда с юга, о чем свидетельствуют и типы орудий и находки украшений из морских раковин в Юдинове, Тимоновке, Боршеве II, слое 3 Костенок I³.

Таким образом, создается впечатление о развитии культуры в позднем палеолите на Русской равнине по двум линиям – основной, тяготеющей к центральной Европе, и южной, тяготеющей к Средиземноморью. Влияние культур сибирского происхождения на территории Европейской России не заметно. Некогда следы этого влияния

усматривали в каменных орудиях Стоянки Талицкого на Чусовой и Постникова оврага на Волге. Но более внимательное знакомство с коллекциями заставило отказаться от такого вывода.

Большинство из названных выше стоянок относится к периоду 20–15 тысяч лет до н.э. Это время последнего – вюрмского оледенения, захватившего менее обширную территорию, чем предшествовавшее рисское, но достаточно сурового по климатическим условиям. Людей окружали холодные степи с богатым травяным покровом, но без значительных лесных участков. Это аналог современной тундры или лесотундры. На просторах ее паслись табуны крупных травоядных животных – мамонты, носороги, овцебыки, бизоны, лошади, северные олени. Охота на них и была основой хозяйства позднепалеолитического населения Восточной Европы.

Как и в мустьерскую эпоху, загонной охотой, скорее всего, занимались все члены первобытной общины вместе. К концу палеолита приемы охоты усовершенствовались. Появились всякого рода ловушки, капканы, в связи с чем в коллекциях костей из наиболее поздних стоянок немало остатков мелких зверей – зайцев, песцов, сурков и т.д.

Принято изображать палеолитического человека как охотника на мамонта. Это в какой-то мере справедливо для определенной группы стоянок – типа Авдеева, Костенок I (верхний слой). Там действительно костей мамонта больше, чем чьих-либо других. Но в южной полосе – в степном Подонье, на Кавказе – мамонт был распространен мало и охотились в основном на бизона и лошадь. То же можно сказать и о некоторых стоянках Русской равнины.

Охота в позднем палеолите была достаточно добычливой и давала возможность обитать на стоянках длительное время. Об этом свидетельствуют поселения с большой площадью и остатками явно не кратковременных, а прочно сооруженных жилищ. Следы таких жилищ отмечены не менее, чем в двадцати пунктах. Изучение их – бесспорная заслуга отечественных археологов.

Первоначально было обращено внимание на остатки очень больших жилищ, длиной до 36 и шириной до 15 м. Они выявлены в верхнем слое Костенок I, в Костенках IV

■ Авдееве. Их сравнивали с длинными домами американских индейцев, занятыми не отдельными семьями, а целыми родовыми общинами. Отсюда делали вывод, что родовой строй сложился именно в позднем палеолите. В дальнейшем выяснилось, что для этой эпохи более характерны круглые землянки и круглые же наземные сооружения с каркасом из костей мамонта и диаметром 6–8 м. Такие жилища изучены в Костенках на стоянках VIII (Тельманская, слой 1) и XI (Аносовка 2, слой 1А), в Гагарине. Жить тут могли небольшие группы людей, вероятно, семьи.

Но и большие дома – не фантазия археологов, а реальное явление. Не очень ясно, каким в данном случае было перекрытие. Ведь лесом тундра не богата. Не круговой ли это ветровой заслон? По оси длинных жилищ тянется полоса из кострищ, расположенных на равных расстояниях друг от друга, а по краям находятся небольшие землянки. Налицо четкая организация пространства, указывающая на упорядоченную структуру обитавшей в жилищах общины.

Помимо остатков жилищ при раскопках позднепалеолитических стоянок обнаружены и древние могилы.

На Кавказе известно захоронение в Губском навесе № 7. При скелете мужчины зрелого возраста найдены 11 костяных наконечников дротиков, просверленный резец лошади и аммонит⁴.

Несколько захоронений описано в Костенках. В пункте II скелет старика без каких-либо вещей окружала обкладка из костей мамонта, примыкавшая к развалу жилища. Не было вещей и в могиле на стоянке Костенки XIV (Маркина гора, слой 2). Взрослый человек был похоронен в скорченном положении в специально вырытой яме.

В Костенках XV изучено захоронение подростка. На голове его некогда была шапочка, украшенная 150 просверленными зубами песка. В могильную яму положили расколотые кремни.

Одно захоронение найдено в Костенках в стороне от стоянок, в устье Покровского лога. Никаких вещей при костяке нет, но палеолитический возраст могилы не вызывает сомнений. Она была перекрыта костями мамонта⁵. Случаи захоронения людей вне поселений известны

для позднего палеолита и в других местах, например, в Брно в Чехии.

Особенно много костных остатков человека дали раскопки в Сунгире. Здесь обнаружены две могилы. В одной вытянуто на спине лежал скелет пожилого мужчины, в другой – в той же позе останки двух подростков – девочки и мальчика, обращенных головами друг к другу, а ногами в противоположные стороны. На площади стоянки встречены кости еще пяти человек, скорее всего из разрушенных могил, так что можно говорить о чем-то вроде кладбища. Оба захоронения в Сунгире сопровождались богатым набором вещей. У взрослого покойника на груди была костяная подвеска, на руках браслеты из кости, а на ногах и голове найдено более 3500 костяных бус, нашитых, очевидно, на шапочку и обувь. Тут же лежали кремневые нож, скребло, отщеп и костяные орудия. Рядом с подростками положили два копыя из бивня мамонта, кремневый нож, костяные кинжал, дротик и шило. Сами скелеты были усыпаны тысячами бус, нашитых на одежду⁶.

В общих чертах погребальный ритуал с мустьерского времени не очень изменился: есть и вытянутые и скорченные захоронения, но то, что вместе с умершими в могилы клали и сопровождающие вещи, для мустьерской эпохи не доказано, а для позднего палеолита совершенно бесспорно. Это оружие и украшения, но не остатки жертвенной пищи, как в могилах последующих периодов. Что касается украшенной бусами одежды из Сунгирия и Костенок XV, то вряд ли она была повседневной. Существовала, должно быть, как домашняя, так и парадная одежда. В последнюю было принято обряжать покойников.

О сложной духовной жизни позднепалеолитического населения Европейской России свидетельствуют и многочисленные произведения искусства, найденные при раскопках стоянок. Выделяется большая серия статуэток женщин, высотой от 8 до 20 см, вырезанных из бивня мамонта или из мягкого камня – мергеля. Женщины показаны статично, обнаженными, изредка с какими-то элементами одежды: шапочками, перевязями через плечо. Чаще всего фигурки находят в жилищах, а не вне их, нередко около очагов. Вероятно, перед нами изображения храни-

тельницы очага. Этот образ хорошо известен по этнографическим данным для Северной Азии, но не был чужд и древней Европе, где в эпоху античности поклонялись храстительнице очага Гестии или Весте⁷.

Изображений мужчин нет, а фигурки зверей – мамонтов, носорогов, хотя и узнаваемы, но предельно схематичны. Иногда они встречаются большими сериями, как, например, в Костенках IV и XI, что наводит на мысль о каких-то культовых действиях с использованием наборов статуэток.

Помимо миниатюрных скульптур в позднем палеолите были гравированные изображения на кости, но как правило такая резьба имела орнаментальный характера⁸.

Основная масса произведений искусства обнаружена в Авдееве, верхнем слое Костенок I, Хотылеве II, Гагарине – т.е. на стоянках выделенной выше средней по возрасту группы памятников позднего палеолита Русской равнины.

В ранней группе произведений искусства мало. Интересна лишь схематическая фигурка лошади из Сунгиря. На костях из Костенок XII и XIV есть ритмические нарезки.

Таково же распределение памятников искусства во времени в палеолите Западной Европы. Большинство из них связано не с началом позднего палеолита, а с концом его. Возможно, этапу сложения изобразительного творчества должен был предшествовать этап формирования другого вида коммуникации – языка, и этот этап падает на более ранние периоды палеолита.

В третьей группе позднепалеолитических стоянок Русской равнины изображений мало. Отметим статуэтку женщины из Елисеевичей, изображения оленя и рыб из Тимоновки, гравировки на кости в Юдинове.

На поселениях Северного Кавказа и Нижнего Подолья аналогичных изображений нет совсем.

Анализ произведений первобытного искусства Русской равнины показывает, что они имеют ближайшие аналогии в памятниках Западной Европы, тогда как на просторах Азии чего-либо похожего нет. Только в двух точках – на стоянках Мальта и Буреть в Прибайкалье – обнаружены статуэтки женщин из мамонтовой кости. Но они заметно отличаются от европейских хотя бы тем, что

Рис. 4. Палеолитические росписи на стене Каповой пещеры в Башкортостане

тут запечатлены люди в одежде. Сами же поселения некоторые исследователи приписывают палеолитическим охотникам, пришедшим в Сибирь из Восточной Европы.

Во Франции и Испании открыты, как известно, не только образцы искусства малых форм (“мобильного”, как предпочитают говорить западные археологи), но и произведения монументального искусства – росписи и граффити на стенах пещер. На территории Германии, Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, где немало пещер и гротов, такие произведения найти не удалось. Можно было думать, что это явление свойственно исключительно франко-кантабрийской области. Но в 1960–1980-х годах в двух пещерах на Южном Урале – Каповой в Башкортостане и Игнatieвской на р. Сим в Челябинской обл. были выявлены и культурные слои, и настенные росписи палеолитического возраста⁹.

Образцы, взятые из культурных слоев, дали такие абсолютные датировки: Каповая пещера – 14 690 и 13 930 лет, Игнatieвская – 14 240 и 10 400 лет до наших дней. Именно к этому времени – к финальному палеолиту, мадлену, по западноевропейской периодизации, относятся основные группы пещерной живописи во Франции и в Испании.

В Каповой пещере на стенах известно до 50 красочных рисунков, изображающих мамонтов, носорога, лошадь, какое-то существо со смешанными звериными и человеческими чертами. Есть здесь и знаки, похожие на те, что встречаются около фигур зверей во французских пещерах. Росписи Игнatieвской пещеры менее четкие. К тому же там, несомненно, представлены и рисунки более поздние – бронзового века.

В Сибири делались попытки выделить палеолитические изображения среди очень многочисленных красочных рисунков на открытых скалах – писаниц (в Шишкине на р. Лене и в других местах). Но эти попытки не убедили специалистов. Все изображения на деле более молодые, в лучшем случае неолитические.

Таким образом, так же, как кремневые орудия позднего палеолита Европейской России сходны с западноевропейскими, много общих черт и у произведений искусства этих регионов – и монументального, и мобильного.

Культура позднего палеолита, как мы убедились, неизмеримо более сложная и развитая, чем раннепалеолитическая. Люди современного антропологического типа обладали не только искусством, обрядами, верованиями, но, вне всяких сомнений, и речью. Складывались различные языки. В этой связи два региона в пределах Европейской России со специфическими для каждого приемами изготовления орудий из камня допустимо рассматривать как проявление ранних фаз в формировании объединений этнического характера.

Ранний палеолит оставил нам в наследие огонь, орудия труда, жилища, обычай захоронения сородичей. Поздний палеолит – искусство, возможно, первые кладбища, украшения, шитую одежду и, как будто, некоторые элементы поверий и обрядов, вошедшие в культуру позднейшего времени.

Нередко считается, что храм, как святое место, обособленное от обычных жилищ, возник относительно поздно, скорее всего уже в эпоху металла. До того же культовые церемонии совершали на поселениях, прямо в жилищах. Думается, что это не совсем так. Еще в позднем палеолите существовали и культовые уголки со статуэтками у очагов в каждом доме и святилища где-то в стороне. Пример первых – скопления статуэток внутри жилищ в Костенках I. Пример вторых – пещеры с росписями, вроде Каповой. В таких пещерах люди не жили постоянно, а лишь периодически посещали их при каких-то обстоятельствах. Ведь это не прогреваемые солнцем сухие светлые скальные навесы, а сырые, темные и холодные щели в горах. Добираться до залов с росписями по узким, скользким коридорам очень не просто, а порою опасно для жизни.

В точно таких же условиях, как на Урале, находятся палеолитические росписи в пещерах Франции и Испании. Высказывалось предположение, что здесь совершали обряды инициации – посвящения юношей в полноправные члены общины. Росписи на стенах французских пещер в ряде случаев не бессистемны, а построены по определенному стандарту. Это прямая аналогия храмовым росписям, отражающим свойственные данному обществу представления о мире, сюжеты мифов.

Заслуживает внимания еще один момент. На многих палеолитических стоянках Русской равнины обнаружены огромные скопления костей животных. Это не просто пищевые отбросы, а иногда запасы топлива, поскольку при отсутствии леса топили не деревом а костями, иногда запасы строительного материала для каркасов жилища. Но не исключено и третье. В начале 1930-х годов при раскопках Костенок I П.П. Ефименко напомнил о хорошо известном по этнографическим данным древнем обряде собирания костей. Охотники верили, что, если кости убитых зверей будут полностью сохранены, звери возродятся, и добыча никогда не оскудеет. П.И. Борисковский именно так интерпретировал скопление костей не менее чем от тысячи особей бизонов, расположенное около стоянки Амвросиевка в Приазовье. При этом он ссылаясь на обычаи народов, сохранивших охотничий образ жизни – лопарей, юкагиров, тунгусов, айнов, индейцев Америки¹⁰.

Между тем следы тех же представлений мы найдем и в русских народных сказках “Крошечка-хаврошечка” и “Диво дивное, чудо чудное”. Кости волшебной помощницы Буренушки, когда ее зарежут, надо собрать и зарыть. Из них вырастет яблонька. Разбрасывать кости нельзя, их следует складывать в кучу, чтобы животное возродилось¹¹.

Таким образом, эпоха позднего палеолита оставила наследие, в какой-то мере, отразившееся и в культуре русского народа.

МЕЗОЛИТ

Термины “палеолит” и “неолит” хорошо известны, но мало кто знает, какое содержание вкладывалось в эти термины при их создании и вкладывается теперь – современной наукой. Они были введены в 1865 г. английским историком культуры Джоном Леббоком. Палеолит понимался как эпоха, когда орудия из камня изготовляли только с помощью отески и оббивки, а люди не имели домашних животных и растений и охотились на мамонта и других вымерших затем зверей ледниковой эпохи. О неолите говорилось, что тогда природная обстановка стала примерно такой, как сейчас, люди научились полировать и сверлить камень и делать глиняную посуду, приручили несколько видов животных, принялись обрабатывать землю, перешли от охотничьего хозяйства к земледелию и скотоводству.

К рубежу XIX и XX столетий изучение стоянок каменного века показало, что в действительности картина несколько иная. На большей части Старого света между концом ледниковой эпохи и освоением земледелия прошло много тысячелетий. Люди в этот период по-прежнему занимались охотой, хотя мамонты и другие звери ледниковой эпохи уже вымерли. Охотничье оснащение усовершенствовалось: были изобретены лук и стрелы. Рыболовство, слабо развитое в палеолите, стало важным источником добывания пищи. Глиняной посуды еще не было. Полировка и сверление камня кое-где применялись, но играли в производстве не такую уж большую роль.

Вот этот период по предложению Аллена Броуна в 1892 г. назвали “мезолитом” т.е. среднекаменным веком. Некоторые археологи предпочитают термин “эпипалео-

лит”, подчеркивая большую близость этого типа культуры к палеолиту, чем к неолиту.

Возобладало все же мнение, что это совершенно самостоятельный период, не менее специфический, чем палеолит и неолит.

Исследования первой половины XX столетия внесли в представления о каменном веке новые уточнения. Оказалось, что в Передней Азии и на Балканах производящее хозяйство начало складываться очень рано, на заре мезолита.

Уже в стоянках XII–XI тысячелетий до н.э. вроде Кебары в Леванте отмечены находки каменных ступок и терок и кремневых ножей с характерной залощенностью по краю, возникающей при срезании злаков. В более поздних поселениях катуфийского типа – XI–IX тысячелетий до н.э. в Сирии и Палестине найдены уже остатки окультуренных пшеницы и ячменя. Встречены и кости домашней собаки. В Загросе, где изучены поселения Шанидар, Зави-Чеми и другие, к началу VII тысячелетия до н.э. появилась домашняя овца. В том же тысячелетии производящее хозяйство проникло в Анатолию, а к концу этого и началу VI тысячелетия до н.э. распространилось и на Балканский полуостров (поселения Аргиса-Магула, Сескло в Греции)¹. На остальной территории Старого света источниками добывания пищи по-прежнему служили охота и собирательство, кое-где дополнявшиеся рыболовством.

Некоторые ученые относят стоянки людей, уже знакомых с земледелием и скотоводством, но не изготовлявших посуду из глины, к “докерамическому неолиту”, считая основным признаком неолита производящее хозяйство. Большинство археологов видит определяющий признак неолита именно в знакомстве с глиняной посудой. За верхнюю (позднюю) границу мезолита будем принимать появление глиняной посуды и мы. Но не забудем, что в разных районах это происходило в разное время. Кое-где мезолитические (без керамики) и неолитические (с керамикой) группы людей сосуществовали.

Что же происходило на просторах Европейской России? Мезолитических стоянок выявлено тут много больше, чем палеолитических, не десятки, а сотни. Обнаруже-

ны они не только в районах, где известны палеолитические памятники – на Кавказе и в низовьях Волги, на Дону и Десне, на Оке и в Приуралье, но и в Карелии, на Кольском полуострове, на Вычегде, на Вологодчине и в других районах Северо-Востока России².

Бюромский ледник таял, отступал на север. На освободившиеся территории продвигались стада диких животных, а за ними шли и охотники, обитавшие первоначально в более южных областях. Это явление на археологическом материале удастся проследить достаточно надежно.

В других отношениях мезолитические стоянки дают, к сожалению гораздо менее полную информацию о жизни первобытного человека, чем поселения эпохи позднего палеолита. Мезолитические находки связаны в основном не с пещерными отложениями или с толщей лёсса, подобно стоянкам Костенок и бассейна Десны, а с дюнами по берегам рек. Осваивая рыболовство, люди спустились с высоких речных террас поближе к воде. Подвижные группы охотников не были столь многочисленными и задерживались на одном месте не столь долго, как в палеолите. Находок на стоянках обычно немного, а кремневые изделия в песчаной почве часто бывают смешаны с остатками более позднего времени. Не сохраняется в песке не только дерево, но и кость. В результате всего этого материал для исследования оказывается бедным и ущербным.

Неизмеримо ценнее стоянки в толще торфа, консервирующего кости и дерево. Благодаря этому мы узнали о таких изделиях эпохи мезолита, как деревянные луки, костяные гарпуны и рыболовные крючки, муфты для каменных орудий. Но пока что торфяных стоянок в России выявлено очень мало.

В целом некоторые важнейшие вопросы истории мезолитического населения Европейской России освещены доступным нам материалом совершенно недостаточно и служат предметом оживленных дискуссий. Для нас наиболее интересны два круга тем, касающиеся хозяйства этого населения и происхождения и территориальной группировки его.

По-прежнему популярна старая, но мало соответствующая фактам схема. С концом оледенения, вымиранием

мамонта и других гигантов ледниковой фауны хозяйство первобытного человека якобы испытало жестокий кризис. Начались судорожные попытки найти новые источники пропитания, успешно завершившиеся переходом к земледелию и скотоводству.

В действительности, как мы видели в предшествующем разделе, на мамонта охотились далеко не все группы палеолитических людей. В основном они добывали бизонов, лошадей, оленей, а все эти виды в мезолите еще не исчезли. С другой стороны, отнюдь не повсеместно распространены виды животных и растений, пригодные для окультуривания. Как правило, ареалы этих видов очень узки. Значит, переход к производящему хозяйству мог совершиться только в нескольких достаточно узких районах, а уже позже некоторые виды одомашненных животных и растений были заимствованы оттуда сперва соседними племенами, а потом по цепочке и более отдаленными.

Самыми близкими к Восточноевропейской равнине районами, где раньше всего сложилось производящее хозяйство, были Балканы и Передняя Азия.

В нижних горизонтах многослойных стоянок у г. Сороки в Молдавии вместе с кремневыми орудиями, изготовленными из ножевидных пластинок, со значительным числом вкладышей в виде сегментов и трапеций найдены кости домашних быка и свиньи и вкладыш для серпа. Остатков глиняной посуды здесь еще нет. Дата стоянок, скорее всего, VI тысячелетие до н.э. Несомненно, злаки и скот проникли сюда с Балкан.

Не раз появлялись сообщения об открытии таких же раннескотоводческих поселений без признаков знакомства с глиняной посудой на Украине, в Грузии, даже на Южном Урале. Но проверка показывала, что всюду мы имеем дело или с поселениями неолитического времени или со слоями, где механически смешаны предметы разного возраста. Материалы, собранные к настоящему моменту, дают право заключить, что в мезолитическую эпоху в пределах Европейской России производящее хозяйство еще не было освоено.

Из этого не следует, что образ жизни людей оставался точно таким же, как в палеолите. Если в южных рай-

онах по-прежнему добывали бизонов, благородного оленя, то в северной полосе изменения гораздо заметнее.

Освободившиеся от ледника районы постепенно покрылись лесом, сначала березово-сосновым, позже – широколиственным. Фауна лесной зоны была иной, чем в степях и предгорьях Кавказа. Одним из основных видов охотничьей добычи в мезолите лесной полосы стал северный олень. На дюнах кости обычно не сохраняются, но в стоянках Северной Германии с кремневыми орудиями, близкими к восточноевропейским, кости северного оленя встречаются в изобилии. Есть они на стоянке Пегрема VIII в Карелии. В торфяниковой стоянке Веретье близ Каргополя найдены кости как северного оленя, так и лося, медведя, кабана, косули, а также домашней собаки. В Оленеостровском могильнике на Онежском озере среди жертвенной пищи было мясо северного оленя, лося, медведя и собаки.

Одомашненная в мезолите собака не только помогала на охоте. Ее убивали и ели, из собачьих зубов делали амулеты.

Изменился состав охотничьей добычи, изменился и набор каменных орудий. В ряде мест люди научились обрабатывать камень путем полировки и сверления. Правда, в мезолите оба эти приема применяли еще редко, в основном на северных стоянках, в Карелии, и не для кремневых, а для более мягких пород камня, вроде сланца.

В дополнение к уже применявшимся в палеолите ножам, скребкам, резцам впервые появились топоры, тесла, долота. Шла интенсивная обработка дерева.

Были освоены лук и стрелы. Кремневые наконечники стрел, иволчьи и черешковые, – обычная находка на мезолитических стоянках Волго-Окского бассейна, верхнего Днепра, Десны. В Веретье и Висском торфянике на Вычегде сохранились и сами луки. Длина их в Веретье от 65 см до 1,2–1,5 м. С появлением лука стала возможной охота на птиц. Кости их находят во многих стоянках Северной Европы. Иногда на костях видны следы ударов каменных и костяных наконечников стрел.

На Белом и Баренцевом морях в мезолите, возможно, начался и промысел морских млекопитающих. Для нашей

территории прямых доказательств этого нет, но в Северной Европе в мезолитических стоянках отмечены находки костей тюленей, сопровождавшиеся костяными гарпунами. Появились долбленные челны.

Более уверенно можно говорить о развитии рыболовства. В торфяниках найдены костяные рыболовные крючки и гарпуны, а в Висском торфянике и в Антреа близ Выборга – обрывки сетей и поплавки. Сеть из Виса сплетена из корневищ осоки и других растений. Лески делали из сухожилий.

После этой справки о хозяйстве мезолитического времени рассмотрим основные группы памятников.

Из южных стоянок полнее всего исследованы многослойные поселения в трех кавказских пещерах: Грот Сосруко в Кабардино-Балкарии на р. Баксан, Чох в высокогорном Дагестане, Ацинская (слои V–VIII) близ Сочи. Всюду люди заселяли пещеру неоднократно, что свидетельствует о подвижном образе жизни людей этой эпохи. Аналогичные поселения есть и в других частях Северного Кавказа. Таковы Черный грот в Северной Осетии, Козьма-Нохо в Дагестане, но они изучены еще недостаточно.

Для всех стоянок характерны каменные орудия, сделанные из тонких ножевидных пластинок. Среди них много изделий в виде сегментов и трапеций, восходящих по форме к геометрическим орудиям позднепалеолитического поселения в Губском навесе № 7. Обработывали и кость. Интересна костяная рукоять ножа из Сосруко, похожая на рукояти серпов с кремневыми вкладышами из древнейших земледельческих поселений Переднего Востока. Но этот единственный предмет может указывать лишь на собиранье диких злаков, а не обязательно на развитие настоящего земледелия.

Дюнные стоянки с большим числом сегментов и трапеций выявлены на Нижней Волге и в междуречье Волги и Урала. Сохранность их куда хуже, чем у поселений в пещерах, но раскопки дают право сказать, что часть памятников относится к мезолиту, а часть – к неолиту. Из мезолитических стоянок Нижней Волги надежный комплекс неперемешанных находок выделен в пункте Же-Калган II. Кремневые геометрические орудия с низовьев Волги и из

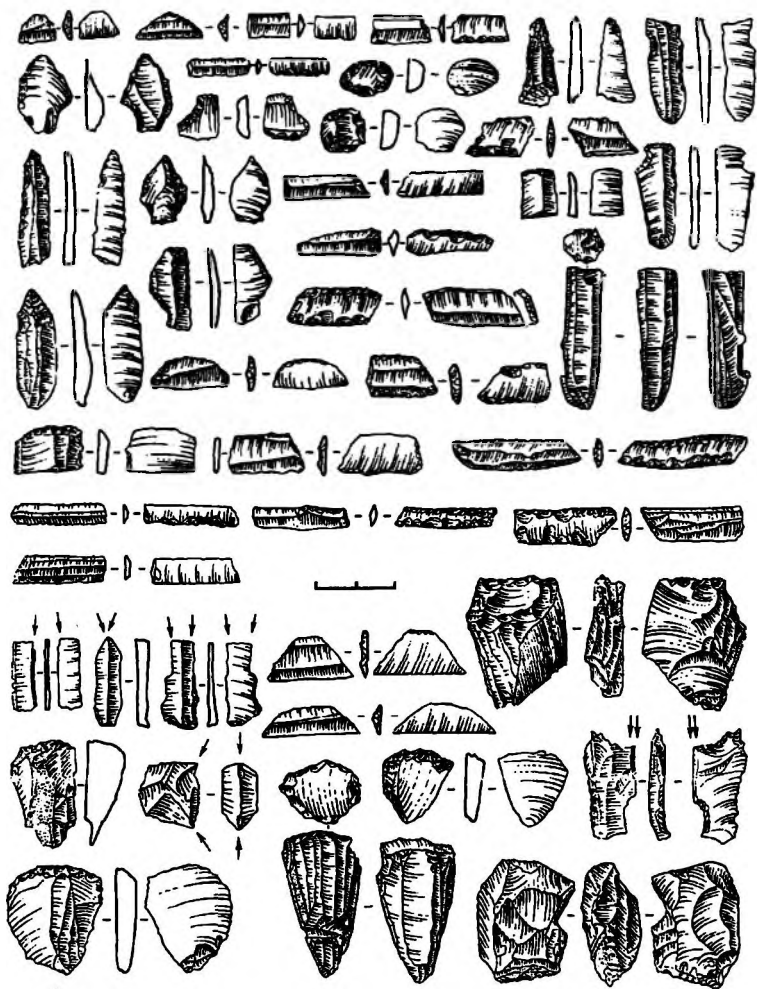

Рис. 5. Микролитические кремневые изделия со стоянки Тюкай I на Нижней Волге

Северного Прикаспия сходны с кавказскими. Отмечена такая специфическая их особенность, как обработка краев с двух, а не с одной стороны. Существенны и находки орудий из вулканического стекла – обсидиана, распространенного только на Кавказе³.

Стоянки с геометрическими орудиями поднимаются по Волге достаточно высоко: до Тетюшей (Тетюшская III стоянка) и территории Мари-Эл (Юльяльская IV, Северные выселки и Владимирская стоянки). Отдельные трапеции найдены и на Каме (Огурдино) и даже на Вычегде (Пезмог).

Костные остатки на дюнных стоянках не сохраняются, из-за чего трудно судить о хозяйстве их обитателей. На Кавказе в мезолитических слоях кости принадлежат только диким животным. В Сосруко охотились на благородного оленя, кавказского горного козла, кабана, серну, косулю, в Чохе – на бизона, муфлонообразного барана, благородного оленя. О собирательстве помимо жатвенного ножа из Сосруко говорят терочные камни из Чоха и ямки, заполненные раковинами сухопутных улиток, в Сосруко и Ацинской пещере. В таких ямах, разложив сверху костер, запекали улиток, а потом высасывали сочное тело моллюсков.

Иной облик у стоянок северной лесной части Европейской России. Орудия в виде трапеций встречаются там крайне редко. Зато были широко распространены наконечники стрел из ножевидных пластинок – иволистные, асимметричные с боковой выемкой и симметричные с черешком. На Кавказе и Нижней Волге таких орудий нет. Как мы помним, все три формы наконечников изготавливали в позднем палеолите Русской равнины (Костенки I, Авдеево, Гагарино), но никогда не употребляли на Кавказе, где очень рано появились древнейшие геометрические орудия (Губский навес № 7, Каменная балка II).

Это нельзя не расценить как свидетельство преемственности в развитии культуры от позднего палеолита к мезолиту на Русской равнине, с одной стороны, и на Кавказе – с другой. Составные орудия с костяной или деревянной основой и кремневыми вкладышами на юге и цельные кремневые наконечники на севере отражают две линии развития метательного оружия. Это как бы эквиваленты. Вот почему там, где есть наконечники из ножевидных пластин, как правило, нет сегментов и трапеций и наоборот.

Существует и другой взгляд на происхождение культуры эпохи мезолита в лесной зоне. Стоянки этой области сопоставляют не с палеолитическими поселениями Дона, Десны, Оки, а с памятниками Польши и Прибалтики. Там на грани палеолита и мезолита наконечники стрел из кремня многочисленны. Предполагается, что оттуда, с запада, и пришло мезолитическое население Русской равнины.

Помимо дюнных стоянок в лесной полосе обнаружены и поселения, связанные с торфяниками. Там сохранились костяные изделия – гарпуны, пешни, наконечники стрел, долота. Обсуждается вопрос, имеем ли мы дело с памятниками другого населения или всего лишь с двумя видами памятников одной археологической культуры, но разной сохранности. Поскольку известны стоянки, где сочетаются кремневые орудия из пластин с большим числом сделанных из них наконечников и характерный для Северной Европы набор костяных орудий, можно говорить о некоем единстве мезолитических памятников разных типов. Но в некоторых районах при отсутствии месторождений высококачественного кремня изделия из кости играли более важную роль в производстве, чем там, где такие месторождения есть. Таковы стоянки в Латвии и Эстонии.

Для Карелии отмечается смена стоянок с орудиями из сланца, кварца, похожими на находки в Прибалтике и Финляндии, стоянками с кремневыми орудиями волго-окских типов.

Основным видом жилищ в лесной зоне, как и в палеолите, были небольшие землянки. Они зафиксированы в мезолите Волго-Окского бассейна (Дмитриевское I, Иенево II, Тихоново, Един бор), Карелии (Пегрема VIII, Повенец II и III), Прикамья (Огурдино). Землянки обычно круглые, диаметром 6–8 м. В Карелии, на Оке и в Мари-Эл отмечены и прямоугольные мезолитические землянки с четко выделенным входом (Удельно-Шумецкая XII стоянка). Были и наземные жилища – в Соболеве V и Пенькове на Верхней Волге, в Веретье, в Колупаевской стоянке на Сухоне. Вместо крупных костей, составлявших каркас жилищ в палеолите, начали

применять дерево, но до настоящих срубов было еще очень далеко.

В позднем палеолите, как уже говорилось, известны только отдельные захоронения людей на площади поселений. Но, судя по обилию антропологических находок на стоянке Сунгирь, тогда уже наметилась тенденция к созданию комплекса могил – кладбища. В мезолите существовали и захоронения на стоянках и могильники, расположенные в стороне от поселений.

Такие могильники изучены во Франции в Бретани (Тевьек, Ходьек), в Швеции (Скатерхолм), в Латвии (Звейниеке), на Украине (Васильевка I и III, Вольнянка). В России один из самых значительных и интересных памятников этого рода обнаружен на Оленьем острове Онежского озера. Часть могил была разрушена до начала раскопок. Археологам удалось исследовать 174 захоронения. Заметных следов обитания людей каменного века на острове не выявлено. Значит, уже в мезолите появились “острова мертвых”, связанные с представлениями, получившими в дальнейшем распространение по всему Старому свету. Все мы помним образ перевозчика Харона, переправляющего умерших через водное пространство в особое царство мертвых.

На Днепровских порогах каких-либо вещей в могилы почти никогда не клали. Не так в Оленеостровском могильнике. Тут при большинстве скелетов оказались те или иные древние предметы: длинные кремневые наконечники стрел из ножевидных пластин, иволистные и черешковые, полированные клиновидные топоры и сланцевые ножи, костяные гарпуны и наконечники дротиков. В основном умерших хоронили в позе – вытянуто на спине (118 скелетов), реже вытянуто на боку (11) и скорченно (5). Есть и пять необычных вертикальных захоронений: покойники были закопаны в стоячей позе. Вероятно, это разнообразие обрядов указывает на какие-то особые группы людей внутри первобытной общины. Предполагают, что в некоторых могилах лежат вожди, шаманы.

В Оленеостровском могильнике найдены и произведения искусства из кости: скульптурные изображения лосей

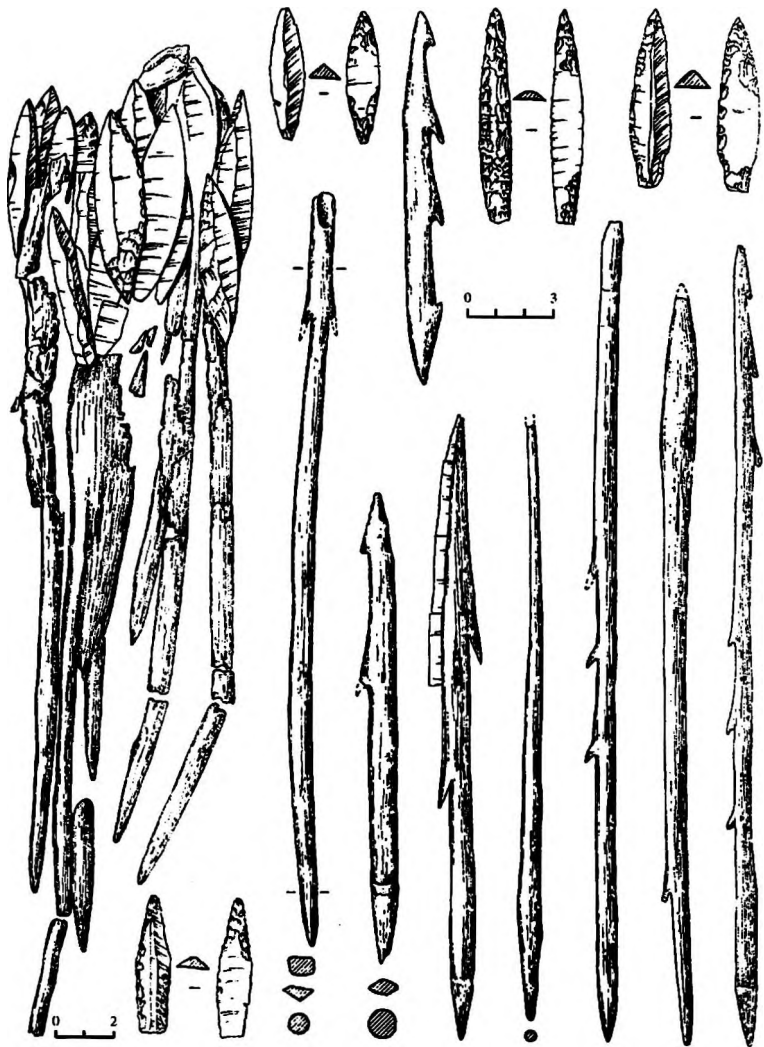

Рис. 6. Находки в Оленеостровском мезолитическом могильнике на Онежском озере. Кремневые наконечники стрел и костяное оружие. В одном из гарпунов вставлены кремневые вкладыши

и человека. Они выполнены в реалистической манере, что позволяет думать о преемственности мезолитической культуры Европейского Севера от культуры позднего палеолита Русской равнины.

Выразительные деревянные скульптуры птиц и зверей найдены и в торфяниковой мезолитической стоянке Замостье 2 под Сергиевым в Подмосковье.

В палеолитических захоронениях иногда находят оружие и украшения, но там нет остатков жертвенной пищи. На Оленьем острове и в другом мезолитическом могильнике в Прионежье – Попово – такие находки уже есть. Широко распространилась еще одна черта обряда, характерная для позднейшего времени – эпохи неолита и бронзы: тела покойников засыпаны порошком толченой естественной краски – охры.

По данным естественных дисциплин установлено, что мезолитические стоянки Карелии относятся к периоду от IX–VIII до VII–VI тысячелетий до н.э. Дата Оленеостровского могильника, видимо, VI тысячелетие. Получены абсолютные даты и для верхневолжских стоянок: 6860, 5790 до н.э. и т.д.

Перейдем теперь к другому важному для нас кругу вопросов: с культурой каких районов связаны намеченные выше две группы памятников.

Стоянки Северного Кавказа и Нижней Волги бесспорно тяготеют к тем областям, где в каменном веке были распространены кремневые орудия геометрических форм. Мы знаем сегменты и трапеции уже в некоторых позднепалеолитических памятниках Передней Азии и Закавказья. В мезолите эти орудия были в ходу у населения Молдавии, Украины, степной и пустынной полосы Казахстана и Средней Азии.

Для лесной зоны и Северной Европы такие изделия совсем не характерны, хотя для конца мезолита и для неолита кое-где отмечено спорадическое появление орудий геометрических форм. Проникновение на север из южных областей населения, изготовлявшего геометрические орудия, признается для бассейна Оки (так называемые памятники иеневского типа). О находках таких орудий по течению Волги уже говорилось.

Другая область – та, где в большом числе встречаются кремневые наконечники стрел из ножевидных пластин, напротив, обнаруживает большое сходство с мезолитом Центральной Европы. Имеются в виду поселения гамбургской и аренбургской археологических культур в Германии, свидерские или мазовшанские стоянки в Польше и аналогичные им материалы из Литвы и Белоруссии.

Изредка люди, пользовавшиеся кремневыми наконечниками, проникали и в южные районы, о чем свидетельствуют находки в пещере Сюрень II в Крыму и в Ла Скауне в Румынии. Но в основном движение населения лесной зоны шло не в южном, а в северном и восточном направлениях.

Предполагается, что первая волна заселения Карелии (стоянки со сланцевыми и кварцевыми орудиями) связана с западом, с ареалом аренбургской культуры. Только позднее пришло население с кремневыми орудиями тех типов, что характерны для Волго-Окского бассейна.

К кругу культур типа датской стоянки Маглемозе относит поселение Веретье его исследовательница С.В. Ошибкина⁴.

Мне все же кажется, что, признавая воздействие западноевропейских археологических культур на мезолит Восточной Европы, мы не должны забывать о позднем палеолите Русской равнины. Ведь там и ранее были распространены типы каменных наконечников, получившие развитие в мезолите той же и примыкающей к ней с севера территории. На мой взгляд, эта область была основным источником для формирования мезолитической культуры северной части Европейской России.

Таким образом, рассматривая имеющиеся у нас сегодня данные о мезолите, мы замечаем определенную преемственность в развитии материальной культуры севера и юга Европейской России с двумя областями, сложившимися здесь в палеолитическое время. Видим мы и сохранение традиционных направлений связей у каждой из этих областей с сопредельными территориями: северной – с Западной Европой, южной – с Передней Азией.

Что касается связей с востоком – с Зауральем и Сибирью, то, хотя они возникли, видимо, именно в мезолитическое время, но тогда были еще не очень интенсивными.

При изучении черепов из Оленеостровского могильника антропологи отметили определенную монголоидную примесь к европеоидному в целом типу погребенных. Останки людей монголоидного типа в палеолите Европы не известны, но уже зафиксированы в Сибири (стоянка Афонтова гора II на Енисее). Типичные монголоиды похоронены в неолитических могильниках Прибайкалья. Исходя из этого, некоторые ученые говорят, что еще в мезолите обитатели Сибири стали проникать на Европейский Север. Но не все согласны с этим выводом. Отдельные особенности черепов, принятые за монголоидность, можно антропологически объяснить и иначе⁵. В составе же археологических коллекций из Оленеостровского могильника ничего специфически сибирского нет.

В 1950-х годах А.Я. Брюсов пытался обосновать идею о движении населения с востока на запад другими материалами. По его мнению, орудия из кости, в сотнях экземпляров найденные при золотодобыче на Шигирском торфянике под Екатеринбургом, древнее, чем такие же орудия из стоянок Веретье под Каргополом и Кунда в Эстонии. А раз это так, значит, в мезолите происходило движение населения из Зауралья на Запад. Но находки в Шигире сделаны не при раскопках, плохо документированы и частично, видимо, довольно поздние. Даты же стоянок типа Кунда и Веретье более ранние, чем у стоянок с костяными орудиями в Зауралье и Сибири.

Вопрос о движении населения по степной зоне от Днепра до Забайкалья мы рассмотрим в следующем разделе, поскольку материалы для обсуждения этого вопроса связаны в основном уже не с мезолитическим, а с неолитическим временем.

ЮЖНОРУССКИЙ НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ

Как уже говорилось выше, за грань между мезолитом и неолитом большинство археологов принимает появление глиняной посуды.

Глину человек использовал искони. Известны позднепалеолитические глиняные статуэтки, а в одном случае – на стоянке Дол и Вестонице в Чехии – обнаружена даже печь для обжига глины. Но систематическая лепка сосудов с последующим их обжигом началась значительно позже. В разных точках земного шара это произошло не одновременно. По материалам, накопившимся к сегодняшнему дню, самые ранние стоянки с глиняной посудой изучены в Японии. Их возраст – VII тысячелетие до н.э. Есть сообщения об очень древней керамике на нашем Дальнем Востоке, но они не проверены.

В пределах Европейской России глиняную посуду стали применять, видимо, не ранее V тысячелетия до н.э. Распространилась она сюда с юга и запада вместе с навыками производящего хозяйства из двух изначальных очагов его – Передней Азии и Балкан. Это не означает, однако, что находки черепков в любом пункте обязательно указывают на существование здесь земледелия и скотоводства. Глиняная посуда была у населения лесной зоны Европейской России во всяком случае в IV тысячелетии до н.э., тогда как до II, а кое-где и до I тысячелетия до н.э. ни обработка земли, ни разведение домашних животных в этих районах еще не были освоены.

Принято считать, что глиняная посуда знаменует важные изменения в режиме питания древнего человека. В палеолите основой рациона было мясо убитых на охоте зверей. Его жарили на камнях, образующих примитивный очаг. В неолите большую роль стала играть растительная

шца, и готовили ее в глиняных горшках. В северной половине в них варили не кашу, а уху.

Древняя посуда чрезвычайно разнообразна. Различна техника изготовления: лепка с помощью наращивавшегося по спирали глиняного жгута, выбивание из куска глины специальными лопаточками или колотушками и т.д. Разнообразен состав массы: в нее добавляли то толченые ракушки, то рубленые растительные примеси, то дресву, то обломки старой посуды – шамот, все это для того, чтобы “отощить” вязкую глину и предотвратить растрескивание горшков при обжиге. Многообразны формы сосудов: остро-, кругло- и плоскодонных, яйцевидных, баночных, с суженным и широко открытым горлом, с ручками, поддонами и т.д. Особенно же варьирует орнаментация. Тут выделяются как разные приемы нанесения узоров, так и их мотивы. Применяли прочерчивание, роспись разными красками, вдавливание в виде ямок, прямоугольников, полукруглых углублений при помощи всяких штампов – палочки, белемнита, гальки с зазубренным краем, просто пальца. Среди мотивов орнамента зигзаги, треугольники, городки, меандры и целые зоны – ленты, спирали, заполненные оттисками штампов или ямками.

Анализ соотношения всех этих и других, не названных нами, особенностей древней посуды позволяет дать весьма дробное распределение материалов, добытых в ходе раскопок, и во времени, и в пространстве.

В итоге такого анализа выделено много своеобразных археологических культур и хронологических групп памятников. Здесь всей этой детально разработанной схемы мы касаться не будем, сосредоточившись лишь на двух наиболее важных вопросах – на хозяйстве неолитического населения Юга России и на связях этого населения с сопредельными районами.

Выше говорилось о многослойных стоянках у г. Сорки в Молдавии. Во всех слоях кремневые орудия сделаны из тонких ножевидных пластинок и всюду среди них много геометрических форм. В нижних слоях глиняной посуды еще нет, хотя найдены кости одомашненных быка и свиньи. В верхних слоях помимо тех же типов кремневых изделий и костей быка и свиньи обнаружены и обломки

глиняной посуды. Она похожа на ту, что известна в раннеземледельческих культурах Старчево и Криш на Балканах, относящихся к V тысячелетию до н.э. На некоторых черепках из Сорок видны отпечатки зерен пшеницы. Встречаются роговые мотыги, каменные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов с характерной залощенностью по краю, возникающей при срезании злаков. Аналогичные днестровским раннеземледельческие поселения выявлены на Южном Буге.

Несколько позже, в конце V – начале IV тысячелетия до н.э., на Днестре появились другие раннеземледельческие племена. По использовавшейся ими глиняной посуде их называют племенами культуры линейно-ленточной керамики. По сравнению с буго-днестровскими эти племена достигли более высокого уровня развития. Наряду с архаическими землянками строили большие наземные жилища, прямоугольные в плане и со столбовой конструкцией. На поселениях найдены зерна мягкой и твердой пшеницы, полбы и гороха. Среди костей животных остатки не только быка и свиньи, но и козы и овцы.

Культура линейно-ленточной керамики, характеризующаяся уже вполне сложившимся производящим хозяйством с преобладанием земледелия, охватывала обширную область в Центральной Европе и прошла там долгий путь развития. На Днестр носители этой культуры проникли на сравнительно короткий срок, а затем, вероятно, были вытеснены местными племенами буго-днестровской культуры.

Как буго-днестровская, так и культура линейно-ленточной керамики в пределах СНГ известны по небольшому числу стоянок, сосредоточенных в основном в Поднестровье. Сменившая их третья культура – трипольская (по Триполю на Днепре) занимает гораздо большую территорию. В Молдавии и на Правобережье Украины, выявлены сотни поселений со своеобразной глиняной посудой, покрытой расписным криволинейным узором, с выразительными глиняными статуэтками женщин и животных. Трипольцы тоже были земледельцами, но и скотоводство играло большую роль в их хозяйстве. Относится эта культура в основном к IV тысячелетию до н.э. Наиболее позд-

ние трипольские памятники, вроде Усатова под Одессой, существовали до начала III тысячелетия до н.э.

Корни и этой культуры уходят в Балкано-Дунайский регион, а развитие ее шло не одно столетие уже в пределах Молдавии и Украины. Наиболее древние трипольские стоянки сосредоточены на Днестре, а самые поздние – в Приднепровье, что, очевидно, отражает процесс расселения земледельцев с запада на восток. На ранних стоянках много каменных орудий, на поздних – их мало, зато встречаются изделия из меди. Поэтому трипольскую культуру надо расценивать не как неолитическую, а как энеолитическую.

Термин “энеолит” т.е. медно-каменный век применяется к эпохе, когда появились первые предметы из металла, но преобладали все же орудия из камня. Медь – мягкий металл. До появления сплавов с оловом или мышьяком металлические орудия не могли соперничать с каменными. Месторождения меди, доступные древнему человеку, есть далеко не везде. Изготовлением орудия из металла занимались специалисты – литейщики, а из камня – практически все. Соответственно первые были гораздо дороже. Поэтому во многих районах долгое время пользовались главным образом каменными орудиями. Медные вещи были в меньшем числе, хотя постепенно входили в употребление и топоры, и ножи, и украшения из металла. Наряду с медью появилось и золото. Анализ металла показывает, что он обычно не местный, а привозной. Медь трипольской культуры доставлена из Западной Трансильвании и Баната. В этих областях добычу и обработку меди освоили еще в культурах Старчево, Криш в V тысячелетии до н.э. До Молдавии и Украины металл дошел значительно позднее.

Земледельцы-трипольцы не были прямыми предками славян, как это когда-то предполагали, но они оставили некое наследие, воспринятое племенами, появившимися на Правобережье Украины в железном веке, в том числе и славянами. Это и навыки обработки земли, и наземные глинобитные прямоугольные в плане жилища – далекий прототип украинской хаты, и новые типы захоронений. Во-первых, часть их находится под земляными насыпями

ми – курганами (Усатово). Во-вторых, помимо обычных для палеолита и мезолита могил с положенными в них телами умерших, впервые появились могилы со следами трупосожжений – кремации. Около Киева – в Софиевке и Червоном хуторе – обнаружены могилы без признаков на поверхности, где прах умерших заключен в глиняные сосуды. Это прототип “полей погребений”, бескурганых кладбищ с захоронениями праха в глиняных горшках, особого типа археологических памятников, свойственного Правобережью Украины в I тысячелетии н.э. До энеолита ни курганов, ни кремации на территории Восточной Европы мы не знаем.

Связь всех рассмотренных выше культур – буго-днестровской, линейно-ленточной керамики и трипольской с областью древнейшего земледелия на Юго-Востоке Европы вне сомнений¹.

Существенно иная картина в районах, более близких не к Балканам, а к другому очагу раннего производящего хозяйства Передней Азии. В Закавказье и Туркменистане опыты возделывания земли относятся к более раннему времени, чем на Украине. Другой здесь и тип поселений. Они состояли из глинобитных жилищ, иногда прямоугольных, а иногда круглых в плане. Жилища были непрочными и скоро разрушались. На фундаменте разрушенных домов строили новые. Культурный слой поселений такого типа рос быстро, и после их запустения оставались “жилые холмы”, “телли” или по-тюркски “тепе”. Древнейшие тепе Закавказья и Туркменистана, как теперь выяснено, относятся к периоду от VI–V тысячелетий до н.э. до начала IV. В соответствующих слоях Шому-тепе в Азербайджане и Шулавери в Грузии найдены только каменные орудия. Лишь в самых поздних памятниках того же типа появляются медные шилья. Глиняная посуда всюду плоскодонная с обильными примесями в тесте, обычно без орнамента, иногда с налепами на стенках. Обнаружены остатки многозлачного и двузлачного ячменя, твердой и мягкой пшеницы, полбы и проса. В большом числе встречаются кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи.

В Средней Азии древнейшие земледельческие поселения в предгорьях Копет-дага еще не приобрели особенно-

стей теллей-тепе, хотя уже здесь были наземные глинобитные постройки (Джейтун).

В IV тысячелетии до н.э. более молодые поселения культуры Анау представляют собой настоящие жилые холмы с мощными отложениями и глинобитной архитектурой. Для этого времени характерна многоцветная расписная посуда. Уже тогда возникли первые ирригационные сооружения².

Ранние земледельцы могли жить только на черноземных почвах Молдавии и Правобережной Украины, в плодородных долинах Закавказья, в предгорьях Копетдага, откуда сбегали орошавшие поля первые арыки. Освоить степные и, тем паче, полупустынные и лесные районы земледельцы были не в состоянии. Но жившие в степной полосе люди могли заимствовать у земледельцев не только глиняную посуду, но и навыки разведения и содержания домашних животных. Кости их находят при раскопках неолитических стоянок Юга России.

На поселении Матвеев курган в Северном Приазовье (Ростовская обл.) обнаружены наземные жилища из прутьев. Кости животных принадлежат в основном диким видам (76%), но есть и остатки быка, овцы, козы, свиньи и собаки. Стоянку предположительно относят к концу V тысячелетия до н.э.³

На поселении Ракушечный яр в низовьях Дона наряду с костями косули и оленя найдены кости домашних быка, козы и овцы. На обоих поселениях встречены характерные еще для мезолита геометрические формы орудий из кремня – сегменты и трапеции, но преобладают не они, а чисто неолитические типы орудий – шлифованные клиновидные топоры. Есть костяные гарпуны. Глиняная посуда в Матвеевом кургане хотя и была известна, но крайне немногочисленна и невыразительна. В Ракушечном яру обломков сосудов собрано уже много. Орнамент был накольчатый и прочерченным и несколько напоминал узоры линейно-ленточной керамики. Мощные напластования в Ракушечном яру с большим числом прослоек отложились за достаточно долгий срок, видимо с V до III тысячелетия до н.э. Для среднего слоя получена дата 4120 г. до н.э.⁴

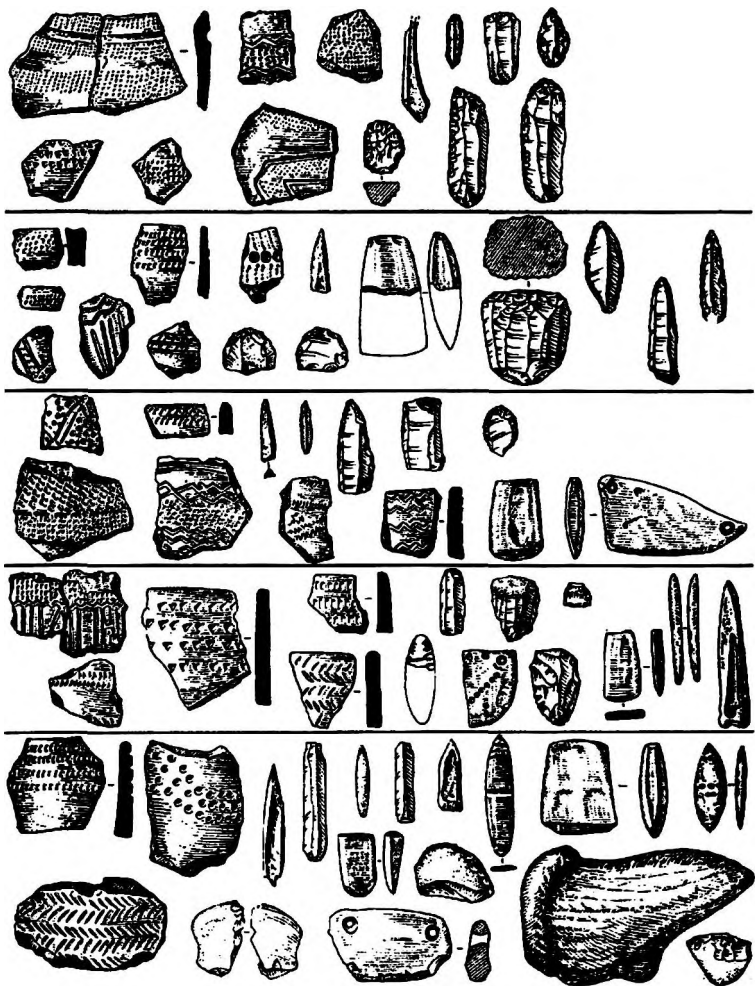

Рис. 7. Находки в разных слоях стоянки Ракушечный яр на Нижнем Дону

На Волге также известны стоянки с кремневыми орудиями мезолитических типов, но содержащие и глиняную посуду и кости домашних животных. Таковы Джангар в Калмыкии (дата 4100 г. до н.э.), Варфоломеевка на р. Малый Узень в Саратовской области, Каир-

шак I в Астраханской области и другие. В Варфоломеевке наряду с костями кулана, медведя есть и кости домашних быка, козы и овцы⁵.

Группа поселений эпохи неолита-энеолита изучена в Южном Приуралье. Это две стоянки на реке Самаре – Виловатовская в Самарской области и Ивановская – в Оренбургской и две в Башкортостане, – Муллино на реке Ик – притоке Камы и Давлеканово на реке Деме – притоке Белой. Всюду встречены кости домашних и диких животных, но картина не вполне ясна. Во-первых, слои разного возраста выделяются на стоянках нечетко. Во-вторых, больше всего найдено костей лошади, а домашняя она или дикая, сказать трудно. На Ивановской стоянке – костей лошади 58%, крупного рогатого скота – 19%, мелкого – 21%. На Виловатовской стоянке обнаружены остатки тура, сайгака, косули, медведя, лося, бобра (последние два вида дали 80% костей), а также – коровы, овцы, собаки и лошади⁶.

В целом и в Приазовье, и в Подонье, и в Нижнем Поволжье, и в Южном Приуралье на стоянках эпохи неолита остатки домашних животных составляют меньшую долю по сравнению с костями диких зверей. Поэтому точнее говорить не о развитии производящего хозяйства в неолите Юга России, а лишь о добавлении элементов скотоводства к сохранявшим господствовавшее положение традиционным формам присваивающего хозяйства. Культура по сравнению с мезолитом изменилась не так сильно, как на Правобережье Украины. Ни следов земледелия, ни глинобитных домов нет. Всюду жили еще в землянках. Все орудия сделаны из камня и кости. Металл пока не проник ни с юга, ни с запада. Помимо костей диких зверей в слое много костей рыб. Новое в материальной культуре – только появление глиняной посуды. Она чаще имеет острое, чем плоское дно, а орнамент на ней нанесен с помощью процерчивания, наколов и зубчатого штампа.

К стоянкам южной полосы – приазовским, нижнедонским и нижневолжскими – с севера примыкает широкая полоса, где распространены поселения так называемой днепро-донецкой культуры. И в них представлена неолитическая глиняная посуда, но остатки домашних живот-

ных ни разу не найдены. Лучше всего исследованы такие поселения на Северском Донце. В России аналогичные материалы дают раскопки стоянок на Среднем Дону, около Воронежа⁷.

Кроме поселений известны в неолите Юга России и захоронения людей. Иногда они встречаются по одиночке на площади стоянок (Ракушечный яр, Варфоломеевка), иногда сосредоточены в особых могильниках. Свыше полутора десятков таких могильников выявлено в районе Днепровских порогов и в других местах на Левобережье Украины. Наиболее подробно изучен Мариупольский могильник. В пределах России памятники этого типа отмечены в низовьях Дона и в двух пунктах на Средней Волге: Липовый овраг и Съезжее. В Съезжем в Самарской области могилы не имели никаких признаков на поверхности. Покойников укладывали вытянуто на спине. Вместе с ними зарыты каменные шлифованные клиновидные топоры, украшения из клыков кабана, костяные бусы и подвески. Дата могильников мариупольско-съезженского типа, видимо, IV тысячелетие до н.э. Это уже не неолит, а энеолит.

Если в степной зоне Русской равнины навыки содержания домашнего скота были заимствованы, скорее всего, из Балканского региона при посредстве земледельцев Молдавии и Правобережья Украины, то иное надо сказать о Северном Кавказе.

В высокогорном Дагестане на стоянке Чох, о мезолитических слоях которой говорилось в предшествующем разделе, в верхних слоях найдены кости овцы и козы и, возможно, быка, зерна пшеницы и ячменя двух видов, а также костяные рукояти ножей для кремневых вкладышей, похожие на те жатвенные орудия, что известны в памятниках типа Шому-тепе в Азербайджане. Исследователь стоянки Х.А. Амираханов писал о сложении производящего хозяйства в Дагестане на местной основе, ссылаясь на распространение здесь диких растений, пригодных для окультуривания. Думается, более прав В.А. Шнирельман, настаивавший на заимствовании навыков обработки земли и скотоводства из Закавказья. Некоторые глиняные сосуды из Чоха похожи на шомутепинские. Они баночной формы, плоскодонные, без орнамента⁸.

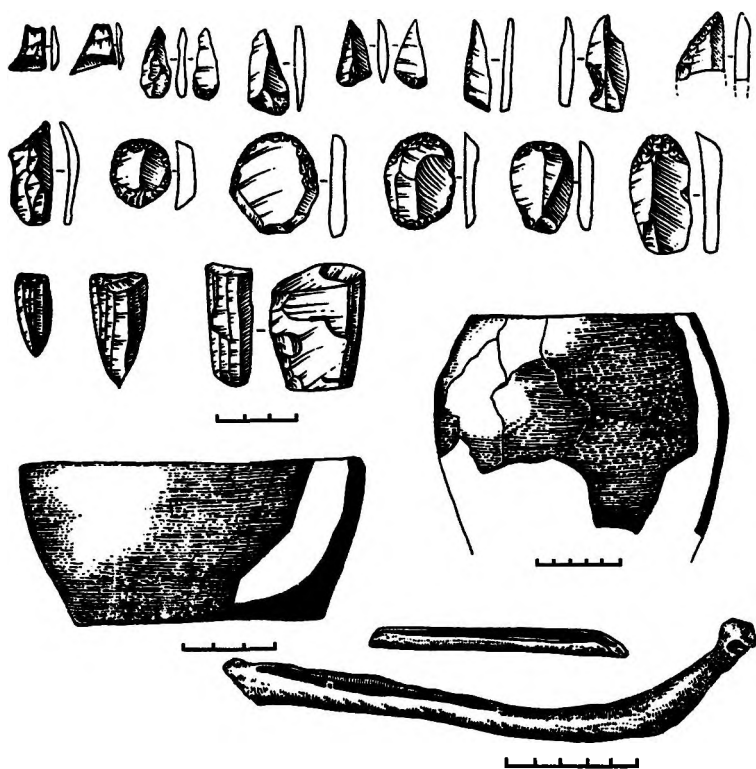

Рис. 8. Находки в Чохской стоянке в Дагестане: орудия из кремня, глиняные сосуды и костяные изделия с прорезями для вставки кремневых вкладышей

На Кавказе исследованы и другие стоянки с плоскодонной посудой и с каменными орудиями как мезолитических, так и неолитических типов. Вместе с сегментами и трапециями здесь встречены и клиновидные шлифованные топоры. Таких стоянок много по восточному берегу Черного моря: Нижняя Шиловка на р. Псоу близ Адлера, стоянки к югу от границы России, в Абхазии и Грузии: Кистрик, Анасеули, Одиши. Данных о хозяйстве их населения нет, но в неолитическом слое Каменноостской пещеры на р. Белой в Прикубанье найдены кости домашних быка, свиньи, козы или овцы. Глиняная посуда из этого

слоя и плоско- и остродонная. В ее орнаментации заметны черты, свойственные неолиту степной зоны.

Подведем итоги нашему обзору материалов о неолитической эпохе на Юге России. Как мы видели, в это время произошло первое знакомство местного населения с производящим хозяйством. Земледелие было воспринято только на Кавказе (Чохское поселение). В остальных случаях речь может идти лишь о зачатках скотоводства, но не о развитых его формах. По сравнению с Молдавией, Правобережной Украиной, Закавказьем и Туркменистаном, не говоря уже о Балканах и Передней Азии, развитие культуры на Юге России шло в замедленном темпе, что не могло не сказаться на последующем периоде.

На вопрос о том, какие районы определяли развитие культуры в неолитическую эпоху на Юге России, ответ нам уже ясен. Это, с одной стороны, Юго-Восток Европы, а с другой – Закавказье. Влияние среднеазиатского центра древнейшего земледелия на нашей территории не чувствуется. Крашенная керамика типа Анау за пределами Туркменистана не известна. В литературе ставился вопрос об огромной роли в истории Северного Причерноморья другой культуры – Кельтеминарской, распространенной в Приаралье. Но ни характерные для нее кремневые наконечники стрел – асимметричные с боковой выемкой, – ни своеобразные кельтеминарские глиняные сосуды с прочерченным волнистым орнаментом к западу от Урала не встречаются. Кельтеминарцы были охотниками и рыбаками. Домашний скот появился у них на самом позднем этапе развития культуры.

Безусловно, существует большое сходство кремневых орудий, сделанных из тонких ножевидных пластинок и содержащих геометрические формы – сегменты и трапеции – в степной и полупустынной зоне от Днепра до Забайкалья. В этом сходстве можно видеть предвестие значительной близости облика культуры на этой территории уже в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Но для мезолитического и неолитического времени объяснение сходства скорее надо искать в конвергенции, обусловленной близостью хозяйства населения этих мест. В степях и Европы и Азии обитали тогда группы людей, занимав-

шихся рыболовством и охотой и только начавших осваивать разведение домашнего скота. В Азиатской степной и полупустынной зоне неолит – время очень благоприятное в климатическом отношении. Палеогеографы называли его льяляканским плювиалом. Ни засухи, ни безводных пустынь тогда не было. В лесных зарослях – тугаях близ водоемов скапливались звери и птицы, а сами водоемы изобиловали рыбой. Большое количество неолитических стоянок у таких водоемов показывает, что население обитало здесь достаточно прочно и безбедно. У него не было нужды в дальних миграциях.

Но охотники выходили и в зону, менее обводненную, преследуя табуны копытных животных в степях и пустынях. Эти группы населения были более подвижны, чем обитатели лесной зоны. До появления запряженных быками и лошадьми повозок и колесниц, а затем и верхового коня широкие миграции вряд ли возникали. Но подвижность части населения могла привести к установлению связей древних обитателей разных частей степной зоны уже в неолитическую эпоху.

Намеки на такие связи отмечены при анализе материалов раскопок. В донской стоянке Ракушечный яр, в нижеволжской Варфоломеевке и в казахстанских стоянках Ливановка под Кустанаем, Батай и Красный яр в Кокчетавской области найдены совершенно тождественные предметы. Это фаланги копытных с приданными кости гравировкой антропоморфными чертами – вероятно, домашние идолы⁹. Совпадение слишком большое, чтобы быть случайным.

Показательно и некоторое сходство погребального обряда (вытянутые захоронения без признаков на поверхности) и украшений (костяные бусы, клык кабана со сверлиной) – могильника Тумек-кичиджик в Присарыкамышской впадине и могильника в Съезжем на Волге¹⁰.

Таким образом, можно полагать, что в эпоху неолита впервые установились связи населения Юга России с обитателями заволжских и зауральских степей.

НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Неолитических стоянок в лесной зоне Европейской России выявлено значительно больше, чем в южной степной полосе. Рядом с Москвой и Петербургом и такими городами, как Казань, Рязань, Петрозаводск, по берегам рек и озер с конца XIX в. собирали кремневые орудия и обломки глиняной посуды неолитического типа.

Уже тогда было замечено, что в разных частях лесной полосы эти находки обладают определенным сходством. В 1922 г. финский археолог Юлиус Айлио выделил на этом основании особую “культуру ямочно-гребенчатой керамики” от Прибалтики до Сибири.

Названа она была так потому, что на глиняных сосудах в этой области орнамент часто нанесен с помощью вдавлений штампами, образующими круглые (реже ромбические) ямки и как бы оттиски гребенки. В первом случае штампами обычно служили “чертовы пальцы” – белемниты, во втором – плоские гальки с нарезанными по краю зубчиками. Отпечатки таких штампов покрывали сосуды от ободка горла до круглого дна, образуя сплошные зоны из ямок и гребенчатых отпечатков в разных сочетаниях.

В дальнейшем было установлено, что ямочно-гребенчатая керамика не единственный тип посуды, характерный для лесного неолита Евразии. Картина гораздо сложнее. Есть и другие типы, причем некоторые представлены в районах, где собственно ямочно-гребенчатой керамики нет совсем, а некоторые предшествовали ей во времени или несколько позже ее. Сама ямочно-гребенчатая керамика достаточно разнообразна. Были выделены варианты ее, характерные для разных районов. Схему соотношения стоянок во времени разработал еще

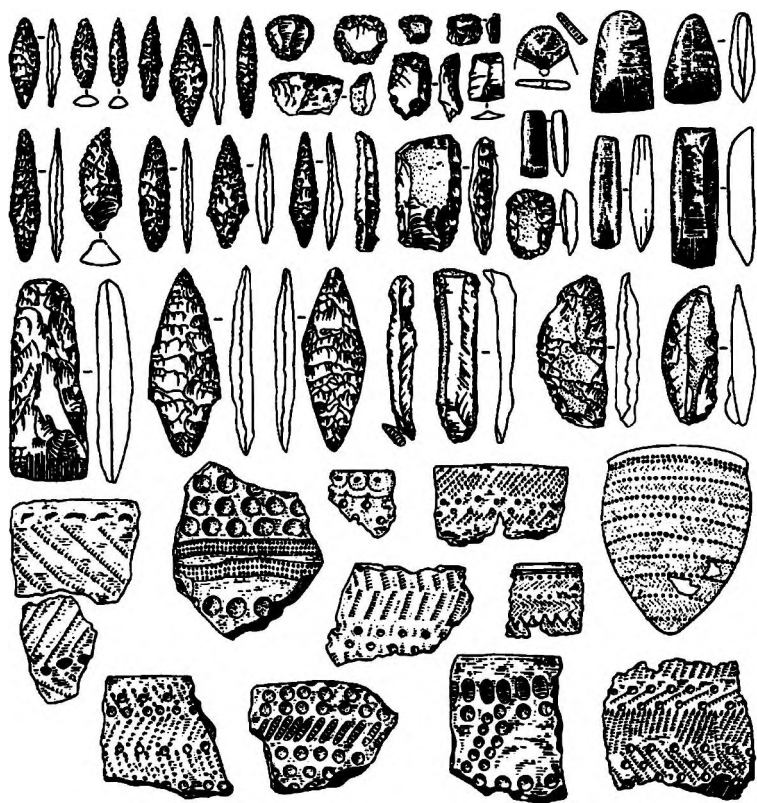

Рис. 9. Типичный набор находок для стоянок с ямочно-ребенчатой керамикой. Стоянка Гавриловка на Оке

в 1920-х годах Б.С. Жуков. Для выделения особых археологических культур внутри большой области, занятой стоянками с ямочно-ребенчатой керамикой, важны исследования А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, О.Н. Бадера, Н.Н. Гуриной.

Литература о неолите лесной зоны Европейской России в значительной мере состоит из анализа разновидностей орнамента древней посуды и выяснения соотношений этих разновидностей во времени и пространстве¹. Мы здесь на всех деталях останавливаться не будем и попытаемся дать обобщенную картину.

Надо сразу же оговориться, что несмотря на обилие неолитических памятников большинство из них такой плохой сохранности, что по ним трудно получить представление обо всем комплексе культуры, характерном для стоянок, о хозяйстве и происхождении их обитателей. На дюнах изделия разного возраста перемешаны, и выделить пригодные для изучения комплексы крайне сложно. Ценнее торфяниковые стоянки, но их изучены считанные единицы.

Искусство изготовления глиняной посуды в лесной зоне было, безусловно, заимствовано с юга от племен земледельцев и скотоводов и их соседей. Произошло это в основном в IV тысячелетии до н.э., а кое-где, может быть и раньше. Но навыки обработки земли и содержания домашнего скота в леса одновременно с керамикой не проникли. Раскопки не дают никаких указаний на зачатки производящего хозяйства вплоть до II, чаще до I тысячелетия до н.э.

Как и в мезолите, обитатели лесов занимались в неолитическую эпоху охотой, рыболовством и собирательством. Роль рыболовства тогда заметно возросла. Анализ останков людей из могильников каменного века в лесной полосе показывает, что состав костной ткани у мезолитических и неолитических людей несколько разный. Это связано с изменением режима питания и преобладанием в неолите рыбной пищи. Любопытно, что в женских скелетах элементов, свидетельствующих об этом, больше, чем в костях мужчин. Видимо, имело место распределение труда по половому признаку. Анализы говорят также об использовании при питании моллюсков. Доля растительной пищи, напротив, невелика².

Там, где в неолитических слоях стоянок сохраняется кость, остатков рыб: щуки, леща, судака, окуня, карася и т.д. — очень много. На стоянке Сахтыш I в Ивановской обл. отмечены целые пласты рыбьей чешуи. Встречаются, костяные рыболовные крючки и гарпуны, а кое-где и рыболовные ловушки типа верш. Это конструкции из лучин длиной 70–80 см, вбитых полукругом диаметром до 1 м. Такие конструкции найдены в Замостье 2 под Москвой, в Висском торфянике в Коми, в Плехановом бору на

Оке³. Подобные ловушки были в ходу и у русского крестьянского населения лесной полосы еще в XIX в.

С освоением водоемов связаны и челны – однодеревки. Два неолитических челна, выдолбленные из целых кусков дуба, найдены у села Щучье на Среднем Дону в Воронежской области. Длина одного – 7,5 м, ширина – 85 см, у второго – длина 6,3 м, ширина – 60 см. На носу выдолблено по два “уха”, то ли для привязывания, то ли для закрепления сидения внутри лодки.

Что касается охоты, то на стоянках собраны кости лося, оленя, косули, кабана, медведя, зайца.

Древнейшие глиняные сосуды встречаются в лесной зоне вместе с кремневыми и костяными орудиями тех же типов, что известны в местном мезолите. Таковы прежде всего наконечники стрел, изготовленные из ножевидных пластин. Самая ранняя посуда еще не имела ямочного орнамента. Узор на ней нанесен гребенчатым штампом, прочерчиванием или неглубокими мелкими наколами. Отмечается определенное сходство этого типа керамики с южной – буго-днестровской и днепродонецкой. Поскольку типы кремневых орудий в лесной полосе не южные, а те же, что и в местном мезолите, следует говорить лишь о заимствовании с юга навыков изготовления сосудов из глины, а не о проникновении южного населения на север. К тому же в лесной полосе горшки из глины искони были круглодонные, яйцевидные, а в степи и лесостепи с самого начала неолита было немало сосудов с шиповидно заостренным или плоским дном.

Поселения в лесной зоне Европейской России с наиболее ранней керамикой относят к особой верхневолжской археологической культуре. Выделение этой группы древних поселений оправдано, но их пока изучено много меньше, чем стоянок с более поздней ямочно-гребенчатой керамикой, составляющих основной фон северного неолита.

В Карелии самая ранняя глиняная посуда (так называемая типа сперрингс) была заимствована не с юга, а с запада, с территории Финляндии, Скандинавии. То же и на Кольском полуострове, где древнейшие сосуды сходны с обнаруженными на стоянках Норвегии.

В конце IV – начале III тысячелетия до н.э. в Волго-Окском бассейне распространилась собственно ямочно-гребенчатая керамика, именуемая иногда льяловской по стоянке у Льялова под Москвой. Достаточно надежно установлено, что стоянки с посудой льяловского типа, выявленные в более северных районах – в Карелии, на Белом море, на Вологодчине, в Прибалтике, – моложе волго-окских. Поэтому можно реконструировать продвижение населения из Волго-Окского бассейна на Север. К середине III тысячелетия складывается и до начала II тысячелетия до н.э. существует мощное ядро племен, для которых была характерна посуда с ямочной и разными видами ямочно-гребенчатой орнаментации. С запада и востока эту область обтекают территории, где неолитическая посуда не имела ямочного узора, а была или “гребенчато-накольчатой” или “гребенчатой” (по преобладанию этих типов орнамента). На западе таковы стоянки нарвской, неманской, верхнеднепровской археологических культур, во многом схожие по характеру находок с днепро-донецкими, на востоке – стоянки Среднего Поволжья и Прикамья. В Зауралье посуда в неолите совсем другая. Для нее обычен особый вид прочерченного орнамента, так называемый струйчатый. Таким образом, культуру ямочно-гребенчатой керамики надо ограничить Центром и Севером Европейской России, не включая в эту культуру памятники сибирского неолита.

Внутри обширной области распространения ямочно-гребенчатой керамики археологи выделяют несколько подгрупп: каргопольскую, рязанско-долговскую, балахинскую и т.д. Много стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой и в северной полосе Украины.

Кремневые орудия в III тысячелетии до н.э. в лесной зоне уже иные, чем в мезолите. Изделий из ножевидных пластин становится все меньше и меньше. Орудия делали из отщепов, часто обрабатывая их с двух сторон. Отжимая от кремня тонкие чешуйки, создавали изящные наконечники стрел и копий листовидной формы. Топоры чаще оббитые с двух сторон, но появились и шлифованные клиновидной формы.

Прогресс материальной культуры налицо, но никаких признаков перехода от охоты и рыболовства к скотоводству по-прежнему нет. Это касается не только льяловской культуры, но и ее западных и восточных соседей.

Поселения неолитических обитателей лесов состояли из нескольких небольших округлых в плане землянок, диаметром 5–6 м. Для стоянок Карелии и Балахнинской низины есть данные о наземных жилищах, построенных из дерева – предшественниках позднейших изб. Но мы не знаем, была ли в эту эпоху разработана прочная конструкция, сцепление бревен, поддерживавшее деревянное перекрытие. В Среднем Поволжье с мезолитического времени существовали квадратные в плане землянки с отходящим от одной из стен входом.

В ряде точек в лесной полосе выявлены поселения на сваях, вбитых в болотистую почву и перекрытых настилами. Лучше всего изучены торфяниковые стоянки в Усвятах Псковской области и в Модлоне – в Вологодской. Торф консервирует древесину, и мы получаем редкую возможность увидеть предметы, которые, как правило, до нас не доходят на обычных дюнных стоянках. Тут найдены, к примеру, деревянные сосуды с головами зверей и птиц на рукоятях, похожие на древнерусские ковши, своеобразные колотушки для разбивания орехов.

В лесном неолите известны как отдельные захоронения людей на площади стоянок, так и могильники в стороне от поселений. Из первых интересны могилы на стоянках Кубенино в Прионежье и Сахтыш в Ивановской области, среди вторых – могильник Караваиха в Вологодской области. Покойников закапывали обычно в положении “вытянуто на спине”, часто засыпали охрой и сопровождали определенным набором вещей. Это и оружие, и украшения.

В конце III тысячелетия до н.э. в бассейне Оки и в ряде других районов лесной зоны появились люди с несколько иным типом изделий, названных волосовскими. Стоянка у села Волосово на реке Велетьме – притоке Оки у города Муром, известная с середины XIX века, не раз исследовалась археологами и дала имя особой волосовской археологической культуре.

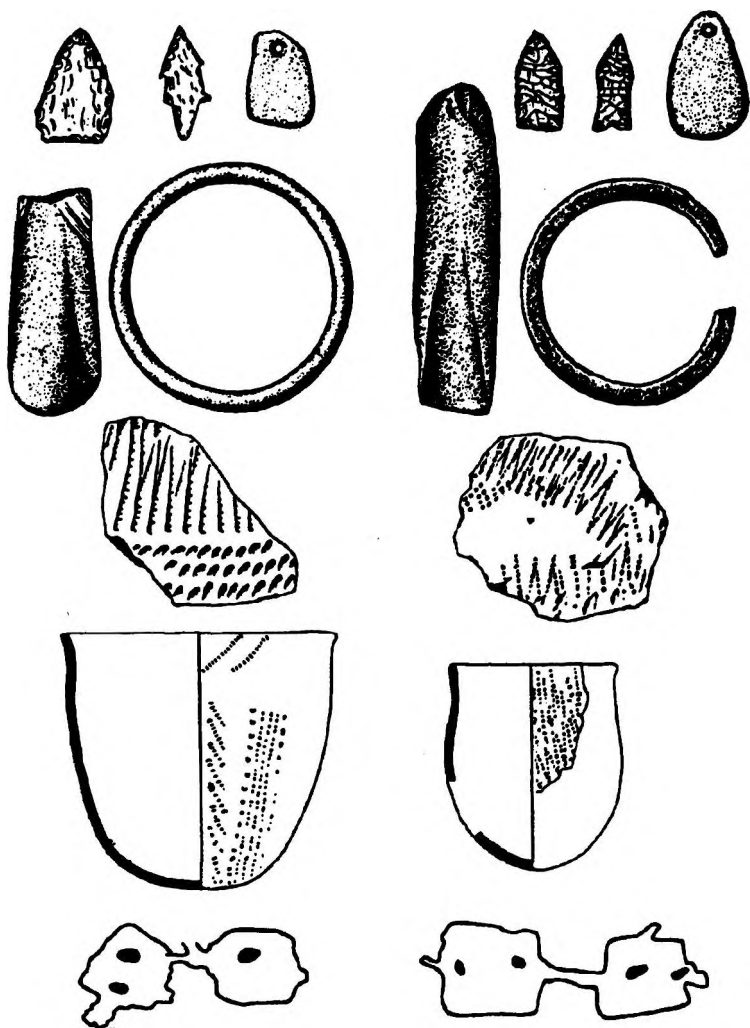

Рис. 10. Элементы культуры, характерные для волосовских стоянок в Волго-Окском бассейне и гаринских – в Прикамье. Кремневые наконечники стрел, шлифованные каменные желобчатые долота, подвески и кольца, глиняные сосуды, планы землянок

Главное отличие ее от более ранней льяловской культуры в характере глиняной посуды. У волосовцев горшки были не только яйцевидные, круглодонные, но и плоскодонные. Стенки их как правило толще, чем у сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, из-за добавок к глине толченых ракушек и растительных примесей. Узоров из глубоких “белемнитных” ямок совсем нет. Редко употреблялись оттиски прямого короткого штампа с зубчиками. Чаще всего орнамент состоял из разных сочетаний оттисков двойного “рамчатого” штампа и гребенчатого штампа, перемещавшегося рукой мастера по поверхности сосуда так, что этот узор называют “шагающей гребенкой”.

И другие элементы культуры в поселениях волосовского типа иные, чем у стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой. Это касается и каменных орудий, и жилищ, и кладбищ. Среди первых своеобразны, например, сплошь отшлифованные желобчатые долота. Жилища полуземляночные, но в ряде случаев не круглые, а прямоугольные в плане. Иногда котлованы землянок имеют выходы или соединены переходами. На Оке такие жилища изучены на стоянках Ибердус II, Панфилове, Володары, в Ивановской области в Сахтыше I, II, VII и VIII. В Подборице-Щербининской стоянке отмечены и остатки наземного жилища. (Любопытно, что землянки с переходами строили и ранние славяне. Исследовавший эти сооружения на Боршевском городище на Среднем Дону П.Н. Третьяков видел в них объяснение странных слов византийского автора VII в. Псевдомаврикия в его книге “Стратегикон” о славянах, живущих в домах со многими входами.)

Волосовские могильники отличаются от более ранних тем, что захоронений здесь очень много. Покойники лежат вытянуто без сопровождающих сосудов и с небольшим числом вещей. Наиболее интересны могильники в Кончанском (не менее 200 могил) и в Репище (180) около Бологого в Новгородской области. Много могил выявлено на площади Сахтышских и Языковской стоянок на Верхней Волге.

Для волосовских слоев сахтышских стоянок получены даты от 2620 до 2370 лет до н.э. Близкие цифры и у других стоянок того же типа: Модлона – от 2870 до 1880 лет до

н.э., само Волосово – 2520. Таким образом, культура волосовского облика распространилась в лесной зоне еще в III тысячелетии, хотя основная масса стоянок моложе – II тысячелетия до н.э. На нескольких стоянках найдены металлические вещи: плоские топоры – тесла, ножи, шилья, украшения. Сделаны они из чистой меди без примесей олова или мышьяка, а по своим типам относятся к изделиям, характерным уже для II тысячелетия до н.э. Металлообработка шла на месте. Встречаются капли меди, льячки – глиняные ложки для заливки расплавленного металла в формы для литья. Некоторые предметы явно западного происхождения (украшения из Владычинской стоянки), другие, напротив, тяготеют к восточным районам (Подборице-Щербининская стоянка на Оке). Происхождение металла может быть как западным (от фатьяновской культуры – о ней ниже), так и восточным – приуральским.

Не раз обсуждался вопрос, было ли у волосовцев производящее хозяйство. По-видимому, нет. На стоянках находят кости только диких животных – лося, медведя, косули, зайца, благородного и северного оленя. Сообщения о костях домашней свиньи не надежны. Они происходят из нарушенных слоев с разновременными остатками. На волосовских стоянках много костей рыб и птиц, встречаются прослой рыбы чешуи, костяные гарпуны.

Волосовская культура имеет обширный ареал. Она занимает Нижнюю и Среднюю Оку (в Ивановской, Владимирской, Московской и Ярославской областях), Верхнюю Волгу, Низовья Камы, Среднее Поволжье.

Каково же происхождение этой культуры? Мнения археологов разделились. Очень популярна идея о приходе волосовцев на Оку с востока, из Прикамья. За это говорит, как будто, то, что в Прикамье подпрямоугольные, а не круглые в плане землянки известны еще с мезолита, а посуда там была всегда покрыта гребенчатым орнаментом без применения ямок. Археологов привлекли, однако, не столько эти частные обстоятельства, сколько возможность увязать материалы раскопок с построениями лингвистов о происхождении финно-угров.

Уже в XVIII в. было установлено, что языки финской группы: собственно финский, карельский, ижорский,

вепсский, марийский, мордовский (эрьзя и мокша), коми (зырянский и пермяцкий), удмуртский и языки угорские – обитающих ныне в Приобье хантов и манси, а также венгерский – родственны между собой. Была выдвинута гипотеза, согласно которой древнейшие финно-угры (с единым, не распавшимся еще на отдельные группы языком) обитали первоначально в Сибири, а потом расселились оттуда на запад. Именно эта теория породила предположения археологов, рассмотренные в разделе о мезолите, о приходе в Европейскую Россию значительных групп населения из Зауралья и Сибири.

В XX в. область распространения ранних финно-угров лингвисты стали связывать уже не с Сибирью, а с районами к западу от Урала и относить время существования такой общности к III тысячелетию до н.э. Исходя из этого, О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, П.Н. и В.П. Третьяковы говорили, что волосовцы, пришедшие на Русскую равнину из Приуралья, и есть древнейшие финны. В таком случае предшествовавшая волосовской культуре ямочно-гребенчатой керамики не финноязычная, а какая-то иная⁴. Есть и противоположное мнение: финноязычной была именно культура ямочно-гребенчатой керамики, а волосовская развилась из нее на месте.

Д.А. Крайнов не видит сходства ямочно-гребенчатой керамики с волосовской и выводит последнюю из самой ранней неолитической культуры – верхневолжской. Известное сходство в орнаментации посуды этих двух культур действительно есть. Но опираясь только на это, надо объяснить, откуда же взялось и куда девалось в таком случае население, использовавшее собственно ямочно-гребенчатую керамику. Д.А. Крайнов считает, что льяловская культура с ямочно-гребенчатой керамикой в Волго-Окском бассейне пришла. Она распространилась сюда с Севера, из Карелии, а потом растворилась в среде местных племен – верхневолжской культуры, постепенно преобразовывавшейся в волосовскую. Но по датировкам стоянок и характеру находок на них ясно, что окские льяловские поселения древнее карельских. Сами же стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой образуют гораздо более мощный пласт, чем верхневолжские.

Очень заманчиво вести, если не самую волосовскую культуру, то по крайней мере некоторые ее компоненты, не с востока, а с запада. В пользу этого говорят три обстоятельства.

Во-первых, в волосовских стоянках и могилах найдено много янтарных украшений, а янтарь распространен только в Прибалтике. В III–II тысячелетиях до н.э. такие украшения были в большой моде и поставлялись из Прибалтики во многие районы Европы. Янтарные украшения обнаружены при раскопках в Норвегии, Финляндии, Англии, Германии, в Северной Франции – в Бретани и даже в памятниках крито-микенской культуры. Там эти украшения носили в XVI в. до н.э. В поселениях и могильниках волосовской культуры янтарь встречен многократно: в Сахтыше I, III и VIII, Иловце, Модлоне, на Белом озере, в Володарах, Репище, Языкове и Майданской стоянке. Особенно много янтарных украшений находят в могилах, в Кончанском на некоторых костяках лежало до 400 янтарных бус, нашитых некогда на одежду.

Во-вторых, в тех областях, откуда янтарь поступал в окрестные земли, известны стоянки с посудой, похожей на волосовскую. Это так называемая пористая керамика, свойственная стоянкам Латвии: Сарнате, Пиестиня, Абора и другим.

В третьих, на черепках из могил в Сахтыше ясно видны черты, присущие древнему населению Европы, тогда как монголоидных признаков, которые должны были бы быть у пришельцев из Приуралья, меньше, чем на черепках льяловской культуры⁵. На востоке лесной зоны Европейской России неолитические могильники редки. Черепка из таких могильников в Татарстане не похожи на волосовские, а близки к тем, что известны в культурах степного круга, таких, как в могильнике Съезжее в Самарской области.

Предположение о том, что волосовская культура сложилась в Европейской России скорее под влиянием западных, чем восточных областей (его пытается обосновать сейчас В.В. Сидоров) нуждается, конечно, в детальной аргументации. Но приведенные выше наблюдения сбрасывать со счета никак нельзя.

Во II тысячелетии до н.э. волосовская культура развивалась во взаимодействии с другими, безусловно, пришедшими извне культурами, вроде фатьяновской. В конце этого тысячелетия по лесной полосе распространился новый тип глиняной посуды – с текстильными отпечатками на поверхности. Такая посуда дожила до начала железного века. Об этих типах памятников будет речь в разделе о бронзовом веке лесной зоны.

Для неолита Северной и Центральной России характерно развитие изобразительного искусства. Памятники его, и монументальные и малых форм, выполнены в реалистической манере, что позволяет говорить о сохранении здесь традиций, восходящих к позднему палеолиту и мезолиту.

В Карелии, на восточном берегу Онежского озера и на реке Выг в Беломорье, известны выбитые в граните неолитические гравировки. На них мы видим силуэтные фигуры людей, птиц (в основном водоплавающих) и зверей (лоси, олени, белухи), иногда образующие сложные композиции⁶.

На стоянках нередко встречаются небольшие скульптуры людей и животных, чаще из кости и камня, реже из глины. Кремневые фигурки сделаны с помощью тонкой отжимной ретуши, подобно наконечникам стрел, и отличаются большим изяществом. Их принято связывать с волосовской культурой. В торфяниках находят и деревянную посуду с головами птиц и зверей на рукоятях (Усвяты, Модлона, Сахтыш). На глиняных сосудах изображения редки: иногда схематично показаны фигуры плывущих уток, в единичных случаях – люди. Некоторые образы в скульптуре, наскальных гравировках и изображениях на сосудах совпадают⁷. Это свидетельствует о том, что перед нами не вольные фантазии художников, а устоявшиеся канонические образы, персонажи древних мифов.

Петроглифы Карелии позволяют судить о жизни неолитического человека с большей полнотой, чем материалы раскопок. Достаточно сослаться на две композиции в урочище Залавруга на Беломорье. На одной – показана зимняя охота на лосей. Охотники с луками в руках преследуют зверей на лыжах по холмистой местности. На дру-

Рис. 11. Наскальные изображения Карелии. Сцена морской охоты, выбитая в гранитном берегу р. Выг в урочище Залавруга под Беломорском

гой – запечатлена сцена морского промысла. В большом карбасе сидит много людей с веслами в руках. Гарпунер, стоя на носу, метко бросил смертоносное орудие, и раненая белуха обречена.

В целом же мы имеем дело не с бытовыми сценами, а с отражением древней мифологии. Среди фигур людей и животных на Онежском озере, как и на палеолитических рисунках, помещено много знаков в виде полумесяца или круга с отходящими в сторону лучами. Это, скорее всего, изображения солнца и луны. Силуэты длинных лодок с сидящими в них рядами пловцов вызывают в памяти финские руны, вошедшие в “Калевалу”, об изготовлении лодок, рассчитанных на сто гребцов. В “Калевале” мы найдем и другие сюжеты, знакомые нам по петроглифам: повествование об охоте лыжников на лосей, рассказ о кузнеце, сделавшем месяц из серебра и солнце из золота, упоминания о волшебных утках и лебедях⁸.

На Онежском озере на скалах часто выбивали профильные фигуры уток, гусей и лебедей. Это не изображения реальных птиц – желанной добычи охотника. На их телах обозначены какие-то дуги, а рядом расположены другие знаки. Одна из композиций на острове Гурий находит соответствие в распространенном по Старому свету фольклорном сюжете: мир создан из яйца, снесенного волшебным гусем посреди водного пространства.

Предприняты небезуспешные попытки расшифровать и другие онежские композиции с помощью саамского (лопарского) фольклора⁹. Но и русские сказки могут нам что-то объяснить. В сказках “Баба яга и жихарь”, “Иванушка и ведьма”, “Гуси-лебеди” фигурируют волшебные помощники гуси-лебеди, выручающие героя в трудную минуту. Любопытно, что герой этот всегда рыбак, как и неолитические обитатели берегов Онежского озера и создатели петроглифов¹⁰.

На двух глиняных сосудах – из Перыни под Новгородом Великим и из стоянки Юревичи III в Белоруссии, а, как будто, и на петроглифах мыса Кладовец на Онежском озере повторяются фризы с аналогичными композициями; ряд плывущих уток, а между ними какое-то человекоподобное существо с рожками. В балто-славянском

фольклоре есть подходящий персонаж – Анчутка, связанный с утками и болотной стихией¹¹.

Лунницы, впервые появившиеся в неолите, были распространены в лесной зоне вплоть до эпохи средневековья. В неолите не только выбивали полумесяцы на скалах, но и делали лунницы из кремня. Позднее их стали изготавливать из меди. В XI–XII веках н.э. амулеты-лунницы были частью древнерусского костюма. Православную церковь это беспокоило. Митрополит Фотий писал в XIV в.: “Будь проклят тот, кто целует месяц”¹².

С неолитическими жилищами связано явление, получившее у этнографов название “строительной жертвы”. Перед постройкой дома в его фундамент закладывали или туши убитых животных или сосуды с пищей. Этот обряд сохранился в русских деревнях до XIX в. и зафиксирован при раскопках древнерусских жилищ, в частности в Новгороде Великом. Возник же этот обряд еще в неолите. В двух окских стоянках Ибердус I и II при входе в землянки были обнаружены зарытые черепа, в одном случае – лосенка, в другом – собаки¹³.

Как видим, неолит лесной зоны Европейской России оставил богатое культурное наследие, хотя здесь и не было производящего хозяйства. Обилие дичи и рыбы в лесной полосе позволяло местному населению существовать вполне безбедно, оставаясь охотниками и рыболовами, на протяжении и IV и III тысячелетий до н.э. Попыток овладеть более передовыми формами хозяйства не заметно. Неолитические стоянки и могильники не дают никаких указаний на сколько-нибудь значительное влияние южных, западных или восточных археологических культур на территорию Волго-Окского бассейна, Карелии и Северо-Востока Европейской России.

Ситуация изменилась во II тысячелетии до н.э.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В разделе о неолите Юга России мы констатировали, что в эту эпоху там уже появились навыки разведения домашнего скота и обработки земли, но в большинстве районов – только навыки. Традиционные формы присваивающего хозяйства – охота, рыболовство, собирательство – почти повсюду сохраняли определяющее значение. Картина коренным образом изменилась в эпоху бронзы. Это уже время сложившегося производящего хозяйства и в горных районах Кавказа, и в степной, и в лесостепной полосе.

Как уже говорилось, в VI–IV тысячелетиях до н.э. в пределах Грузии и Азербайджана была распространена археологическая культура типа Шому-тепе, Шулавери. Она известна по раскопкам поселений с глинобитными жилищами. На позднем этапе своего развития эта культура проникла и в горный Дагестан. К памятникам ее близки широко раскопанное поселение Гинчи и несколько других менее полно исследованных, видимо, временных стоянок (вроде Ругуджинских).

На поселении Гинчи, занимающем скальный мыс, отделенный от плато каменной стеной, найдены зернотерки, кремневые вкладыши для серпов с характерной залощенностью от длительной работы по срезанию злаков. Есть и костяные рукояти для составных серпов того же типа, что и в Шому-тепе, с таким расположением вкладышей, когда рабочий край получается зубчатым.

Костные остатки из Гинчи принадлежат в основном домашним животным. При этом костей мелкого рогатого скота во много раз больше, чем костей крупного: овцы и козы – 86%, а быка – всего 10–14%, свиньи же совсем мало – 1,5%.

Металлические изделия при раскопках не обнаружены, но, вероятно, они уже были. В наиболее схожем с Гинчи азербайджанском поселении Кюль-тепе в соответствующих слоях они представлены.

Поселения типа Гинчи – V, а скорее IV тысячелетия до н.э. – сменились поселениями так называемой куро-араксской культуры. Эта культура начала бронзового века хорошо изучена при раскопках многочисленных поселений в Армении, Азербайджане и Восточной Грузии, а также и за пределами СНГ (поселения кирбет-киракского типа в Турции). Дата их – III тысячелетие до н.э.

В Дагестане поселения этой культуры выявлены не только в горных (Мекеги, Галгалатли, Чиркей, расположенное в 2700 м над уровнем моря, как неолитическое Чохское поселение), но и в прикаспийских районах (Мамайкутан, Великент). И здесь немало земледельческих орудий. И здесь костные остатки принадлежат почти исключительно домашним животным. Но с памятниками этого круга связаны и нередкие находки металлических изделий: топоров со втулкой, ножей, вилообразных орудий, подвесок, браслетов. Все они не из чистой меди, а из меди с примесью мышьяка, характерной для начала бронзового века на Кавказе.

Глиняная посуда куро-араксской культуры имеет плоские днища, раздутую верхнюю часть, несколько суженное горло, а стенки ее покрыты лощением. Орнамент применялся мало, изредка встречаются налепные валики. Как и в Гинчи, есть сосуды с ручками, чего не было в неолите и что в целом мало характерно для керамики бронзового века. Сосуды куро-араксского типа не спутаешь с другими. Поэтому, когда их находят в курганах Ставрополя, можно говорить о проникновении в степную полосу групп населения с Северо-Востока Кавказа.

Некоторые поселения в приморской части Дагестана принадлежат к типу “жилых холмов”, возникших в результате разрушения глинобитных построек при длительном обитании на одном месте. Начали использовать для строительства и камень. На ряде поселений раскопаны остатки круглых в плане жилищ, преобладавших в это время в Закавказье и Передней Азии. У таких жи-

лищ была плоская крыша и центральный столб, поддерживавший кровлю. Фундамент и нижняя часть стен – каменные, верхняя, – вероятно, глинобитная с использованием дерева и циновок. На поселении Сигитми конца III – начала II тысячелетия до н.э. раскопаны остатки прямоугольных построек, более обычных для Кавказа в позднейшее время.

Судя по всему, обитатели этих поселков были земледельцами и скотоводами. Хозяйство яйлажного типа, распространенное на Кавказе и сейчас, с перегонами стад за десятки и сотни километров в высокогорье, у них вряд ли сложилось. Но отгон овец и коз на соседние горные пастбища, вероятно, уже существовал. Мелкие стоянки эпохи бронзы в горах Дагестана – это скорее всего, следы временных остановок пастухов. Заметим, что на стоянках этого времени впервые появились кости лошади. С необходимостью охраны стад связаны каменные стены поселений – древнейшие крепости на нашем юге.

Некоторые исследователи считают, что в Дагестане уже в раннем бронзовом веке возникло террасное земледелие. Маленькие поля, расчищенные от камней и расположенные по склонам гор друг над другом, встречаются в Дагестане достаточно часто. Но время их использования твердо не установлено.

Могилы людей изредка находят на площади самих поселений. Особых кладбищ, размещенных где-то в стороне, ни для шому-тепинской, ни для куро-араксской культуры мы не знаем. Могилы иногда обложены камнем¹.

Культура развитого бронзового века – II тысячелетия до н.э. – на Северо-востоке Кавказа во многом иная, чем в начале этого периода. Влияние южных областей здесь чувствуется гораздо слабее. Зато заметны черты культуры, свойственные населению северных степных районов. Характерные для степной полосы Евразии надмогильные насыпи – курганы – многочисленны по всей плоскостной части Дагестана и заходят в прикаспийскую его часть. В горах курганов нет, но во II тысячелетии до н.э. и там появились обособленные от поселений могильники без признаков на поверхности или с каменными погребальными сооружениями.

В это время сложился своеобразный тип поселков, существующий на Кавказе до сего дня. Дома строят на склонах горы, так, что крыша одного дома служит двором для другого. Древнейшее поселение этого вида раскопано неподалеку от аварского аула Гуниб. На косогоре с уклоном 35–45°, на высоте 2356 м над уровнем моря стоял поселок с прямоугольными каменными саклями, построенными уступами на разных уровнях. Разводили здесь в основном коз. Для мелкого рогатого скота как раз и нужны альпийские пастбища, окружающие это горное гнездо – последнее прибежище Шамиля. В середине бронзового века племена Северо-Восточного Кавказа становятся скорее скотоводческими, чем земледельческими.

На смену этому этапу в развитии культуры пришли памятники нового типа, так называемые каякентско-харачоевские (могильники Каякент – в Дагестане, Харачой – в Чечне). Они относятся к концу II – началу I тысячелетия до н.э., завершают развитие бронзового века и лежат в основе культур раннего железного века на Северо-Востоке Кавказа².

Металлические изделия и на поселениях, и в могильниках II тысячелетия до н.э. многочисленны. Формы их выработаны на месте и отличаются от переднеазиатских. Богатый медью Кавказ стал самостоятельным очагом и добычи и обработки металла и служил центром для распространения изготовленной здесь продукции на большие расстояния, прежде всего – в северные степные районы.

На Северо-западе Кавказа древняя культура имела иной облик. Еще в 1897 г. Н.И. Веселовский раскопал большой, высотой свыше 10 м, курган в городе Майкопе на притоке Кубани реке Белой. Там в обширной могильной яме были обнаружены три скелета в скорченной позе, сопровождавшиеся богатейшим набором вещей. Один из скелетов был усыпан золотыми бляшками в виде львов (65 штук), быков (10), золотыми кольцами (38) и бусами. Тут же были найдены два золотых и четырнадцать серебряных сосудов (два из них с изображениями) и шесть длинных серебряных трубок с надетыми на них золотыми и серебряными фигурками быков, золотые ленты, розетки, бусы из полудрагоценных кам-

Рис. 12. Находки в Майкопском кургане

ней. Рядом лежали бронзовые и каменные орудия, сосуды из глины и листовая медь.

В курганах бронзового века столь богатые захоронения никогда не встречались. По обилию художественных вещей Майкопский курган напоминает могилы скифских царей и первоначально был отнесен к периоду, непосред-

ственно предшествовавшему скифскому. Но уже в 1920-х годах выдающийся русский археолог М.И. Ростовцев отметил, что все аналогии художественным изделиям Майкопа ведут на древний Восток и при этом к памятникам очень ранним – IV тысячелетия до н.э. Показательны и находки в могиле каменных и очень архаичных по типу медных орудий. По аналогии с древностями Передней Азии удалось реконструировать помещенный в могилу парадный балдахин. Опорой его были серебряные трубки. Руки несущих опирались на надетые на трубки фигурки, а на полотнище были нашиты бляшки в виде розеток, львов и быков. Рисунок, нанесенный гравировкой на один из серебряных сосудов, отражает характерные для древнего Востока представления о “трех царствах естества”. Анализ бус показал, что они сделаны из бадахшанского лазурита, анатолийской морской пенки и иранской бирюзы.

Все вместе взятое свидетельствует о том, что в IV тысячелетии до н.э. в Прикубанье обитали племена, тесно связанные с южными переднеазиатскими районами и достигшие в своем развитии весьма высокого уровня.

Майкопский курган не единичное явление. Важны и раскопки несколько более поздних, но близких по культуре курганов у станицы Новосвободной (Царской) на притоке Белой реке Фарс и сравнительно недавние раскопки кургана в Нальчике. В этом кургане, высотой 10 м и диаметром более 100 м, было захоронение в каменном сооружении, площадью 3,13 × 2,34 м, высотой 1,1 м, составленном по периметру из 24 вкопанных вертикально плит, перекрытых другими плитами, образующими плоский свод. Пол усыпан галькой. Внутри сооружения находился шатер из жердей, обернутых золотой лентой, – скромный вариант майкопского балдахина. В склепе похоронили двух человек. На черепе одного из них – два золотых височных кольца. Скорее всего это останки женщины. Около костяков лежали медные кинжалы, топоры, долото, тесло, шило с рукоятью, котел из листовой меди, кремневый наконечник дротика, несколько кремневых пластин. По дну могилы рассыпаны 263 золотых бусины. Свернутая жгутом золотая лента служила, вероятно, оберткой деревянного посоха.

Рассчитано, что насыпь кургана равна 23–25 000 м³. Для того, чтобы ее соорудить, требовалось, если исходить из норм, принятых в древнем Шумере, 7500 человеко-дней. Несомненно, такие огромные насыпи, как в Майкопе и Нальчике, не могли быть делом рук только ближайших родичей погребенных. Это результат труда большого коллектива, находившегося, видимо, в подчиненном положении по отношению к тем, кто похоронен в курганах, – вождям, может быть, жрецам. У этих людей скапливались значительные богатства. Об этом говорят не только находки в Майкопе, Новосвободной и Нальчике, но и клад, обнаруженный к северу от Краснодара в станице Старомышастовской. В серебряном сосуде с крышкой лежали 2500 золотых и серебряных бус, 400 бусин из сердолика и лазурита, три золотые розетки, серебряная фигурка быка и золотая головка какого-то хищного зверя, выполненные в стиле, близком к майкопскому.

С другой стороны, мы знаем захоронения в кубанских курганах с такими же глиняными сосудами, как в Майкопе и Новосвободной, но не содержащие сколько-нибудь ценных изделий. Так, в кургане у станицы Тбилисской найден скелет с одним только глиняным сосудом, а в кургане у станицы Казанской – могила всего с двумя горшками. Известны и захоронения совсем без вещей, но, безусловно, того же времени, что и в Майкопе и Новосвободной, о чем свидетельствует тождество погребального обряда, например у той же Тбилисской и Армавира. Эти наблюдения позволяют говорить, что в IV–III тысячелетиях до н.э. на Северо-западе Кавказа обитали племена, у которых общество было уже весьма неоднородно. Помимо людей привилегированных существовали и рядовые общинники.

Пятьдесят лет спустя после раскопок Майкопского и Новосвободненских курганов удалось открыть серию древних поселений с близкими к майкопской и новосвободненской глиняной посудой и каменными орудиями. Исследователи расценили эти памятники как поселки тех же людей, что похоронены в курганах майкопского типа. Сейчас кое-кто оспаривает этот вывод, считая поселения более ранними, домайкопскими. Но сходство налицо, и

при любом варианте решения вопроса надо рассматривать два типа памятников как взаимосвязанные, хотя вполне допустимо, что некоторые стоянки древнее, чем какие-то из курганов.

Курганы майкопской археологической культуры с находками типа Майкопа (IV тысячелетие до н.э.) и Новосвободной (III тысячелетия до н.э.) выявлены по всему Северо-западному Кавказу от берегов Черного моря до Чечни. На территорию Дагестана эта культура уже не распространялась. Больше всего курганов майкопской культуры в Краснодарском и Ставропольском краях, частью на северном склоне Кавказского хребта, частью в примыкающей к нему степи. На Ставрополье есть в курганах и могилы с посудой куро-аракского типа. Граница двух массивов древних культур проходила где-то здесь.

Поселения изучены в основном в верховьях реки Белой, но известны и на Черноморском побережье, как в российской его части (Мысхако у Новороссийска, Воронцовская пещера близ Адлера), так и в Западной Грузии, а также в степном Прикубанье (Свободное у Красногвардейска) и в районе Кавказских минеральных вод. На Сержень-юртовском поселении в Чечне в типах вещей, прежде всего глиняной посуды, заметно смешение особенностей, свойственных как майкопской, так и куро-аракской культуре.

Наиболее полно изучено поселение Мешоко к югу от Майкопа. Оно располагалось на скальном мысу, отгороженном от плато стеной, сложенной из рваного камня. Отмечено, что культурный слой мощнее всего у стены, а по направлению к концу мыса он постепенно утоньшается. Видимо, там содержали домашний скот, а жилища размещались у самой стены. Такая планировка характерна для поселений скотоводов (вроде краалей у зулусов в Африке).

В Мешоко и других сходных стоянках найдено много каменных орудий и сравнительно мало медных изделий, но это отличие состава находок в жилых и погребальных комплексах обычно, типы же вещей и там, и тут одинаковы. Сломанные и сработанные каменные орудия выбрасывали. Металлические – шли в переплавку. Поэтому их и мало.

Земледельческих орудий в коллекциях из раскопок немного, хотя есть и зернотерки, и песты для растирания, и кремневые вкладыши для серпов. Состав стада у обитателей поселения Мешоко совсем иной, чем в Гинчи: свинья – 52,4%, крупный рогатый скот – 28,4%, мелкий рогатый скот – 17,6%. Костей диких животных – благородного оленя, кабана, косули – совсем немного.

Примерно та же картина на других поселениях. В хуторе Веселый прослежен ров, на Ясеновой поляне – каменная стена на длину 15 м, в Свободном – ров, глубиной 4,5 м и земляной вал. По краям, у вала, культурный слой здесь всего толще, а в центре поселения – гораздо тоньше. В Свободном состав стада иной, чем в предгорьях. Мелкого рогатого скота тут заметно больше, чем крупного. Возможно, сказывались природные условия, близость к степной зоне. Но не исключено, что это признак более позднего возраста. Давно установлено, что к середине бронзового века состав стада изменился: мелкий рогатый скот вышел на первое место. Костей лошади ни в Мешоко, ни в Ясеновой поляне, ни в Свободном нет.

Как видим, основы хозяйства майкопской культуры и культуры куро-араксского типа в Дагестане были разными. Майкопское общество скорее скотоводческое, чем земледельческое. Но скотоводы эти не кочевники. Никаких перекочевок, даже на небольшие расстояния, со стадом, состоящих в основном из свиней и коров, предпринять нельзя.

Майкопский курган, казалось бы, предвещал быстрое развитие того общества, с каким он был связан, по пути к сложению военной деспотии восточного типа. Но этого не произошло. Развитие социального строя в Прикубанье в середине бронзового века затормозилось. Только ранние скифские курганы I тысячелетия до н.э., вроде Келермеса, Ульского аула, оказываются схожими по богатству находок и высоте насыпей с Майкопским и Нальчикским курганами³.

Прямой наследницей майкопской культуры была, по-видимому, культура строителей дольменов на Северо-Западе Кавказа. Бретонское слово “дольмен” применяется к особому типу погребальных сооружений в виде доми-

Рис. 13. Вид дольмена – погребального сооружения, характерного для бронзового века в Прикубанье и Причерноморье

ков из четырех поставленных на ребро плит, перекрытых пятой. Плиты плотно подогнаны друг к другу благодаря выдолбленным в них пазам, так что это не неустойчивый “карточный домик”, а прочная конструкция. В передней плите дольмена пробито круглое отверстие. Через него вносили в склеп тела умерших и ставили внутрь жертвенную пищу. Судя по костным остаткам, дольмены были не индивидуальными, а коллективными (вероятно, семейными) усыпальницами. Располагаются они группами, рядами, как дома в деревне. Высота гробниц – 1,5–2,5 м.

Уже в майкопское время в конце III тысячелетия до н.э., как показали раскопки в Новосвободной, появились первые подкурганые захоронения в дольменах. Основная же масса дольменов с курганами не связана и относится уже к первой половине II тысячелетия до н.э.

Дольменов больше всего в Прикубанье: у станиц Даховской, Каменноостской, у Гузерипля, на реке Кизинке и т.д. и на Черноморском побережье, как в районе Туапсе, Новороссийска, так и на территории Абхазии (Эшери).

Погребальные сооружения типа дольменов распространены во многих приморских странах Европы и Азии. Хотя еще в майкопское время обитатели Северо-Западного Кавказа освоили технику обработки камня, выламывания больших плит и их отески, все же сама идея сложной погребальной конструкции дольмена, скорее всего, была заимствована извне. В Малой Азии и в Двуречье дольменов нет. Видимо, в середине бронзового века направление связей племен Западного Кавказа изменилось. Идея дольмена пришла сюда не с юга, а с запада. Некоторые типы глиняных сосудов из Новосвободной также указывают на это направление связей⁴.

Дольмены сосредоточены в предгорьях и дожили здесь до 1400–1300 гг. до н.э. Степную полосу Прикубанья, и Ставрополя во II тысячелетии до н.э. занимали культуры, близкие к тем, что распространены были тогда в Нижнем Подонье и на Левобережье Украины. Вместо дольменов здесь сооружали курганы, а глиняная посуда часто имела характерный для степей орнамент из оттисков шнура. Памятники этого типа относят к особой северокавказской археологической культуре. Некоторые чер-

ты предшествовавшей майкопской культуры здесь еще сохранялись, но основной компонент иной – степной северопричерноморский. Посуда тут всегда плоскодонная, встречаются своеобразные костяные булавки в виде молоточков, обычные для курганов Поднепровья, Приазовья. Много бронзовых изделий; кинжалов, втульчатых копий, проушных топоров, украшений.

Поселения, соответствующие этим курганам, известны плохо. Зато на Северо-Западе Кавказа обнаружено немало кладов бронзовых предметов. Это продукция местных ремесленников, спрятавших свое достояние при каких-то острых ситуациях. В кладах у Привольного в Ставропольском крае, Подкумском, из Есентуков и других найдены бронзовые топоры, копья, серпы. Типы этих изделий свидетельствуют о том, что во II тысячелетии до н.э. в Прикубанье (где есть месторождения меди) сложился свой самостоятельный очаг металлообработки, выработались свои специфические для этого района типы орудий и украшений. Топоры уже не плоские, а со втулкой и поперечным лезвием, так называемые, кельты, или проушные, так называемые вислообушные. Кинжалы с четко выделенными рукоятями. Копья не плоские, а со втулками и иногда с двумя симметричными прорезями на пере⁵. Металлообработка достигла высокого уровня. Использовали каменные литейные формы, рассчитанные надолго. Существовала и другая техника, называемая “с утратой восковой модели”. Из воска вылепливали, скажем, модель топора, заключали ее в глину, а потом через оставленные отверстия вливали внутрь расплавленный металл. Глиняную обкладку разбивали и получали медное изделие. В майкопское время эти приемы еще не были освоены. Типы орудий из Майкопа и Новосвободной такие же, как в Закавказье и в Передней Азии.

Продукция прикубанских литейщиков поступала к обитателям степей Левобережной Украины, Подонья, Нижнего Поволжья, чем и объясняется близость материальной культуры бронзового века в этих районах.

Дольменную и северокавказскую археологические культуры на Северо-Западе и в центральной части Кавка-

за на грани II и I тысячелетий до н.э. сменила кобанская культура (от могильника у аула Кобан в Северной Осетии). До Дагестана она не доходит. Там одновременно с ней развивалась каякентско-харачоевская культура.

Кобанская культура известна прежде всего своими металлическими изделиями – изящно сделанными топорами, кинжалами, копьями, браслетами. Некоторые из них покрыты гравированными изображениями животных, реальных и фантастических: оленей, собак, змей, лягушек. Это, должно быть, персонажи каких-то мифов. Встречаются и литые фигурки людей и животных, иногда образующие сложные композиции. Металлообработка сделала новый шаг вперед.

Возникла кобанская культура в XII веке до н.э., просуществовала же до IV в. до н.э. Поздние кобанские могильники относятся уже к началу железного века, к скифской эпохе, но наиболее выразительные памятники связаны с XI–VIII вв. – с финалом бронзового века.

Изучены в основном могильники. Они бескурганые и состоят из захоронений в так называемых каменных ящиках, могил, обставленных по стенкам, а иногда и перекрытых плитами. Из могильников Северной и Южной Осетии, Чечни и Ингушетии и происходят знаменитые кобанские бронзы. Известны и клады металлических изделий – Казбекский, Жемталинский. В них есть не только орудия и украшения, но и образцы художественного литья. Поселения кобанской культуры исследованы меньше. При раскопках Змейского поселения в Северной Осетии и Сержень-юрта в Чечне найдены главным образом кости мелкого и крупного рогатого скота⁷.

Завершая обзор древностей бронзового века на Северном Кавказе, мы должны подчеркнуть, что они явно распадаются на две группы – западную и восточную. Вероятно, это отражает этническую неоднородность населения. На востоке формировались нахско-дагестанские, а на западе адыго-абхазские языки. Лингвисты утверждают, что эти большие языковые общности сложились в V–IV тысячелетиях до н.э. Словарный состав указывает на то, что это происходило в эпоху знакомства с земледелием и скотоводством.

Русские крестьяне в лесной полосе воспринимают археологические памятники как остатки древнего дославянского населения этих мест – чуди, чудаков, чужаков. Не так на Кавказе. Тут памятники старины часто расценивают как что-то свое, принадлежавшее непосредственным предкам. Адыгейцы приносили к дольменам жертвенную пищу еще в 1930-х годах. Согласно адыгейской легенде, дольмены построены жившими когда-то в горах великанами для карликов, обитавших в пещерах. Слабосильные, но хитрые карлики заставили работать на себя могучих, но простоватых исполинов. В пещерах Северо-Запада Кавказа не раз отмечали как культурные слои II тысячелетия до н.э., так и погребения того же времени. О дольменах мы знаем мало, поскольку содержимое их издавна привлекало грабителей. Вещи отсюда часто унесены, захоронения нарушены. Все же в ряде случаев можно утверждать, что в гробницы иногда помещали не тела умерших, а кости, принесенные откуда-то со стороны. Существовал, следовательно, хорошо известный по этнографии обряд “вторичного погребения”. Сначала тело умершего помещали где-то на открытом воздухе, а потом, когда оно истлевало, переносили кости в постоянную могилу. Среди глиняных сосудов из дольменов попадаются совсем миниатюрные. Они, скорее всего, предназначались для душ умерших, воспринимавшихся древними как очень маленькие существа. Исходя из всего этого, адыгейскую легенду можно понять и так: маленькие души людей, живших некогда в пещерах, переселились теперь в дольмены⁶.

Достаточно убедительны сопоставления некоторых изображений в художественном литье кобанской культуры с сюжетами нартского эпоса, распространенного у народов Северо-Западного Кавказа. Таково изображение божества, стоящего на рогах оленей из Казбекского клада. Сын богини Афсати, едущий на рогах оленей, фигурирует в эпических сказаниях о нартах, записанных у адыгов, абхазов, осетин. На топорике из Кобанского могильника изображен лучник, борющийся с семьей змеями, – мотив, вошедший в эпос о кавказском Прометее – Амირани.

Археологические памятники Кавказа среди древностей России территориально наиболее близки к памятни-

кам Передней Азии. Там в III тысячелетии до н.э. уже сложились древнейшие государства, города, письменность, литература. Хотя производящее хозяйство и навыки металлообработки были восприняты с юга и племенами Кавказа, все же на такой уровень развития, как в Шумере, Аккаде, Вавилоне, их культура не поднялась.

Выше мы говорили о том, что более позднее, чем в Африке и Юго-Восточной Азии, освоение территории России древнейшими людьми не ведет к выводу об отставании в культурном отношении первых обитателей Кавказа и Русской равнины. Охотники раннего палеолита во всем Старом свете стояли примерно на одном уровне развития. Иное нужно сказать о ситуации, сложившейся после освоения производящего хозяйства, предопределившего расцвет древнейших цивилизаций. Начатки производящего хозяйства появились в Европейской России с запозданием и по сравнению с Передней Азией, и по сравнению с Балканами. С запозданием пришли сюда и навыки металлургии, возникшей на Древнем Востоке в VI тысячелетии до н.э., а местами и раньше. Письменность на нашу территорию вообще не проникла. Началось отставание обитателей Европейской России от населения более южных районов. Оно сказалось даже на Кавказе, в еще большей мере – в степной полосе и особенно сильно в лесной зоне.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Бронзовый век степной и лесостепной зоны Европейской России известен прежде всего по раскопкам курганов. Этим надмогильным холмам несметное множество по всему нашему Югу. Больше всего их на Левобережье Украины (на Правобережье и в Молдавии – только по степному клину вдоль берега Черного моря), в Подонье, Предкавказье и Нижнем Поволжье. Продолжают эту область древние могильники Казахстана и Южной Сибири. Правда, там наряду с земляными насыпями немало и сооружений из камней. На севере курганы доходят по Дону до широты Липецка, а на Волге до Чувашии. В целом эта полоса тянется от Дуная до Великой Китайской стены на 7500 км при ширине с севера на юг от 400 до 600 км.

Раскопки показали, что курганы это не просто кучи земли, наспех набросанные над прахом умерших, а остатки весьма своеобразных и достаточно сложных архитектурных сооружений. Первоначально они были сложены из дерна, нарезанного кирпичами. Применялся и камень. Холм иногда опоясывало кольцо из вкопанных вертикально плит, так называемый кромлех. Шло в дело и дерево. Отмечаются следы истлевших столбов, плахи, облицовка насыпи досками. Воздействие дождей, ветра, распашки все это сгладило.

Курган – памятник, рассчитанный на то, чтобы его было видно издалека, южнорусский эквивалент египетских пирамид и кавказских дольменов.

В ряде мест встречаются и каменные изваяния, стоявшие некогда на вершинах курганов. На Украине таких изваяний эпохи бронзы выявлено более сотни. Есть они и в

Рис. 14. Вид кургана – надмогильной насыпи – характернейшего вида археологических памятников степной полосы России. Александровка Ростовской обл.

Подонье (Араканцево, Ровненки), и в Ставропольском крае (хутор Красный стяг).

Это не объемные скульптуры, а так называемые антропоморфные стелы – плиты камня с намеченной выступом головой и в нескольких случаях с показанными гравировкой или рельефом чертами лица, руками, оружием, булавой или топором, поясами и ожерельями. Близкие аналогии этим фигурам известны в Западной Европе: во Франции, в Румынии и Болгарии. Это важное указание на направление культурных связей бронзового века нашего Юга. Дата стел – III тысячелетие до н.э.

Важно и то, что до этого времени образ человека в монументальном искусстве отсутствовал. Должны были произойти крупные сдвиги в мировоззрении людей для того, чтобы появились первые памятники человеку – курганы и каменные изваяния (даже если статуи изображали богов, все равно им придавали человеческий, а не звериный облик). Позднейшие каменные бабы южнорусских степей – скифские и половецкие – в какой-то мере восходят к далеким прототипам. На некоторых скифских изваяниях так же своеобразно переданы черты лица – в виде буквы Т, показаны пояса и оружие.

Это, конечно не натуралистические детали, а атрибуты, указывающие на место изображенного в обществе. Знаками власти были и булавы и декоративные топоры. Пояс же фигурирует в числе царских атрибутов в скифской легенде, приведенной Геродотом¹. Не исключено, что такое отношение к поясу дожило до средневековой Руси. Ведь из-за того, кому принадлежит “пояс золот на чепех с камением” 3 февраля 1433 г. разгорелся конфликт во дворце московских великих князей². Нередки упоминания поясов и в духовных и договорных княжеских грамотах.

На некоторых каменных изваяниях эпохи бронзы помещены дополнительные фигурки. Анализ их привел к выводу, что это сценки из древних эпических сказаний. Догадка археологов нашла поддержку со стороны филологов-классиков³.

Отдельные ранние курганы возведены над прахом одного человека. Поскольку и насыпи у них значительных

размеров, можно предполагать, что, как и в Майкопе, это могилы вождей или жрецов. В большинстве же случаев могил под одной насыпью много. Иногда они располагаются по какой-то системе, что позволяет видеть здесь семейные усыпальницы, как в дольменах. Чаще могилы одновременны и никак не связаны друг с другом. Вместо того, чтобы возводить новый курган, что было достаточно трудоемко, свежие могильные ямы вырывали в старых насыпях. Так появлялись многочисленные “впускные погребения”. Изучая стратиграфию курганов, удастся выяснить последовательность захоронений разного типа.

В насыпях курганов порою встречаются части определенным образом расчлененных туш быков или лошадей, что находит объяснение в древних текстах Индии и Ирана, выкладки из камней, кострища. Это следы погребальных тризн и жертвоприношений.

В 1901–1903 гг., изучив серию курганов на Левобережье Украины, В.А. Городцов разработал периодизацию памятников бронзового века на нашем Юге, сохранившую значение до сих пор. В основу ее положен тип погребального сооружения. Были выделены ямные, катакомбные и срубные могилы. Ямные – самые ранние. Скелеты лежат в квадратных ямах. Катакомбные – более поздние. Покойников хоронили в погребальных камерах, вырытых подбоем в одной из стенок могильной ямы. В самых поздних могилах бронзового века в ямах заключен сруб из бревен.

Особенности захоронений (поза погребенных, ориентировка костяков по странам света и т.д.), типы глиняных сосудов, орудий и украшений и некоторых других предметов в каждой из этих трех групп погребений разные. Поэтому можно говорить не просто о трех видах погребальных сооружений, а о трех особых археологических культурах: ямной, катакомбной и срубной. Сейчас первую относят к III тысячелетию до н.э., вторую – к первой половине II тысячелетия (в ряде мест она дожила и до третьей четверти этого тысячелетия), а третью – ко второй половине II – началу I тысячелетия до н.э.

Разумеется, изложена лишь схема. В простых ямах часто хоронили покойников и в эпоху распространения ка-

такомб и срубов. Срубы сооружали в могилах далеко не везде. В Северном Причерноморье их иногда заменяли каменными ящиками.

Сейчас, после широких раскопок, в особенности после тех, что проведены на нашем Юге в связи с новостройками в 1960–1980-х годах, в дополнение к трем культурам, выделенным Городцовым, археологи стали выделять и новые группы памятников, вводить новые термины. Появились полтавкинская, кобяковская, кеми-обинская, бондарихинская культуры, культура многоваликовой керамики, новотиторовские, покровские, потаповские, белозерские, сабашиновские памятники и т.д. На всех этих деталях мы останавливаться не будем. Частично речь идет о более мелких подразделениях, хронологических и территориальных, внутри трех основных культур, частично – о локальных вариантах сравнительно узкого территориального охвата. Некоторые нововведения не получили общего признания и остались достоянием их создателей и отдельных школ (воронежская и иванобугорская культуры на Среднем Дону). Важно помнить, что смена ямных памятников катакомбными, а тех в свою очередь – срубными отражает лишь некоторые стороны весьма сложной истории бронзового века на нашем юге. Нужно иметь в виду и то, что помимо курганных кладбищ существовали и бескурганные, не имеющие сейчас никаких признаков на поверхности. Состав погребенных в курганах не соответствует нормальной демографической картине: то почти нет женских скелетов, то крайне мало детских. Видимо, для тех или иных групп населения были особые кладбища. Бескурганные могильники эпохи бронзы выявлены недавно на Среднем Дону и близ Саратова.

Посмотрим на южнорусские курганы более обобщенно. Погребальные сооружения, скрытые под насыпью, рассматривают иногда как воспроизведение жилищ. Дом мертвых якобы во всем был подобен дому живых. Такая определенность не оправдана. Из того, что у некоторых ямных могил было перекрытие в виде шалаша, делали вывод, что люди III тысячелетия до н.э. обитали в таких примитивных постройках. Раскопки поселений показали, что это не так. Перед нами скорее та же конструкция, что

и шалаш из жердей, обмотанных золотыми лентами, в Нальчинском кургане. Нет прямого соответствия жилищам ни у катакомб, ни у дольменов.

Но срубы, безусловно, указывают на навыки жилого строительства из бревен. Некоторые же срубы позволяют заключить, что в лесостепной полосе уже во II тысячелетии до н.э. появились прототипы изб – конструкции из бревен, прочно сцепленных друг с другом и способных поддерживать свод⁴.

Костяки в могилах лежат обычно в скорченном положении и засыпаны охрой – обряд, известный с каменного века. Но по сравнению с этой эпохой стало много больше совместных погребений: мужчины и женщины, женщины с ребенком и т.д. Это могло быть результатом эпидемий, но возможно и насильственное умерщвление жены после смерти мужа, или рабов – после смерти вождя. И то, и другое мы знаем по этнографическим данным и по письменным источникам.

Трупосожжения, свойственные земледельцам (могильники Софиевского типа), в степных курганах не зафиксированы. В могилах никогда не бывает такого набора ценных погребальных даров, как в Майкопском кургане, хотя встречаются захоронения с более и менее богатым инвентарем и совсем без него.

Каменные орудия использовали на протяжении всего бронзового века. Но в катакомбах и срубах находят лишь отдельные кремневые наконечники стрел. При этом в срубной культуре появились и бронзовые втульчатые наконечники. В ямных могилах каменных орудий больше. Это наконечники стрел и копий, ножи и даже такие архаичные типы изделий, как кремневые сегменты (они есть и в Майкопском кургане). Редкая находка – сверленные полированные навершия булав и топоров. Топорики иногда небольшие, сложных фигурных очертаний – скорее парадные, чем боевые. Особенно характерны эти две категории вещей для катакомбной культуры. Вероятно, это атрибуты власти. Столь же редки так называемые скипетры – каменные полированные удлиненные изделия без сверлины, иногда со стилизованным изображением головы животного на конце. Эти изделия связаны с ямной

культурой и предшествовавшим ей временем и тоже могли быть атрибутами власти. Аналогичные предметы обнаружены на Балканах – еще одно указание на западное направление связей степных племен в III тысячелетии до н.э. В головах зверей на скипетрах усматривают изображение лошадей, но это не доказано.

Вещей из бронзы в могилах немного. Металлом дорожили. В ямных могилах это шилья, плоские листовидные ножи, украшения. В катакомбах и срубках изредка находят топоры, плоские и проушные, долота, кинжалы с выделенной рукоятью, наконечники копий, браслеты подвески.

Не так много и костяных изделий. Наиболее выразительные связаны с ямными могилами. Это костяные и роговые булавки в виде молоточка, часто покрытые резным геометрическим орнаментом, пронизки и т.д. Интересны наборы трубочек разной длины, составляющие так называемую флейту Пана (или цевницу, фигурирующую в стихах Пушкина). Костяные флейты с дырочками были еще в позднем палеолите. Есть они в лесном неолите и в Бережновских курганах в Нижнем Поволжье. Но флейты Пана из степных курганов III тысячелетия до н.э., как будто, древнейшие в мире. Они найдены на Украине, в Крыму, на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье (Скатовские курганы)⁵.

Чаще всего в курганах находят глиняные сосуды. В ямной культуре они круглодонные, в катакомбной и срубной – плоскодонные. Узоров на них больше, чем на кавказской керамике, но гораздо меньше, чем на северной ямочно-гребенчатой. Обычно это единственный пояс из геометрических фигур (зигзаги, треугольники, меандры) в верхней части сосуда. На ямные и срубные сосуды орнамент наносили штампом или прочерчиванием, на катакомбные – нередко оттисками шнура. Это указывает на какие-то иные традиции, чем у других культур. Встречаются в катакомбных могилах и своеобразные глиняные “курильницы” – низкие плоские на массивной ножке в виде трех или четырех лепестков с выделенным внутри отделением. Необычные типы посуды в сочетании со свое-

образом погребальных сооружений и некоторыми другими деталями говорят об известной чужеродности катакомбной культуры среди древностей бронзового века нашего юга.

Состав находок в могилах свидетельствует о том, что в эпоху бронзы в степной полосе обитали племена, достигшие достаточно высокого уровня развития. Их общество было уже дифференцированным. Выделились вожди, чьи могилы отмечены знаками власти – скипетрами, булавами, декоративными топориками – и особенно высокими насыпями. Выделились и ремесленники. В кургане у Калиновки Волгоградской области в могиле II тысячелетия до н.э. (полтавкинского типа) обнаружен скелет мужчины с целым набором инструментов металлурга-литейщика. Это каменный пест для дробления руды, две глиняные двустворчатые формы для отливки бронзовых проушных топоров, сланцевая двойная форма для отливки плоских долот или топоров, четыре глиняных сопла и две глиняных льячки. Есть такие же комплексы в других нижневолжских курганах, начиная со времени катакомбной культуры.

Отмечены могилы мастеров-керамистов, где найдены костяные ножи для работы с глиной, штампы для орнаментации посуды, и, может быть, могилы людей, работавших с деревом, содержащие особые тесла. Не вызывают сомнений могилы мастеров, изготовлявших каменные орудия. Тут находят тщательно отобранные желваки кремня и изготовленные из них предметы. В Кузнецовском могильнике в Ростовской области в катакомбной могиле лежали кремневые нуклеусы, ножи, скобели для обработки древков стрел, абразивы для их выравнивания и пять заготовок для наконечников стрел⁶.

Очень важным новым моментом в развитии культуры бронзового века на нашем юге стало появление колесного транспорта. Уже в ямных могилах встречаются остатки крупных тяжелых четырехколесных повозок. Они обнаружены при раскопках на Левобережье Украины и в Ростовской области, на Маныче. В катакомбных могилах таких повозок еще больше (70%). В Калмыкии они найдены в курганах Три брата, у Бичкин-булука, в Лоле, Арха-

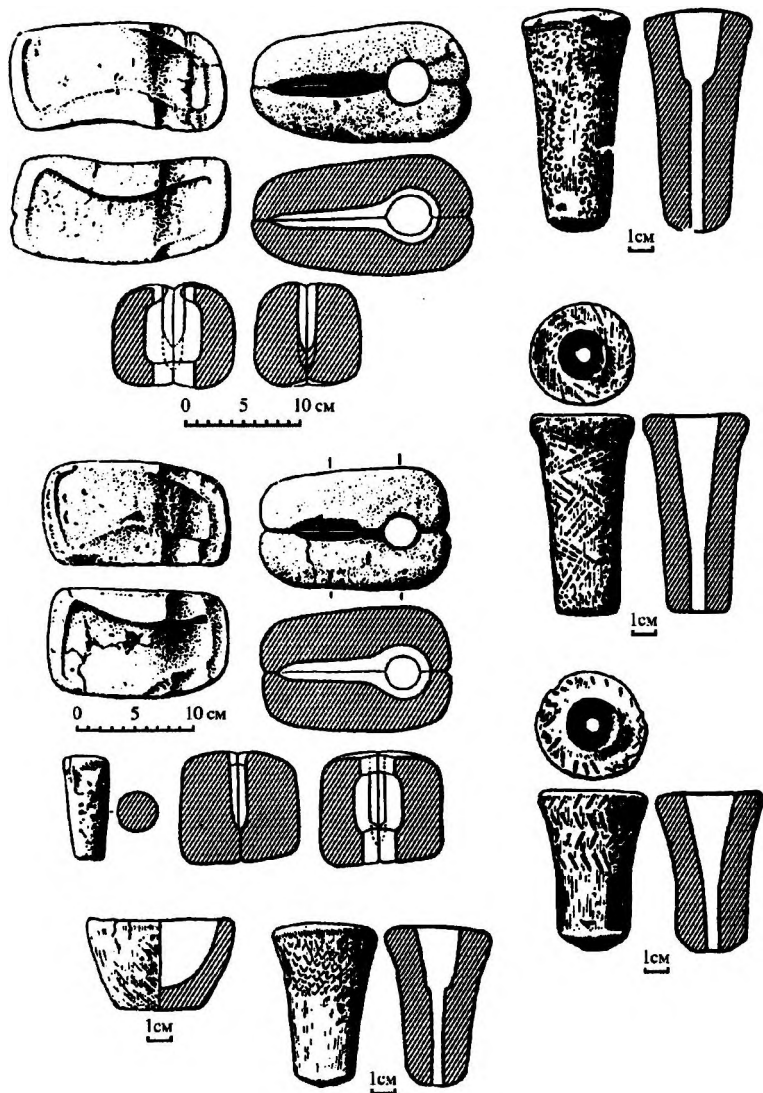
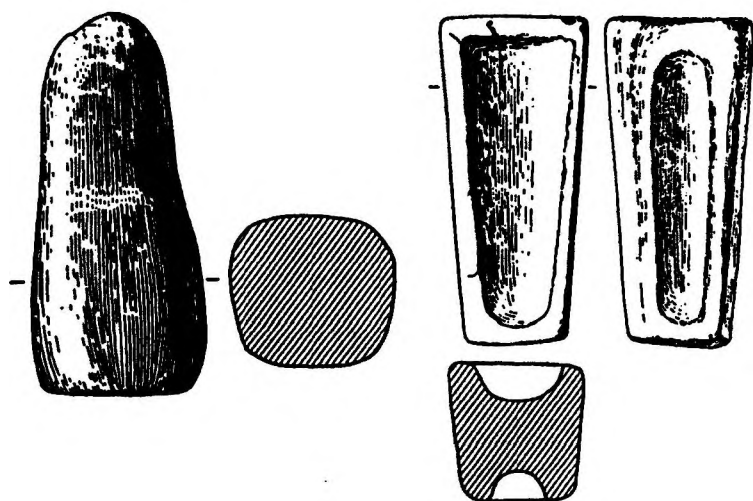
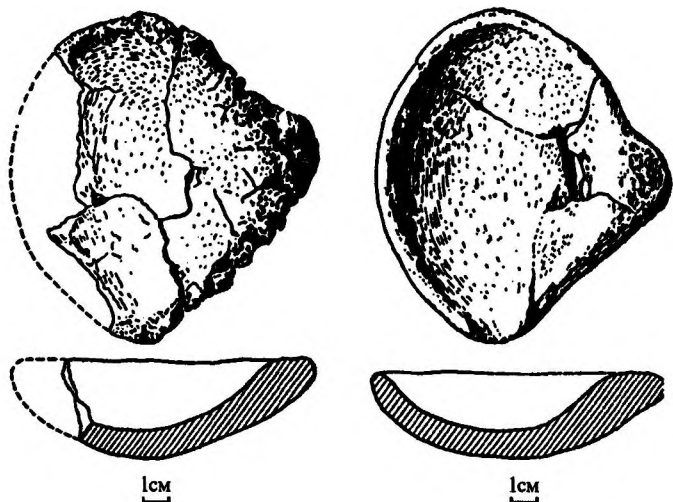

Рис. 15. Вещи из могилы кузнеца-литейщика бронзового века в кургане у деревни Калиновка в Нижнем Поволжье. Глиняные формы для литья топоров, сопла, льячка – ложка для разливания расплавленного металла

ре, Элисте, в Северном Предкавказье – в Новотиторовской, Шахаевской на Маныче, Кудиновом хуторе на Дону. Сейчас таких находок более двухсот. Колеса представляют собой плоский диск, диаметром 0,5–0,8 м с четко выделенной ступицей. Во II тысячелетии до н.э., как показали раскопки курганов в Синташте Челябинской области, появились и колеса со спицами. К середине II тысячелетия

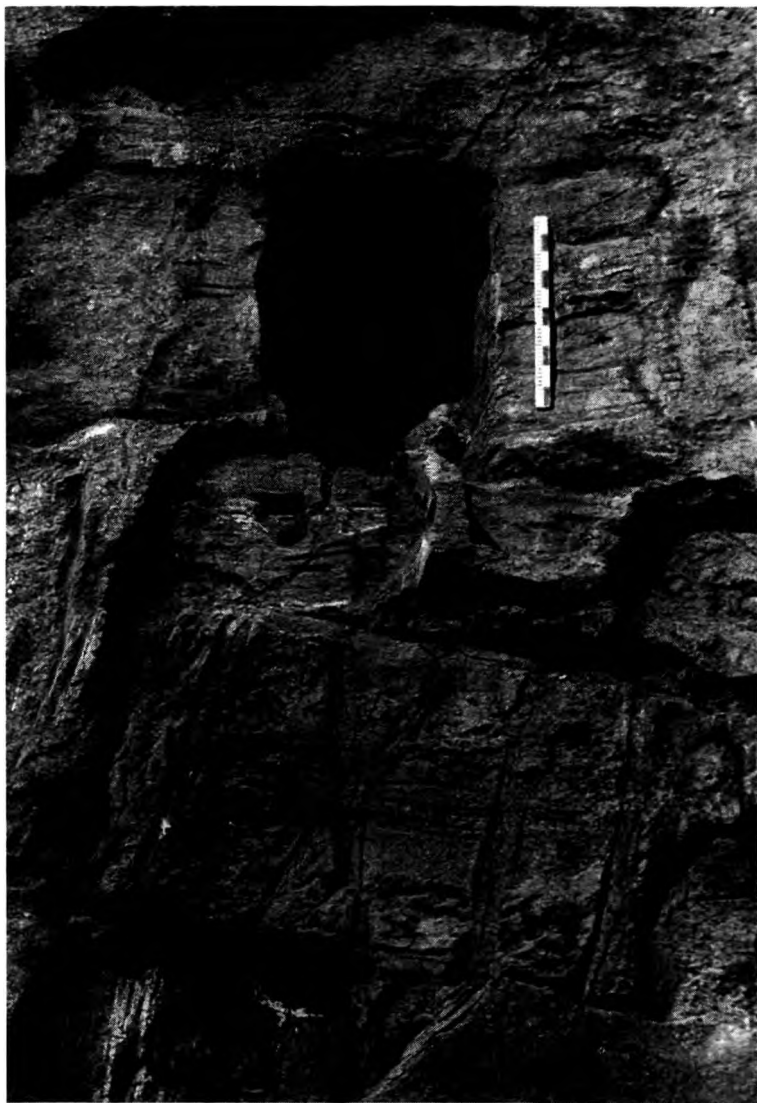

Рис. 16. Остатки деревянной колесницы в могиле II тысячелетия до н.э. в кургане у станицы Ново-Титоровской Краснодарского края

до н.э. относятся древнейшие принадлежности конской упряжи – костяные псалии. Они не обязательно связаны с запряжкой коня под верх. Пастухи могли ездить на лошадях и без седла и удила. Но псалии указывают на то, что в повозки начали запрягать не только быков или волов, но и коней. В дополнение к тяжелым четырехколесным повозкам стали ездить и на легких колесницах с двумя колесами со спицами, как в Синташте⁷.

В Шумере повозки были уже в III тысячелетии до н.э. Примерно тем же временем датируются находки древнейших повозок в Балканском регионе, в Венгрии. С юга или с запада проник колесный транспорт в степную зону, пока не установлено. Во всяком случае, в степях он распространился шире, чем на Кавказе. Высказывалось даже предположение, что редкие захоронения колесничих в нехарактерных для Закавказья курганах отражают набеги в эти места степных кочевников бронзового века.

Помимо настоящих повозок из дерева в катакомбных могилах встречаются глиняные модели повозок, положенные взамен настоящих. У них показана верхняя часть в виде округлой юрты.

О высоком уровне развития и степени дифференцированности общества степных культур III тысячелетия до н.э. можно судить и по находкам кладов бронзовых орудий и по раскопкам поселений этой эпохи.

Клады, содержащие готовую или полуготовую продукцию мастеров-ремесленников, появились в неолите. Тогда чаще всего это были скопления крупных ножевидных пластин. В бронзовом веке кладов стало гораздо больше. Это серии топоров, серпов, украшений, иногда наборы каменных сланцевых или глиняных литейных форм для отливки металлических изделий. Кладов особенно много на Украине. Есть они и в Подонье, Нижнем Поволжье и Предкавказье. Назову для примера клад из Сосновой мазы под Хвалинском с пятью–десятью косарами, тремя топорами с поперечным лезвием – кельтами, пятью кинжалами, долотом и слитком меди. Общий вес клада до 20 кг⁸.

Большое число кладов свидетельствует о беспокойной обстановке на Юге, вызвавшей зарывание накоплен-

ных богатств, и о выделении из массы общинников мастеров-ремесленников, сосредоточивших в своих руках средства производства и запасы готовой продукции.

Изучение бронзовых орудий показало, что в разное время металл поступал в степную зону из разных районов. В ямной и катакомбной культурах он имеет кавказское происхождение, о чем говорят и состав сплавов (медно-мышьяковые бронзы) и типы вещей. В срубной культуре металл иной, поступающий с востока – из уральских, казахстанских и сибирских районов. Бронзы содержат уже примесь не мышьяка, а олова. Месторождений его нет ни на Кавказе, ни в Восточной Европе, но их много в Сибири. Типы изделий II тысячелетия до н.э. сходны в степной полосе от Приднепровья до Алтая, тогда как на Кавказе сложились тогда уже другие формы бронзовых орудий и украшений.

Отдельные горные разработки известны на Кавказе, но они плохо сохранились и археологически не изучены. В Донецком бассейне есть небольшие месторождения меди и следы их древней эксплуатации. А на Урале, в Казахстане и Саяно-Алтайском районе древних горных копей множество и сохранность их хорошая, хотя изученность далеко не достаточна.

На Южном Урале в местностях Еленовка, Ушкатты под Орском, Каргалы под Оренбургом, Ташказган в Башкортостане, Бакр-узьяк на реке Большой Кизил обнаружены обширные карьеры и штольни на месторождениях меди. Здесь найдены и орудия труда древних горняков, и следы плавки металла, и обломки посуды II тысячелетия до н.э. Отсюда-то в это время и шли в Причерноморье и Поволжье и слитки металла для дальнейшей их обработки и готовые уже изделия.

Поселения ямной и катакомбной культур изучены пока мало. Важно, что на катакомбных поселениях Ливенцовка и Каратаевка на Нижнем Дону выявлены каменные укрепления. В Ливенцовке стена сохранилась на высоту 1,2 м, а ширина рвов – 4–6 м. Жилища, как и в Мешоко, располагались у стены, а площадка оставалась свободной для скота⁹. На Днепре известны и крепости ямного времени – Михайловка и Скеля-каменоломня.

Лучше изучены срубные поселения. Они исследованы в Среднем (Мосоловское) и Нижнем (Ляпичев хутор) Подонье, на Средней (Сусканское и Воскресенское) и Нижней (Максютовское, Усманское) Волге. На поверхности поселений заметны большие неглубокие западины – следы полужемлянок. В Мосоловском их более сорока. При раскопках в полу углублений прослеживаются ямы от столбов, поддерживавших кровлю. Некоторые жилища, площадью порядка 47–50 м², имели два отделения. Судя по находкам, в одном жили люди, а в другом содержали скот. Крыши были деревянными. Под полом некоторых жилищ обнаружены скелеты животных или целые сосуды, содержавшие когда-то жертвенную пищу (Воскресенское поселение). Это остатки строительных жертв.

Среди находок в жилищах – глиняные сосуды, отдельные костяные и бронзовые изделия, литейные формы. В Мосоловском поселении таких форм более 700¹⁰.

Раскопки поселений дают более ясное представление о хозяйственной базе культур бронзового века, чем исследование курганов. Мы вправе утверждать, что люди этого времени и в степи, и в лесостепи уже полностью перешли от присваивающего хозяйства к производящему. Охота и рыболовство существовали, но играли незначительную роль. И костей диких животных, и наконечников стрел, и гарпунов немного. Невелико число и земледельческих орудий, зернотерок, серпов. Некоторые предметы, принятые сперва за серпы (как найденные в кладе у Сосновой мазы), при более внимательном анализе оказались косарями для рубки ветвей кустарника на корм скоту.

Далеко не везде в бронзовом веке люди могли заниматься земледелием, достигшим тогда еще невысокого уровня развития. Скотоводство же было возможно повсюду. В зависимости от природных условий формы его были разными.

В ямных и катакомбных могилах Нижнего Поволжья находят кости только овцы и козы. Исследователь этих памятников В.П. Шилов полагал, что обитатели Калмыкии уже в III тысячелетии до н.э. не жили оседло, а кочевали со своими стадами. При оседлости они не смогли бы найти в полупустыне корм для скота. Показательно, что

следов постоянных поселений этого времени в Нижнем Поволжье нет¹¹.

В лесостепных районах в составе стада крупного рогатого скота было больше, чем мелкого, и люди жили оседло в долговременных поселениях вроде Мосоловского. Там костей крупного рогатого скота – 61,8%, мелкого – 19,3%, лошади – 6,5%. То же и на более ранних катакомбных стоянках Среднего Дона. В этом случае можно говорить не об отгонном, а о придомном скотоводстве.

Большой интерес вызвали поселения бронзового века со значительным числом костных остатков лошади: Деревка на Украине и Репин хутор на правобережье Нижнего Дона. Кое-кто усматривает в этих памятниках свидетельства о древнейших индоевропейцах – коневодах. На своих легких колесницах они якобы распространились именно отсюда в достаточно далекие области Старого света. Однако отличить кости домашней и дикой лошади невозможно, а соотношение костей взрослых и молодых животных в Деревке и Репином хуторе соответствует скорее стаду диких лошадей. Костяные предметы из Деревки, принятые за древнейшие псалии при тщательном анализе получили другое объяснение. Поэтому от вывода о коневодческих обществах в IV–III тысячелетиях до н.э. лучше пока воздержаться.

Но рассмотренные материалы подводят нас к необходимости перейти от чисто археологического обзора к исторической интерпретации наблюдений, сделанных при раскопках в степной полосе.

Исследования последних лет установили, что курганам в этой зоне предшествовали кладбища иного рода. Сначала это могильники с положенными в ряд вытянутыми захоронениями такие, как в Мариуполе на Украине, в Съезжем и Липовом овраге на Волге, в хуторе Ярском на Нижнем Дону. Могильнику Съезжее, судя по находкам, частично соответствуют, как будто, Виловатовская стоянка в Самарской области и Ивановская в Оренбургской, но это памятники плохой сохранности со смешанными в песке предметами разного времени¹².

Зато вполне надежные материалы дали раскопки Хвалынского могильника. И он не имел признаков на по-

верхности, но погребальный обряд здесь другой. Покойники лежат не рядами и не вытянуто, а без какой-либо системы в позе “на спине с подогнутыми в коленях ногами” такой же, как в ямных могилах. Среди находок есть предметы, уже знакомые нам по ямным курганам, прежде всего каменный скипетр. В Хвалынском могильнике найдены бронзовые украшения. Медь, как и в Мариупольском могильнике, не кавказского, а балканского происхождения¹³.

И Съезжее и Хвалынск расположены на Волге. В более западных районах этим памятникам соответствуют выделенные на Украине поселения и могильники типа Средний стог II, непосредственно предшествовавшие ямной культуре. К этой группе принадлежит и названное выше поселение Деревка. В Поднепровье выделены и самые ранние могилы в курганах с набором вещей, обычным для ямной культуры, но покойники положены там еще не в скорченной позе, а по неолитическому обряду – вытянуто. Такие могилы отмечены и в курганах на Нижнем Дону. Есть тут и слои доямого времени на многослойных поселениях Константиновском, Ливенцовском, Ракушечный яр, Раздорском. У Константиновского поселения кольцевая планировка, как в Мешоко. Костей диких животных много – 40%, а из домашних больше всего крупного рогатого скота. Разводили и свиней и лошадей¹⁴.

Таким образом, сейчас намечается тот круг энеолитических памятников, на основе которого формировалась ямная культура.

Область ее распространения очень велика. Ямные могилы изучены и в Поднепровье, и на Донце, и на Дону, и на Волге, под Липецком, и в степном Прикубанье, и в зауральских степях¹⁵. Установлено, что в начале II тысячелетия до н.э. на Волге ямная культура трансформировалась постепенно в так называемую полтавкинскую (от Полтавки в Саратовской области). На основе полтавкинской культуры сформировалась срубная. В XVI–XV вв. до н.э. срубная культура расширила свой ареал в западном направлении. Памятники срубного типа заняли и Подонье, и всю Лебобережную Украину, юг Правобережной и ряд других областей¹⁶.

Катакомбная культура в эту цепь развития не входит. На Украине она развивалась сперва параллельно с полтавкинской, а затем в тех районах, где ее не вытеснила срубная, параллельно со срубной. Наиболее поздние катакомбные памятники сосредоточены в низовьях Волги и в Предкавказье. Видимо, именно сюда племена катакомбной культуры вынуждены были отойти под напором расселявшегося с берегов Волги на запад населения срубной культуры. В Предкавказье же срубная культура почти не проникла. Катакомбных могил немало и на Правобережье Украины, но в Заволжье и в бассейне Урала их нет. Таким образом, ареалы трех основных археологических культур нашего юга не вполне совпадают. Вероятно, и происхождение у них было разное.

Выше говорилось о специфических чертах катакомбной культуры. Это и сами катакомбы, и сосуды со шнуровым, нередко необычным для степей криволинейным орнаментом, и своеобразные курильницы. В ряде случаев черепа людей, похороненных в катакомбах, искусственно деформированы, чтобы придать голове удлинненную форму, а иногда покрыты погребальными масками из глины, смолы и других материалов. На Украине таких масок найдено более ста. Есть они и в Калмыкии (Кермень-толга).

Все эти черты культуры имеют соответствия в Средиземноморье: катакомбы – в Сирии и Палестине, в Египте и на Крите, деформация головы и погребальные маски – в Эгейском мире.

К концу II – началу I тысячелетия до н.э. в степях Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья наступила известная стабилизация. Основной фон составляли уже не катакомбные, а срубные памятники и их поздние разновидности (белозерские, сабастиновские). Многие черты срубной культуры вошли в развивавшиеся на этой территории скифскую и сарматскую культуры раннего железного века. Отдельные железные вещи появились уже в срубных могилах и поселениях. Сходство срубной культуры со скифской заметно в типах бронзовых изделий, глиняной посуды, погребального обряда.

Встает вопрос, как эти наблюдения археологов соотносятся с рассказом о скифах отца истории Геродота (V в.

до н.э.). Он писал, что скифы пришли в Северное Причерноморье с Востока и вытеснили более раннее население этих мест – киммерийцев. Вопрос далек от разрешения. Высказывалось предположение, что киммерийцы – это создатели катакомбной культуры, а вытеснившая их срубная оставлена не кем иным, как древнейшими скифами. В таком случае Геродот передавал местные предания о приходе создателей срубной культуры из Поволжья в Приднепровье во второй половине II тысячелетия до н.э. Но возможно и другое; скифы пришли в степную полосу Европейской России уже в I тысячелетии, но принесли сюда лишь свой язык, восприняв и развив многие черты материальной культуры местных племен.

При анализе уцелевших собственных имен, названий рек, урочищ, связанных со скифами, установлено, что они говорили на одном из иранских языков, входящих в большую группу индоевропейских языков. Скорее всего иранцами были и люди срубной культуры, а, может быть, и лежавшей в ее основе ямной. До выделения иранцев существовала группа индо-иранцев, а еще раньше нерасчлененное индоевропейское единство.

Обратимся теперь к самой индоевропейской проблеме. Уже в начале XIX в. было доказано родство славянских, романских, германских, летто-литовских языков с языком древней Индии – санскритом. Было высказано предположение о произошедшем в глубокой древности расселении народов Индии на Запад. В дальнейшем от этой гипотезы отказались. Появились новые, в частности популярная некогда ультранационалистическая гипотеза немецких археологов о праиндоевропейском (прагерманском) народе в Северной Европе и о расселении его рядом волн на юг и восток. Сейчас эту теорию мало кто разделяет.

Господствуют две версии происхождения и расселения древнейших индоевропейцев. Согласно одной – центром индоевропейцев были районы раннего земледелия на Балканах и в какой-то части Передней Азии. Согласно другой – центр происхождения индоевропейцев находился в степной полосе между Днестром и Казахстаном. Из лингвистов этот тезис особенно подробно обосновал В. Бенфей, а из археологов – в 1926 г. Вир Гордон Чайлд.

О какой эпохе идет речь? В данный момент мы располагаем рядом обнаруженных при раскопках древних текстов, бесспорно написанных на индоевропейских языках. Это, с одной стороны, надписи Крита, связанные с греческим языком, а с другой – надписи хаттов и митанни из Передней Азии. Дата и той и другой группы источников XVI в. до н.э. Исследования лингвистов позволяют говорить, что написанная на санскрите “Ригведа” и священная книга иранцев “Авеста” восходят к середине II – началу I тысячелетия до н.э. Таким образом, во II тысячелетии до н.э. индоевропейцы обитали уже и на Балканах, и в Передней Азии, и в Индии.

Анализ словарного состава индоевропейских языков указывает на то, что формировались они в относительно умеренном климате в то время, когда уже возникло производящее хозяйство, и в соседстве с зонами, занятыми людьми, говорившими на финно-угорских и семито-хамитских языках. Следовательно, речь должна идти о неолите, энеолите, начале бронзового века и скорее о степной полосе, чем о Балканах (оттуда до области распространения финно-угорских языков слишком далеко). К тому же земледельческие культуры обычно оседлые. Хотя ареал их постепенно расширялся, трудно представить себе, что где-то они быстро трансформировались в подвижные кочевые скотоводческие общества. Значит, надо присмотреться к культурам, оставившим степные курганы.

Археологи отметили некоторые соответствия погребального обряда ямных, катакомбных, срубных и андроновских (близких к срубным и распространенным в Зауралье и Казахстане) могил с описаниями ритуалов похорон в “Ригведе” и “Авесте”. Проникновение степных скотоводческих племен на Балканы безусловно имело место. Об этом свидетельствуют захоронения с посыпкой охрой, находки антропоморфных стел и скипетров, похожих на ямные, в Балканских странах. Многие ученые считают, что гибель памятников древнеиндийской цивилизации, типа Мохенджодаро и Хараппы, объясняется нашествием с севера степных кочевников. Не все с этим согласны, но находки глиняной посуды степного типа в Индии бесспорно есть¹⁷.

Поскольку в степях Северного Причерноморья выявлены поселения, где среди костных остатков преобладают кости коня, а в III тысячелетии до н.э. в этой полосе появились повозки, во II же тысячелетии – псалии, кое-кому показалось, что это решает индоевропейскую проблему. Из степей войны верхом на конях и на легких колесницах совершали якобы броски и на запад, и на восток. Такие построения, популярные сейчас на Украине, привлекли и некоторых западных ученых. Но считать все это прочно установленным никак нельзя.

Реконструировать стремительные рейды колесниц по степной полосе легко на бумаге. В реальности же это невозможно. Колесницы требуют хороших дорог. Перед битвой Александра Македонского и Дария при Гавгамелах в 331 г. до н.э. специально подготавливалось поле для сражения на колесницах. По казахстанской и северопричерноморской степи, покрытой мощным травяным покровом, рейды колесниц немыслимы. Как уже говорилось, кости из Дереевки и Репина хутора принадлежат скорее диким, чем домашним лошадям. XVI–XIII вв. до н.э. – время появления в степи первых псалиев – слишком поздняя дата для формирования и даже расселения не разделившихся на группы индоевропейцев.

Признавая, что индоевропейцы формировались в степной полосе нашего Юга и расселились оттуда на Балканы и в Индию, мы не можем указать на конкретные археологические культуры, отражающие праиндоевропейское единство. Неолит и энеолит степной полосы изучены пока недостаточно. Может быть в этой связи важно отмеченное выше распространение с юга культур с кремневыми геометрическими орудиями, шире всего и дольше всего использовавшимися как раз в зоне степей. С юга они попали и в Прибалтику, а появление на берегах Балтийского моря летто-литовских языков нельзя объяснять проникновением сюда ямной или срубной культур. Памятников их здесь несомненно нет.

Надо помнить, наконец, и о том, что сопоставление лингвистических и археологических данных никогда не может привести к однозначным результатам. Языки и ма-

териальная культура развиваются в разном темпе, по своим законам.

В заключение попробуем определить, какие археологические культуры – кавказско-переднеазиатские, западноевропейские или казахстанско-сибирские – оказали особенно существенное влияние на развитие людей, обитавших в бронзовом веке в степной полосе Европейской России.

Влияние Кавказа сказывалось на поступлении в Северное Причерноморье и Нижнее Поволжье металлических изделий, изготовленных в кавказских центрах металлургии и металлообработки. Это явление особенно заметно для памятников IV–III и начала II тысячелетия до н.э. На Ивановской стоянке в Оренбургской области, в Хвалынском могильнике и в одиночном погребении у Криволучья Самарской области найдены такие же каменные браслеты, как в поселениях майкопской культуры Мешоко, Ясенова поляна и Свободное. С середины II тысячелетия до н.э. связи населения степей с Кавказским регионом слабели. Металл шел в степи уже не с юга, а с востока.

Влияние степных культур Азиатской России и Казахстана на европейском степном юге становится очень заметным во II – начале I тысячелетия до н.э. Об этом свидетельствует большая близость срубной и одновременной ей андроновской культуры (от могильника Андроново близ Ачинска).

Для более раннего времени такие соответствия не столь бесспорны. Сопоставляли круглодонные сосуды афанасьевской культуры на Енисее (от могильника Афанасьево близ Минусинска) и из пещеры Джебел в Туркмении с ямными, костяные орнаментированные стержни из неолитических могильников Прибайкалья с молоточковидными булавами Северного Причерноморья и Предкавказья. Но сходство всюду слишком общее и может быть чисто конвергентным. Пожалуй, только курильницы с выделенным внутри отделением, широко распространенные в катакомбной культуре и известные в небольшом числе экземпляров в афанасьевской, слишком специфичны, чтобы быть случайным совпадением¹⁸. В катакомбной культуре уже был колесный транспорт, и свя-

зи населения европейских и азиатских степей вполне могли существовать. Ведь о том же говорят более ранние находки в Варфоломеевке на Волге и в ряде стоянок Казахстана (см. выше).

Дальнейшее укрепление связей в срубно-андроновское время объясняется, несомненно, распространением металлических изделий из Казахстана в Северное Причерноморье и Нижнее Поволжье. Но не может быть речи о происхождении срубной культуры от андроновской, о переселении азиатских племен на запад. Напротив, отдельные могилы с сосудами срубного типа, обнаруженные в Туркменистане и в Ташкентском оазисе, отражают скорее движение населения в обратном направлении. Нет монголоидных черт на черепках из ямных и срубных могил. Европеоидами были и люди, похороненные в афанасьевских и андроновских могильниках.

Очень важна проблема западноевропейских влияний на культуру бронзового века в степях Европейской России. Находки аналогичных антропоморфных стел и каменных скипетров на Балканах и в Северном Причерноморье можно объяснять по-разному, как влиянием запада на восток, так и наоборот. Но не вызывает сомнений балканское происхождение наиболее ранних металлических изделий в степной полосе (Хвалынский могильник). Важны и находки глиняных сосудов, напоминающих характерные для центральной Европы так называемые “шаровидные амфоры”. Такие сосуды есть и на Украине и в Прикубанье (в Новосвободной), и относятся к III, рубежу III и II тысячелетий до н.э.¹⁹ В катакомбных могилах встречаются фаянсовые бусы, изготовленные в древнем Египте. Находки их нередки в Западной Европе, и попали они на наш юг оттуда, а не через Кавказ. О катакомбах, погребальных масках, деформации головы уже говорилось.

Во II тысячелетии до н.э. в Средиземноморье сформировалась крито-микенская цивилизация. Влияние ее сказалось не только в Северном Причерноморье, но даже в Приуралье. Древнейшие костяные псалии, обнаруженные на Украине, в Подонье, Поволжье и за Уралом, во всем сходны с крито-микейскими и, видимо, заимствованы с запада. В кургане на реке Дема в Башкортостане найдено захоро-

нение срубной культуры, содержащее костяные бляшки с вполне аналогичным микенскому резным узором²⁰.

На серии сосудов срубной культуры расположены строчки знаков, похожих на письмо. В крито-микенской культуре письменность уже была. Некоторые знаки из двух районов совпадают. Не исключено, что из Средиземноморья в наши степи пришли не только навыки производящего хозяйства и металлургии, но и идея письма. Во всяком случае на переднеазиатскую клинопись срубные знаки не похожи²¹.

Итак, связи населения степей с Кавказом со временем ослабли. Сами степные культуры начали теснить кавказские. Связи со степными азиатскими культурами, хорошо заметные во II тысячелетии до н.э., в дальнейшем укрепились. Связи с западом сохранялись и не ослабели.

И последнее: все развитие культур Предкавказья, степей Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья протекало в бронзовом веке еще в рамках первобытного общества. После появления такого феномена, как Майкопский курган, можно было бы ожидать свидетельств перехода к классовому обществу и государству. Но этого не произошло ни в III, ни во II, ни даже в I тысячелетии до н.э. Попытки рассматривать срубную культуру как государственное образование, ввести термин “неурбанистическая цивилизация”, отразившиеся в археологической литературе последнего десятилетия, совершенно несостоятельны.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Как мы видели по материалам предшествовавшего очерка, развитие культуры в степной полосе Европейской России на протяжении бронзового века прошло несколько этапов. В IV–III тысячелетиях до н.э. – сложение и развитие огромной области, занятой памятниками ямной археологической культуры. В начале II тысячелетия – нарушение этого единства, появление курганов с могилами в катакомбах. Катакомбная культура, видимо, пришедшая из Средиземноморья, в ряде районов потеснила ямную. И, наконец, во второй половине II тысячелетия восстанавливается прежнее единство, но уже на новой основе. Срубная культура, скорее всего, служила прямым продолжением развития ямной культуры.

Примерно та же схема прослеживается и в лесной зоне. Сперва сложение и развитие единой культуры в пределах области распространения ямочно-гребенчатой керамики, а несколько позже – посуды волосовского типа. Затем нарушение этого единства и, наконец, возвращение к единству на новой основе. Но при общем сходстве отличий в деталях очень много¹.

Если происхождение волосовской культуры вызывает дискуссии ученых, то гораздо более ясен генезис других культур бронзового века в лесной зоне России – среднеднепровской, фатьяновской и балановской.

Среднеднепровская культура, как видно по ее названию, была выделена вначале на Среднем Днепре. В дальнейшем оказалась, что захватывает она более значительную территорию. Основные памятники находятся в пределах Украины и Белоруссии, но есть они и в России – в Смоленской и Брянской областях, в меньшем числе в Тверской и Орловской.

Известны как могильники, так и поселения. Большинство стоянок связано с дюнами и не дает четкой кар-

тины. Все же по находкам на более или менее надежных памятниках можно заключить, что среднеднепровские племена перешли уже к производящему хозяйству. На поселении близ Канева 88% костей принадлежит домашним животным.

Кладбища среднеднепровской культуры иногда не имеют признаков на поверхности, иногда курганные. Такковы Бельнец (29 курганов) и Лунево (20 курганов) в Брянской области, Стрелица, Сябровичи в Белоруссии. Костяки лежат в ямах в скорченной позе. Встречаются и трупосожжения (Режица в Брянской области).

В могилах помимо каменных орудий немало изделий из бронзы. Это топоры, копья, ножи, диадемы, подвески. Преобладают все же каменные сверленные и клиновидные топоры. Глиняные горшки резко отличаются от местной неолитической посуды. Они и кругло- и плоскодонные, с совсем другими пропорциями – не удлинённые, а шаровидные, и с другим орнаментом, нанесенным не по всей поверхности ямками и оттисками гребенчатого штампа, а образующим узкий пояс из оттисков шнура.

Среднеднепровские памятники датируют XVI–XV вв. до н.э. Ближайшие аналогии им известны в Центральной Европе и в Прибалтике. К их числу относятся так называемые культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров, широко распространенные в конце III – начале II тысячелетия до н.э.

Фатьяновская археологическая культура (от могильника Фатьяново в Ярославской области) принадлежит к тому же кругу культур, хотя во многом отличается от среднеднепровской. Курганы здесь исключительно редки. Поселения не выявлены. Лишь на стоянках со смешанным материалом изредка встречаются отдельные фатьяновские вещи. Основной вид памятников – бескурганные могильники, расположенные на моренных холмах. Костяки лежат в скорченном положении. Трупосожжения единичны.

Выявлено около трехсот могильников в Новгородской (5), Тверской (30), Смоленской (15), Московской и Калужской (30), Ярославской (70), Ивановской (40), Костромской (20), Владимирской (10) областях. Могильники Среднего Поволжья (их до 50) некоторые археологи

включают в фатьяновскую культуру, но сейчас их чаще отделяют от нее, называя балановскими.

Для фатьяновской культуры характерны шаровидные глиняные сосуды с узким поясом узора на тулове, состоящим или из отпечатков шнура или мотивов, имитирующих его оттиски. Наиболее частая находка в могилах – каменные сверленные бойки топоров. Обычно они короткие, приближающиеся по очертаниям к булавам. Но есть и топоры вытянутые, даже вычурные по очертаниям – так называемые ладьевидные. У навершеный топоров был прототип – топор из оленьего рога с продолбленным отверстием, появившийся в Северной и Центральной Европе еще в начале неолита. Наиболее поздние типы – ладьевидные топоры – подражают по форме уже бронзовым изделиям. Немало в фатьяновских могилах и плоских полированных клиновидных топоров, кремневых наконечников стрел и ножевидных пластин.

Металлические изделия в фатьяновских могилах находят реже, чем в среднеднепровских, но это может быть лишь особенностью погребального обряда, а вовсе не свидетельством более слабого развития металлургии. В Волосовско-Даниловском могильнике Ярославской области обнаружены литейные формы. Видимо, это могила мастера-литейщика. Металл имеет западное происхождение. Известны фатьяновские вислообушные бронзовые топоры и ножи. Украшения делали не из металла, а из зубов животных.

Фатьяновцы перешли уже к производящему хозяйству. Кости животных из могил принадлежат только домашним овце и свинье. Земледельческие орудия не найдены, но на фатьяновском глиняном сосуде из Халдеевки у Ростова Ярославского отмечены отпечатки зерна, по-видимому, ячменя.

Фатьяновская культура связана с периодом от рубежа III и II тысячелетий до н.э. вплоть до середины II тысячелетия. Происхождение ее, как и у среднеднепровской культуры, западное.

Балановские памятники, названные по могильнику Баланово в Чувашии, очень похожи на фатьяновские, хотя несколько моложе их. Они дожили до конца II тысяче-

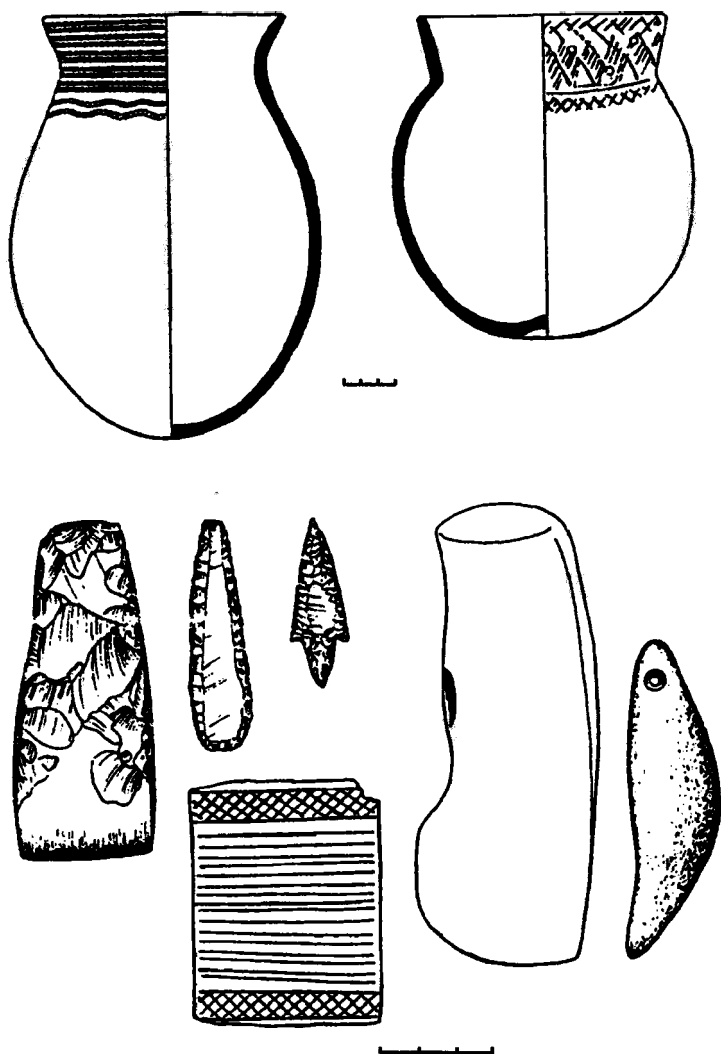

Рис. 17. Характерные предметы из могил фатьяновского типа в Подмосковье. Глиняные сосуды, кремневый полированный топор, кремневый нож и наконечники стрелы, бронзовый браслет, каменный шлифованный сверленный топор, подвеска из медвежьего клыка

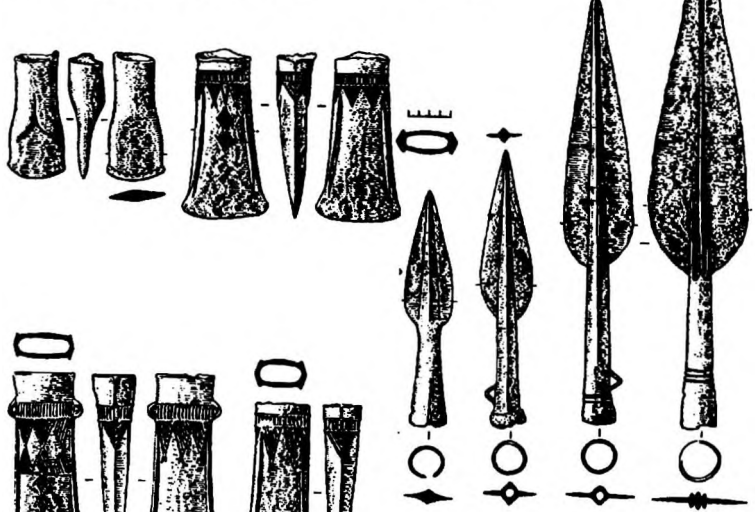
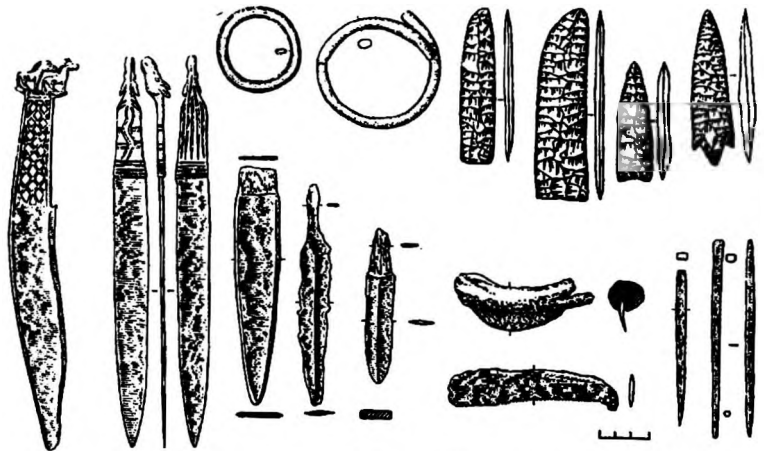
летия до н.э. и распространены помимо Чувашии, в Татарстане, Мордовии, в районе Пензы, в бассейне Цны и Мокши. Наряду со старыми чисто фатьяновскими чертами в балановской культуре заметны и новые черты. Курганов больше (они изучены в Атли-касы, Чурачике). Выявлены поселения. На них собраны кости крупного рогатого скота (18—49%), свиньи (46—53%), лошади (5—24%), мелкого рогатого скота (1,5%). Сомневаться в том, что балановцы были скотоводами, таким образом, не приходится. Среди находок на поселениях есть каменные наконечники мотыг, видимо, для обработки земли.

В Балановском могильнике обнаружены глиняные колесики, такие же, как у катакомбных моделей повозок. Должно быть, и на Средней Волге знали уже колесный транспорт. Безусловно, существовала и местная металлообработка. Бронзовых изделий больше, чем в фатьяновских могилах. Металл поступал из медных месторождений Татарстана и Чувашии. Литейные формы из кургана Чурачик позволяют думать, что выделились уже мастера-литейщики.

На балановских поселениях выявлены квадратные землянки, соединенные переходами, как на волосовских стоянках. Особенно показательно поселение Галанкина гора в Татарстане.

Отмечу, наконец, что в фатьяновских и балановских могилах иногда встречаются украшения из прибалтийского янтаря.

Встает вопрос, каковы же были взаимоотношения пришлых западных скотоводческих племен с местными охотниками и рыболовами, оставившими волосовские стоянки. Территории, занятые этими двумя группами населения, не всегда совпадают. Так, на Средней и Нижней Оке, где известно множество неолитических стоянок, почти нет фатьяновских могильников. В других местах люди разного происхождения могли жить чересполосно. Неолитические поселения жались к рекам с их рыболовными угодьями. Фатьяновские могильники сосредоточены на водоразделах. Там люди, обладавшие каменными и бронзовыми топорами, могли расчищать от леса участки для поселений, а может быть и для полей.

Вызывает интерес могила, найденная на неолитической стоянке Николо-Перевоз под Москвой. В одной яме лежало девять скелетов с фатьяновскими вещами, а между костей – волосовского типа кремневые наконечники стрел. Предполагают, что это захоронение фатьяновцев, убитых обитателями волосовского поселения². Топоры из фатьяновских могил не столько рабочие инструменты, сколько боевое оружие. Обилие топоров в каждой могильнике говорит о том, что все мужчины были воинами, жили всегда настороже.

Так или иначе ясно, что фатьяновцы принадлежали иному этносу, чем местные племена волосовской культуры. Высказывалось мнение, что это индоевропейцы, проникшие в финскую среду. В Прибалтике памятники со шнуровой керамикой и ладьевидными топорами концентрируются там, где позднее жили балты, а поселения с ямочно-гребенчатой и похожей на волосовскую посудой – там, где обитают финны. Любопытно, что в антропологическом типе фатьяновцев есть кое-что общее с волосовцами, но не с людьми, пользовавшимися посудой с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Иное, чем у среднеднепровской, фатьяновской и балаховской культур, происхождение имеют памятники сейминско-турбинского типа в Восточной Европе. Они названы так по двум могильникам, раскопанным еще до революции на весьма низком методическом уровне: на Сейминской дюне под Нижним Новгородом и в Турбине недалеко от Перми. За последующее время число аналогичных памятников увеличилось, но не слишком значительно. На Оке найден новый могильник – Решное, другие же памятники обнаружены в Западной Сибири. Из них особенно интересен могильник Ростовка на Оби. Отдельные бронзовые изделия сейминско-турбинских типов встречаются на обширной территории: в Канинской пещере в Коми, на Вятке, в Татарстане, под Трубчевском, в Молдавии (Бородинский клад), в Финляндии, Монгольском Алтае.

Рис. 18. Находки в Сейминском могильнике около Нижнего Новгорода. Кремневые орудия и бронзовые ножи, копьа, шилья и топоры – кельты и вислобушный

Территория, равная 3 миллионам квадратных километров, очерчивает, конечно, не область расселения некой древней народности, а лишь область распространения высококачественных изделий из бронзы.

Производили эти изделия в Западной Сибири. Литейные формы для орудий сейминско-турбинского типа найдены в большом числе на стоянке Самусь под Томском. Состав сейминского металла соответствует оловянистым бронзам Алтая. Важны и находки в могильниках украшений из нефрита. Месторождения этого камня известны только в Прибайкалье, на притоке Ангары Белой и речке Китой. Нефритовые подвески и кольца есть во всех могильниках – и в Сейме, и в Турбине, и в Решном.

Наиболее выразительны среди находок в могильниках бронзовые копья, ножи с фигурными рукоятями, сделанные с большим совершенством. На рукоятях помещены фигуры животных, выполненные в реалистической манере.

Эти находки относятся к очень короткому отрезку времени – к XVI в. до н.э., хотя какие-то из памятников могут быть и несколько древнее. В любом случае сейминско-турбинские могильники свидетельствуют о кратковременном проникновении западносибирского населения в Восточную Европу³.

Делались попытки связать с могильниками определенные группы поселений как в Прикамье, так и на Оке. Попытки эти встретили возражения других археологов на том основании, что находки в могилах и на поселениях далеко не тождественны. Но так всегда бывает при сравнении памятников разного характера. На Каме на поселениях борского типа (от стоянки Бор) найдены кости домашних быка, свиньи и лошади, но костей диких животных много больше. В Среднем Поволжье на поселениях чирковского типа (от стоянки Чирково под Казанью) близ устья Белой преобладают кости свиньи и крупного рогатого скота. Глиняная посуда из этих стоянок похожа на посуду кротовской культуры (от стоянки Кротово) на Иртыше.

Близки по времени к сейминско-турбинским древностям памятники другой археологической культуры – аба-

шевской (от могильника Абашево в Чувашии). Она развивалась во второй и третьей четвертях II тысячелетия до н.э. на территории Татарстана, Чувашии, Мордовии и в ряде других районов. В Башкортостане известна абашевская стоянка Баланбаш, на Среднем Дону – ряд курганов и поселений. В Волго-Окском бассейне выявлены разрозненные курганы с изделиями абашевского типа и единственный Кухмарский могильник в Ярославской области.

На поселениях Среднего Дона больше всего костей крупного рогатого скота (44–66%). Меньше остатков свиньи (15–22%) и лошади (6–12%), совсем мало костей овцы и козы (8–17%).

Металлургия была весьма развита и базировалась на месторождениях меди в Татарстане и Чувашии. Многие изделия чисто медные, но есть и вещи с сейминско-турбинским составом металла и тех же типов. В могилах металлические орудия и особенно украшения встречаются часто.

Глиняная посуда по типам и узорам похожа на южную, степную. Курганы над абашевскими могилами – тоже степная черта. Скорее всего, из юго-восточных районов, может быть из Башкортостана, и продвинулись в лесную зону Восточной Европы скотоводы – абашевцы. На Дону в абашевских могилах найдены костяные псалии микенского типа, что указывает на появление конской запряжки. Население было подвижным.

Так же, как и фатьяновцы, пришлые абашевцы встретили сопротивление местных племен. Свидетельство тому Пепкинский курган в Марий Эл. Там в длинной траншее, своего рода братской могиле, лежали 28 костяков абашевских воинов. В 13 скелетах застряли каменные наконечники стрел волосовских типов, у остальных погребенных черепа были пробиты каким-то острым орудием⁴.

Некоторые черты культуры, отраженные в абашевских памятниках, были унаследованы позднейшим финноязычным населением Поволжья. Таков костюм, украшенный многочисленными бляшками и подвесками. Около Галича Костромского в селе Туровском найден клад бронзовых изделий, содержащий топоры, ножи и, видимо, набор предметов, использовавшихся в

Рис. 19. Характерные предметы из могил и стоянок абашевско-го типа в Подонье. Каменный сверленный топор, бронзовые копье, вислообужный топор, нож и украшения, глиняные сосуды

шаманских ритуалах. Бронзовый идол с трехрогим головным убором – древнейший из серии идолов с такими же рогами на голове, распространенных затем в Зауралье и Западной Сибири в железном веке – вплоть до средневековья.

Последняя явно пришедшая в Окском бассейне археологическая культура – поздняяковская (от стоянки Поздняково). Она представлена помимо верхней и средней Оки на Цне и Мокше, как поселениями, так и захоронениями в курганах и без признаков на поверхности. На поселениях обнаружены остатки полуземлянок, кости домашних животных, литейные формы, в курганах – бронзовые копья, топоры, украшения. Состав металла уральский. Время этих находок с XV–XIII вв. до начала I тысячелетия до н.э.

Глиняные сосуды из поздняяковских памятников похожи на срубные и андроновские. По богатству орнамента они, пожалуй, даже ближе к андроновским из Казахстана, чем к срубным. Это может указывать на приход населения не собственно с юга, а с юго-востока, но может отражать лишь свойственную населению Оки традицию богато украшать глиняную посуду, что изменило внешний облик горшков с обычными для срубной культуры формами и пропорциями.

С какими-то инородными влияниями связаны и своеобразные памятники нашего Севера – лабиринты. На поверхности земли выложены из окатанных камней сложные спиралевидные фигуры с дорожками между рядами камней. Тот, кто на них вступает, идет кружным запутанным путем. Подобные выкладки из камней обнаружены у нас по берегам Белого и Баренцева морей, а вне России в приморских районах Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Северной Германии. При раскопках на Соловецких островах установлено, что лабиринтами перекрыты могилы конца II – начала I тысячелетия до н.э. Лабиринтообразные каменные сооружения открыты недавно и на Дону – в Мастище под Острогжском.

После знакомства с памятниками бронзового века лесной полосы Европейской России может сложиться впечатление, что в этом районе происходила постоянная смена населения, тогда как в степной зоне ситуация была более спокойной и стабильной. Это не так.

Во-первых, памятники скотоводов, резко отличающиеся по своему облику от памятников местных охотничье-рыболовецких племен, выделяются достаточно хорошо. А перемещения групп скотоводов в скотоводческой же

Рис. 20. Выкладка из камней в виде лабиринта – характерный для Севера России вид археологических памятников. Большой Заяцкий остров Соловецкого архипелага

среде южных областей улавливаются значительно менее четко. Несомненно, появление на нашем Юге специфических покровских, потаповских, белозерских памятников свидетельствует о передвижениях скотоводческого населения по степи, не менее значительных, чем проникновение в лесную зону фатьяновцев или поздняяковцев.

Во-вторых, все инородные для лесной полосы археологические культуры концентрируются в южной ее части, тогда как огромная территория, лежащая севернее, почти не была затронута влиянием скотоводческих культур. Это касается и Карелии, и Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, и Беломорья, Вологодчины, республики Коми. Здесь нет ни среднеднепровских, ни фатьяновских, ни абашевских, ни поздняяковских памятников. Далеко не во все из этих краев проникла и волосовская культура. Встречаются тут лишь отдельные бронзовые изделия сейминско-турбинских типов и сверленные каменные топоры. Кое-где отмечены и находки янтарных украшений. В Карелии они обнаружены в 34 пунктах.

В целом группы пришлого населения были гораздо малочисленней заселявших лесную зону местных племен с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой. В этой среде пришельцы со временем растворились, успев передать аборигенам навыки металлургии и производящего хозяйства.

Посуда с ямочно-гребенчатой и волосовской орнаментацией сменяется в лесной полосе так называемой сетчатой керамикой – сосудами с отпечатками ткани на поверхности. Такая посуда, характерная для конца II – начала I тысячелетия до н.э., распространена в Карелии, Ленинградской области, Приладожье, Обонежье, в Волго-Окском бассейне. Встречаются сосуды с текстильными отпечатками и в памятниках поздняяковской культуры. Ареал сетчатой керамики в общем совпадает с областью распространения финских названий рек, урочищ и т.д. в Восточной Европе. Посуда с такой же поверхностью использовалась и в раннем железном веке лесной зоны Европейской России – в дьяковской культуре (от городища Дьяково в Москве) в Волго-Окском бассейне и в Ананьинской (от могильника Ананьино в Елабуге) в Прикамье. О том, что

эти археологические культуры связаны с древними финнами, говорят многие данные⁵.

Сетчатая керамика бронзового века, распространенная на большей части северной полосы Европейской России, отражает некое единство, сложившееся к концу II – началу I тысячелетия до н.э. Но на крайнем севере – на Кольском полуострове и в прилегающих к нему районах Карелии – вместо сетчатой в конце бронзового века была в ходу другая посуда – с примесью асбеста к глине. Высказывалось предположение, что, если область сетчатой керамики связана с финнами, то область асбестовой – с саамами-лопарями.

Из культур конца бронзового века в лесной полосе лучше всего изучена приказанская, относящаяся к XVI–IX вв. до н.э. Раскапывались и поселения и могильники. На поселениях еще много (до 70%) костей диких животных, но немало и остатков крупного рогатого скота. Жилища похожи на волосовские: прямоугольные землянки с переходами. В могильниках Маклашевском, Новомордовском в Татарстане в большом числе найдены изделия из бронзы: копья, ножи, топоры – вислообушные и с поперечным лезвием – кельты. Встречаются и литейные формы. Металл в приказанской культуре – уральский. Интересна находка в Новомордове антропоморфных стел с изображениями оружия – черта явно южная.

Следы плавки меди и знакомства с домашними животными отмечены и в других северных областях. На стоянке Пески под Галичем обнаружены кости крупного рогатого скота, на стоянке Селище на Каргополье – кости коровы, мелкого рогатого скота, лошади. На торфяниковом поселении Модлона в Вологодской области найдены остатки льна и деревянной прялки. На Вятке на стоянках типа Юртик (от 2025 до 1500 г. до н.э.) с четырехугольными землянками с переходами есть следы плавки меди.

Иногда такие поселения называют энеолитическими, поскольку среди находок сочетаются каменные и медные изделия. Но предметы из металла как правило уже не чисто медные, а бронзовые, а типы их характерны для II тысячелетия до н.э., для развитого бронзового века. Поэтому лучше говорить не об энеолите, применяя данный тер-

мин лишь к южным раннеземледельческим культурам IV–III тысячелетий, а о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы.

Уже на грани II и I тысячелетий до н.э. в лесной зоне появились первые железные изделия. Они найдены, к примеру, в поздняяковском Младшем Волосовском могильнике на Оке.

Таким образом, во II и в начале I тысячелетия до н.э. производящее хозяйство постепенно проникло в лесную часть Европейской России. Его принесли сюда извне племена западного (фатьяновская и среднеднепровская культуры), восточного (сейминско-турбинская) и южного или юго-восточного (абашевская и поздняяковская) происхождения. С их помощью в лесах были освоены и навыки обработки металла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор памятников первобытной культуры в Европейской России мы довели до начала I тысячелетия до н.э. Выбранный нами рубеж не случаен. К этому периоду завершился переход подавляющей части населения земли от охоты, рыболовства и собирательства к производящему хозяйству. По подсчетам американских ученых, к середине II тысячелетия до н.э. охотой занималось уже не более 1% населения (ныне 0,0001%)¹.

Не менее важны другие изменения. С I тысячелетия н.э. железные орудия окончательно вытеснили бронзовые. На берегах Черного моря появились города-колонии, основанные переселенцами из Греции. Влияние высокой античной цивилизации коснулось и местных племен. Греки, прежде всего отец истории Геродот, первыми скольконибудь подробно рассказали о жизни северных варваров – скифов и их соседей – тавров, сарматов, синдов, меотов и других. Так начался новый этап истории, письменный, требующий уже иных методов осмысления, чем более ранний, отраженный лишь в памятниках материальной культуры.

Но при всех переменах ряд явлений оказался удивительно устойчивым. В железном веке сохранилось примерно то же распределение своеобразных типов культуры в пространстве, как и в эпоху камня и бронзы. Городища железного века в лесной зоне: дяковские в Волго-Окском бассейне, городецкие – на Средней Волге, ананьинские в Прикамье образуют определенное единство, противостоящее тем древним культурам, что были распространены в степной полосе. При этом речь явно идет не о различиях в деталях материальной культуры, а о разных этносах. Леса заселяли оседлые финноязычные народы, а

степи кочевники – сперва иранцы – скифы, сарматы, аланы, а в средневековье – тюркоязычные печенеги, торки, половцы. Свою специфику имеют и культуры третьего региона – Кавказа, причем заметно своеобразие западной – абхазо-адыгской – и восточной – дагестано-нахской – частей этой горной страны. Примерно ту же картину видели мы и в бронзовом веке. Совпадают не только границы регионов, но и некоторые элементы культуры: типы жилищ (землянок и горских саклей), погребальных сооружений и обрядов, глиняных сосудов и металлических украшений, некоторых категорий орудий и оружия, произведений изобразительного искусства².

Все эти наблюдения небезразличны для понимания исторических судеб самого русского народа. Славяне появились в Восточной Европе в середине I тысячелетия н.э. Они пришли сюда с юго-запада, с Дуная, что отмечали и наши летописцы и что подтверждается при анализе археологических данных. Сначала славяне освоили зону традиционного развития земледелия на Правобережье Украины, а затем постепенно начали распространяться на северо-восток в лесостепные и лесные районы. Система подсечного земледелия приводила к быстрому истощению почв и к необходимости осваивать новые территории. Проникновение славян в степную зону в I тысячелетии н.э. не наблюдается. Земледельцам ее природные условия не подходили, а заселявшие степи воинственные кочевники не пускали пришельцев в свои владения.

Продвижение ранних славян по лесной полосе Европейской России нашло продолжение и в период сложения древнерусских княжеств. Классики нашей науки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский всегда подчеркивали, что Россия это “страна, которая колонизируется”³, иными словами: процесс расселения и освоения новых земель – один из определяющих в отечественной истории.

К XV в. окончательно сформировалось “основное ядро великорусской народности” (термин М.К. Любавского) в Волго-Окском бассейне и прилегающих к нему областях, занятых до того финноязычными народами⁴. В дальнейшем, с XVI в., процесс расселения пошел далее на восток – в Зауралье, Сибирь, вплоть до Тихоокеанского по-

бережья. Этот поток расселения шел по лесной, таежной, тундровой полосе. Степную зону русские начали осваивать позже, в Европейской части – в основном с XVII в., а в Азиатской уже в XVIII–XIX вв. Только в XVIII столетии русские перевалили через Кавказский хребет.

Из предшествовавшего изложения мы видели, что древнее население Европейской России в неизмеримо большей степени занималось скотоводством, чем земледелием. Ранние славяне были в первую очередь хлебопашцами. Железные топоры, положенные во многие могилы эпохи Киевской Руси и феодальной раздробленности, служили для расчистки пашен от леса. В культурных слоях того же времени находят и железные сошники. Прimitивные палки-копалки для рыхления земли и сплошь деревянные сохи уступили место настоящим плугам.

Хозяйство финноязычных племен по сравнению с древнерусским было менее развитым. Это и предопределило то, кому в дальнейшем удалось утвердиться на этой земле. Финноязычное население не исчезло бесследно. Потомки его: мордва, мари, удмурты, вепсы, карелы, коми – составляют значительную долю в народонаселении сегодняшней России. Представителей уральской семьи народов у нас примерно три с половиной миллиона (из них более миллиона мордвы). Многие черты финской культуры вошли в восточнославянскую.

Все это заставляет взглянуть на начальные этапы русской истории несколько иначе, чем традиционно принято. С XVIII в. в нашей литературе всегда особое внимание уделялось скифской культуре, как одному из компонентов русской. Думается, что население южных, степных областей внесло в формирование древнерусской культуры менее значительный вклад, чем культуры северные, лесные. Роль их в нашей литературе обычно недооценена.

Не будем утверждать, что яркая скифская культура не оставила никакого следа в культуре славянской и русской. Еще сто лет назад было замечено, что приведенная Геродотом скифская легенда об упавшем с неба золотом плуге, вероятно, нашла отголосок в былинке о Микуле Селяниновиче. Этот русский богатырь-крестьянин пашет землю плугом с золотым сошником. В созданный князем

Владимиром Святославичем пантеон, еще дохристианский, языческий, входили боги с иранскими именами – Хорс, Даждбог, Симаргл⁵.

И все же скифы только в Крыму в низовьях Днестра и Дуная дожили до III в. н.э., сарматы в степной полосе – до IV в. Славяне пришли в эти края позже и могли воспринять из скифского наследия только немного, притом через ряд посредников. Произойти это могло не столько в степях Левобережной Украины, Подонья и Предкавказья, сколько в земледельческой области Правобережья. Там Геродот размещал скифов-пахарей, отличая их от скифов царских – кочевников. Вероятно, скифские элементы проникли в древнеславянскую культуру на том раннем ее этапе, когда она только недавно появилась в Северном Причерноморье и еще не достигала степных заднепровских районов.

В пантеоне Владимира наряду с божествами иранского происхождения были и другие боги – Перун, Мокош. Генезис их иной, явно северный. Это подводит нас к давно поднятому вопросу о сложении Древней Руси на основе двух начал: северного, связанного с Новгородом Великим, финским миром и Скандинавией, и южного, связанного с Киевом, Черниговом, Хазарией, с иранскими и тюркскими элементами.

Эту проблему поднимал еще в 1924 г. В.А. Пархоменко, опираясь на запись 859 г. в начальной русской летописи. Там говорилось о полянах и северянах как о данниках Хазарии и о славянах новгородских вместе с чудью, мерей и весью (т.е. с финно-язычными племенами), как о зависимых от норманнов⁶. Ныне идея об этих двух компонентах определивших сложение Древнерусского государства, на новой основе четко сформулирована В.Я. Петрухиным⁷.

Это положение, на наш взгляд, как-то, пусть не прямо, перекликается с рассмотренными выше материалами о каменном и бронзовом веке. Как мы старались показать, уже тогда существовало деление археологических культур Европейской России на северные и южные, и можно думать, что их различие сказывалось и в дальнейшем, в том числе и при формировании раннеславянских культур и древнерусской народности.

Выдающийся отечественный антрополог В.В. Бунак находил, что ареалы антропологических типов современных русских чуть ли не прямо соотносятся с теми картами археологических культур каменного века Европейской России, что я опубликовал еще в 1959 г.⁸ Позднейшие исследователи, рисуя иную, более сложную картину, так или иначе учитывают роль древнейшего, скорее всего, финского населения лесной зоны в формировании отдельных типов русских. Называют, например, черепа из могил волоховской культуры на Оке из стоянок Панфилово и Володары, как близкие по типу к черепамя вятичей из курганов XII–XIV вв. в Подмосковье⁹.

Если обратиться к этнографии, то отличие северных и южных русских признается всеми учеными. Замечательный наш этнограф Д.К. Зеленин писал даже, что нужно говорить не о трех восточно-славянских народах – русских, украинцах и белорусах, а о четырех – украинцах, белорусах, русских северных и русских южных¹⁰. К северной группе он относил население Новгородской, Владимирской, Архангельской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Вятской земель, к южной – Тамбовщины, Воронежской, Курской, Тульской, Липецкой, Брянской, Рязанской, Пензенской, Орловской областей.

С некоторыми вариациями такое деление вошло и в позднейшие сводки. Различия заметны и в говоре (оканье на севере, аканье на юге), и в материальной культуре. На севере – сарафан, на юге – понева. На севере – большие многокомнатные дома, на юге – не столь крупные постройки с малым числом комнат и т.д.¹¹

Не углубляюсь в вопрос о различиях психического склада северных и южных русских. Его поднимал еще в 1861 г. такой видный наш историк, как Н.И. Костомаров, в серии статей в журнале “Основа”. Одна из них так и названа: “Две русские народности”¹². Сейчас, когда историки стали уделять особое внимание проблеме менталитета – настрою души, образу жизни и поведения, – эта проблема, безусловно, заслуживает серьезного изучения и осмысления.

Как видим, наше положение о двух группах культур – северной и южной – в каменном и бронзовом веке в Евро-

пейской России находит соответствие и в материалах о железном веке, и в антропологических, этнографических, лингвистических данных.

Означает ли это, что и в палеолите, и в мезолите, и в неолите, и в бронзовом, и в железном веке, и уже в письменный период истории мы имеем дело с одними и теми же этническими массивами? Нет, конечно. История Восточной Европы была сложной. Проникновение в этот регион инородного населения происходило неоднократно. Но, как принято в популярной сейчас исторической школе “Анналов”, история – это всегда сочетание элементов статики и динамики, Нельзя упускать из вида ни тот, ни другой.

Мы сосредоточили свое внимание на элементах статики. Древнее население, пришедшее сотни тысяч лет назад частью с юга, через Кавказ, частью – с запада, из Европы, приспособилось к новым для себя природным условиям, создало наиболее подходящие для тех или иных мест формы хозяйства и материальной культуры. Переход от охоты, рыболовства и собирательства к земледелию и скотоводству во многом изменил сложившуюся картину, но все же не трансформировал ее до неузнаваемости. Деление археологических культур на северные и южные сохранилось, и разные традиции оказали какое-то влияние на облик культуры позднейшего населения, в том числе славян и русских, освоивших территорию Европейской России уже в I тысячелетии н.э.

Какие же влияния извне заметны при изучении древней культуры Европейской России? Возникшие в 1920-х годах в среде русской эмиграции идеи евразийства, завоевавшие сейчас признание в некоторых слоях нашего общества, не находят никакой опоры в материалах по первобытной археологии России. Связи с культурами Азии не были здесь изначальными и редко играли большую роль в истории древнейших обитателей Восточной Европы.

К Западной Европе тяготеют мустьерские стоянки типа восточного Микока, позднепалеолитические поселения селетского типа и типа Виллендорф-Костенки. Только на Западе отыщем мы аналогии памятникам палеолитического искусства из России, как произведениям малых форм, так и монументальным росписям пещер. Мезолити-

ческие поселения лесной зоны Европейской России с кремневыми наконечниками стрел и с богатым набором костяных орудий ближе всего к мезолиту северной полосы Европы.

С Юго-Запада, из Балканского региона, пришли в Европейскую Россию производящее хозяйство и навыки металлургии. С этим как-то связано и распространение и в балканских странах, и в Северном Причерноморье, и в Нижнем Поволжье, – совершенно аналогичных антропоморфных стел и каменных скипетров, вроде обнаруженных в могилах ямной культуры. Из Средиземноморья продвинулись на территорию Украины, в Подонье, Нижнее Поволжье и Предкавказье племена катакомбной культуры. Оттуда же, видимо, была заимствована идея строительства дольменов, а из микенского мира – особая конская упряжь. Западное происхождение имеют и культуры бронзового века лесной полосы – среднеднепровская, фатьяновская, балановская.

Только во II тысячелетии до н.э. в Восточной Европе впервые становится заметным влияние азиатских культур. Тогда в степной полосе сложились подвижные скотоводческие кочевые общества, а население Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья начало остро нуждаться в казахстанском и сибирском олове для изготовления бронзовых изделий. Свидетельством этих влияний служат в степной полосе большая близость срубной и андроновской культур, а в лесной – появление сейминско-турбинских и абашевских древностей. Но мы наблюдаем и обратное: проникновение памятников срубного типа в Среднюю Азию и, возможно, влияние катакомбной культуры на афанасьевскую в Сибири.

Таким образом, древняя культура Европейской России это в основе европейское, а вовсе не евразийское явление. Вклад культур Востока в развитие населения и Причерноморья, и более северных районов в нашей литературе нередко преувеличивался.

Причин тому было несколько. В сознании европейцев не изгладился шок от появления гуннов Атиллы у стен Рима в 452 г., от походов монголов, достигших в 1240 г. Польши, Венгрии и Далмации, от сражений с турками в

предместьях Вены в 1529 г. Возникло впечатление о волнах, накатывавшихся с востока на запад на протяжении тысячелетий. Такие волны принялись конструировать и на археологическом материале для первобытной эпохи.

На мысль о движении населения с востока на запад наталкивали и построения лингвистов XVIII–XIX вв. Именно так объясняли родство европейских языков с санскритом, а финно-угорских — с некоторыми языками Сибири. Но сейчас старые схемы происхождения индоевропейцев из Индии, а финно-угров с Алтая оставлены как устаревшие. Археологи почему-то это не учитывают.

Материалы, добытые в ходе раскопок за последние десятилетия как в Европе, так и в Азии, подсказывают совсем другие решения старых вопросов.

Движение населения шло не столько с востока на запад, сколько с юга на север и с юго-запада на северо-восток. Эти традиционные направления были заложены еще в период первоначального освоения Восточной Европы человеком. Они закрепились при продвижении охотников на освободившиеся от ледника северные территории в конце палеолита и в мезолите. Рост населения в южных областях, где раньше всего сложились земледелие и скотоводство, вызвал отток населения в менее плотно освоенные северные и восточные районы в неолите и бронзовом веке.

Что касается Кавказа, то роль его древних культур была велика в период первоначального заселения Восточной Европы и на заре века металлов. В дальнейшем же она снизилась. Население степных и “плоскостных” районов Кавказа было теснее связано с Северным Причерноморьем, Подоньем, Нижним Поволжьем, чем с культурами Закавказья.

В целом изучение первобытной археологии Европейской России демонстрирует нам тот же путь развития культуры, что и в Европе. Но, начиная с эпохи производящего хозяйства, это развитие шло в замедленном темпе. Таких ярких явлений, как культура энеолита Болгарии, оставившая Варненский некрополь, и тем более как кри-то-микенская культура Средиземноморья, наша территория не знает.

“Основное ядро великорусской народности” складывалось в районах, где охотничье-рыболовческое хозяйство и культура неолитического облика задержались дольше всего. В раннем железном веке в Волго-Окском бассейне совершенно не чувствуется даже влияние скифской культуры, не говоря уже об античной. В более восточных районах Прикамья и Среднего Поволжья и то, и другое влияние оставили зримые следы. Думается, что все это не могло не сказаться на дальнейшей истории Европейской России. Освоение Волго-Окского бассейна славянами прошло раньше, легче и полнее, чем освоение русскими тех районов Поволжья, где на базе культур раннего железного века в X столетии сложилось Болгарское царство, а в послемонгольское время его наследники Золотая орда и Казанское царство.

Прослеживая преемственность в развитии культуры в Европейской России с древнейших времен и вплоть до средневековья, мы не хотим сказать, что все звенья в этой цепи уже найдены, что никаких разрывов нет. К сожалению, “темные века” – т.е. периоды, не освещенные дошедшими до нас источниками, бывают не только в письменной истории, но и особенно часто в археологии. Так, можно указать на разрыв между мустьерской эпохой и поздним палеолитом. Но, думается, главные лакуны со временем заполнятся, а общая схема не будет отвергнута, лишь уточнится и получит подтверждения.

Таковы в крайне кратком и неминуемо схематичном изложении выводы специалистов по первобытной археологии, важные, на мой взгляд, для историков, стремящихся постичь ход русской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Имею в виду такие ненаучные сочинения, как например: *Гоборев В.М.* Предыстория Руси. М., 1994. Ч. 1–2; *Золин П.Ф.* Русь до Руси. Новгород, 1991–1992. Ч. 1–2. *Кандыба В.М.* История русского народа до XII века н.э. М., 1995. *Он же.* Ригведа – религия и священная книга русских. М., 1997. *Шилов Ю.А.* Прародина ариев. Киев, 1995. *Фоменко А.Т., Носовский Г.В.* Библейская Русь. М., 1998. Ч. I. *Петухов Ю.Д.* История русов 40–5 тысячелетий до н.э. М., 2000.
- ² В более специальной форме мои взгляды выражены в книгах: *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; *Он же.* Проблемы этнокультурной истории каменного века Европейской части СССР. М., 1997, и в серии статей в археологической периодике.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ

- ¹ *Любин В.П.* Проблема первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // *Археологические вести.* 1998. Кн. 5. С. 16–39.
- ² *Дороничев В.Б.* Палеолит Карачаево-Черкесии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 4. *Он же.* Раскопки стоянки в Треугольной пещере // *Вопросы археологии Адыгеи.* Майкоп, 1992. С. 102–104.
- ³ *Любин В.П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.
- ⁴ Обзор находок см.: *Археология СССР: Палеолит.* М., 1984. С. 96–99.
- ⁵ См., например: *Топоров В.Н.* Заметка о растительном коде основного мифа // *Балканский лингвистический сборник.* М., 1977. С. 196–207.

- ⁶ Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европейской части СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- ⁷ Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 159.
- ⁸ Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. М., 1991.
- ⁹ Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера // Российская археология. 1998. № 3. С. 90–94.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

- ¹ Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 93–138.
- ² Археология СССР: Палеолит. М., 1984. С. 162–271. Абсолютные даты см. в кн.: Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. СПб., 1997.
- ³ Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века Европейской части СССР. М., 1977. С. 31.
- ⁴ Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986. С. 78–80.
- ⁵ Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. Л., 1982. С. 68, 69, 159, 160, 163, 164; рис. 52, 55.
- ⁶ Позднепалеолитическое поселение Сунгирь. М., 1998.
- ⁷ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 555–560.
- ⁸ Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962.
- ⁹ Бадер О.Н. Каповая пещера. М., 1965; Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- ¹⁰ Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953. С. 345–352.
- ¹¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1984. Т. I. С. 121; Т. II. С. 241, 242.

МЕЗОЛИТ

- ¹ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 31–82.
- ² Общий обзор см.: Археология СССР: Мезолит. М., 1989.
- ³ Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия. Свердловск; Самара, 1991.
- ⁴ Ошибкина С.В. Веретье I – поселение эпохи мезолита на Северо-Востоке Европы. М., 1997.
- ⁵ Неолит лесной полосы Восточной Европы. М., 1997.

ЮЖНОРУССКИЙ НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ

- ¹ Археология СССР: Энеолит. М., 1984. С. 177–321; Археология: Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 9–38.
- ² Археология СССР: Энеолит. С. 93–164.
- ³ Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- ⁴ Белановская Т.Д. Из древнейшей истории Нижнего Подонья. Л., 1985.
- ⁵ Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1983. С. 142–172.
- ⁶ Моргунова Н.Л. Неолит – энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- ⁷ Археология: Неолит Северной Евразии. С. 48–58.
- ⁸ Амирханов Х.А. Чохское поселение. М., 1987; Шнирельман В.А. Происхождение производящего хозяйства. М., 1989.
- ⁹ Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993. Рис. 21, 49; Логвин В.Н. Каменный век Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 38; рис. на обложке.
- ¹⁰ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981. С. 107–116.

НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

- ¹ См. обзор: Археология: Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 135–252.
- ² Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997. С. 102–106.
- ³ Рыболовство и морской промысел эпохи мезолита – раннего металла. СПб, 1991; Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье 2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997. С. 52–60.
- ⁴ Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 10–27; Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР. Л., 1990.
- ⁵ Неолит лесной полосы Восточной Европы... С. 27, 115.
- ⁶ Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936; Он же. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938; Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970. Ч. I.

- ⁷ Искусство каменного века. М., 1992.
- ⁸ *Евсеев В.Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957. Ч. I. С. 84, 85, 121.
- ⁹ *Лаушкин К.Д.* Онежское святилище // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. [Вып.] IV; 1962. [Вып.] V.
- ¹⁰ *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М.; Л., 1984. Т. I. С. 137, 140, 142, 144, 145.
- ¹¹ Искусство каменного века. Рис. 154; *Топоров В.Н.* Из истории балто-славянских культурных связей: Анчутка // *Baltistica*. Vilnius, 1977. [Кн.] IX (1). С. 29–44.
- ¹² *Аничков Е.В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1913. С. 31.
- ¹³ *Байбурун А.К.* Строительная жертва и связанные с ней ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л., 1973. С. 155–162.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

- ¹ *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- ² Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1995. С. 287–355.
- ³ *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 64–152.
- ⁴ *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
- ⁵ *Иссен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. 1971. № 23. С. 75–124.
- ⁶ *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 89–98.
- ⁷ Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифское и сарматское время. М., 1989. С. 252–267.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

- ¹ *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 99–113.
- ² Полное собрание русских летописей. СПб, 1910. Т. 23. С. 147; М., 1959. Т. 26. С. 189.
- ³ *Зайцев М.М.* Праиндоевропейские истоки древнегреческого эпоса // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 96–107.

- ⁴ Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 91–95.
- ⁵ Синицын И.В. Археологические исследования в Заволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1959. № 60. Рис. 56. С. 184.
- ⁶ Шилов В.П. Первые ремесленники эпохи бронзы в Предкавказских степях // Культурный прогресс в эпоху бронзы. Ереван, 1982. С. 101–103; Смирнов Ю.А. Погребение мастеров – изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М., 1983. С. 168–177.
- ⁷ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 163–194.
- ⁸ Гольмстен В.В. Серпы из Сосновой мазы // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 32–36.
- ⁹ Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- ¹⁰ Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР. 1953. Вып. 50. С. 137–148; Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи меди-бронзы. Воронеж, 1993; Он же. Мосоловское поселение мастеров-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1996.
- ¹¹ Шилов В.П. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // Советская археология. 1975. № 4. С. 5–16.
- ¹² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Каменный век. Самара, 2000. С. 216–228.
- ¹³ Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев, 1990.
- ¹⁴ Княшко Б.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- ¹⁵ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
- ¹⁶ Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977. С. 110–154.
- ¹⁷ См. обзоры: Мерперт Н.Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР. 1961. Вып. 83. С. 3–8; Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. М., 1988. Т. I. С. 97–110.
- ¹⁸ Вадецкая Э.Б. Сибирские курьельницы // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР. 1986. Вып. 85. С. 50–59.

- ¹⁹ Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. Горький, 1989.
- ²⁰ Кузьмина Е.Е. Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тысячелетия до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 71–73.
- ²¹ Отрощенко В.В., Формозов А.А. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху бронзы // Studia praehistorica. Sofia, 1988. [Fasc.] IX. С. 147–178.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

- ¹ Общий обзор см.: Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы. М., 1983.
- ² Раушенбах В.М. Фатьяновские погребения на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Труды Государственного исторического музея. М., 1970. Вып. 37. С. 28–37.
- ³ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древнейшая металлургия в Восточной Европе. М., 1989.
- ⁴ Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.
- ⁵ О сетчатой керамике см.: Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 125–145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Lee R.V., Devore J. Man the Hunter. Chicago, 1972.
- ² См. карты в кн.: Третьяков П.Н. Восточно-славянские племена. М., 1953 и сводку: Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- ³ Ключевский В.О. Курс русской истории // Собр. соч. в 9-ти т. М., 1987. Т. I. С. 50, 51.
- ⁴ Любавский М.К. Образование основной территориальной великорусской народности. Л., 1928; Он же. Очерк истории русской колонизации. М., 1997.
- ⁵ Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 23–60.
- ⁶ Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. Л., 1924; Полное собрание русских летописей. Л., 1929. Т. I. С. 19.
- ⁷ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995.

- ⁸ Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа // Труды Института этнографии Академии Наук СССР. 1965. Т. 88. С. 190.
- ⁹ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по антропологическим данным. М., 1973. С. 273.
- ¹⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 29.
- ¹¹ Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1. С. 143–145; Русские. М., 1997. С. 107, 108.
- ¹² Костомаров Н.И. Собр. соч. В 21 кн. СПб., 1903. Кн. 1, т. I. С. 3–158.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первоначальное заселение Европейской России. Ранний палеолит	14
Поздний палеолит	29
Мезолит	44
Южнорусский неолит и энеолит	58
Неолит лесной зоны Европейской России	70
Бронзовый век Северного Кавказа	85
Бронзовый век степной и лесостепной полосы Европейской России	100
Бронзовый век лесной полосы Европейской России	123
Заключение	138
Примечания	147

Научно-популярное издание

Формозов
Александр Александрович

**ДРЕВНЕЙШИЕ
ЭТАПЫ ИСТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-популярная литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *И.В. Ключкина*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

Подписано к печати 22.09.2003
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 8,4. Усл.кр.-отт. 8,7. Уч.-изд.л. 7,8
Доп. тираж 610 экз. Тип. зак. 1148
Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru
Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ:**

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья / С.Н. Кореневский; Ин-т археологии. – М.: Наука, 2004. – 30 л. – ISBN 5-02-008898-6 (в пер.)

Монография посвящена исследованию высокоразвитой культуры племен, обитавших около 6 тыс. лет назад в предгорьях и на равнинах Северного Кавказа. Автор стремится систематизировать и показать величие утвари майкопских племен, дать описание изделий из бронзы, отразить открытия последних лет в области изучения погребальных обрядов, поселений, традиций изготовления керамики этих племен. Среди последних находок широко представлены оружие, инструменты деревообработки, древнейшая на Кавказе и в Европе металлическая посуда из золота, серебра, бронзы, каменные инструменты и предметы культа. Большое внимание уделено выделению локальных вариантов, хронологии памятников, изучению хозяйства и климатических условий.

Для археологов, этнографов, историков, искусствоведов.

**Краткие сообщения Института археологии /
Ин-т археологии. – М.: Наука, 1939 –. – ISBN 0130-
2620**

Вып. 216. – 2004. – 10 л. – ISBN 5-02-008907-9

В выпуске публикуются статьи о результатах новейших исследований в области каменного и бронзового веков, скифо-сарматской, античной и средневековой культур. В научный оборот введены наиболее существенные экспедиционные открытия, систематизированы вещевые и керамические находки, характеризуются результаты камеральных изысканий. Публикуются и работы периферийных археологов, выступавших с докладами в Институте или на конференциях, проводимых Институтом. Даны заметки, информирующие о научной деятельности Института и его подразделений.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. / Ю.Ю. Моргунов; Отв. ред. А.А. Обломский; Ин-т археологии. – М.: Наука, 2004. – 18 л. – ISBN 5-02-008897-8 (в пер.)

Монография основана на итогах полевых исследований остатков древнерусского поселения на р. Суле, на берегах которой в XI–XIII вв. сформировалась одна из наиболее устойчивых оборонительных линий Южной Руси против кочевников. Подробно анализируются материалы многолетних раскопок памятника, позволяющие проследить основные этапы развития его поселенческой структуры от незначительного северного поселка до развитого фортификационного комплекса, возведенного на удобной речной переправе. Не оставлены без внимания и планиграфия Сампсониева острова, особенности его домостроительства, приметы земледельческой, ремесленной культуры и опыт демографического анализа поселения.

Для археологов, историков.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга–почтой”

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-40-64
- Магазины “Академкнига” с указанием “Книга–почтой”**
- 690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232)
45-27-91 antoli@mail.ru
- 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 3432) 50-10-03 KNIGA@SKY.ru
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952)
42-96-20
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
- 220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru
http://akadkniga.nm.ru
- 117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
- 103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
- 113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.);
737-03-33, 737-03-77 (доб. 50-10)
- 630901 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
akademkniga@mail.ru
- 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
- 443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга-почтой”); (код 8462)
37-10-60
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57 (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru
- 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2 (код 812) 328-32-11
- 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т; 4 (код 812) 247-70-39
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru

akadkniga@voxnet.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*
